

ОТ АВТОРА КУЛЬТОВОГО МИРОВОГО БЕСТСЕЛЛЕРА
NEW YORK TIMES «АЛАЯ КОРОЛЕВА»

ВИКТОРИЯ АВЕЯРД

18+

The background of the entire cover is a textured gold color. In the center, there is a large, ornate sword hilt with a sunburst pommel and a crossguard. A hand is shown gripping the hilt, with a visible blood wound on the wrist. The hand is wearing a blue sleeve. The title 'РАЗРУШИТЕЛЬ МИРОВ' is written in large, white, serif capital letters across the middle of the image, partially overlapping the hand and the sword hilt.

РАЗРУШИТЕЛЬ МИРОВ

СПАСИ МИР ИЛИ УНИЧТОЖЬ ЕГО

Young Adult. Мировой бестселлер Виктории Авеярд

Виктория Авеярд

Оллвард. Разрушитель миров

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Авеярд В.

Оллвард. Разрушитель миров / В. Авеярд — «Эксмо»,
2021 — (Young Adult. Мировой бестселлер Виктории Авеярд)

ISBN 978-5-04-159353-7

Холодная тьма сгустилась над Оллвардом. Даже Корэйн, скрывшаяся ото всех в портовом городке на побережье Долгого моря, явно чувствует ее дыхание. Вскоре истина откроется девушке: она последняя, кто остался в живых из рода Древнего Кора, – единственная надежда этого мира. Лишь ей под силу спасти империю от разрушения. Но Корэйн теперь не одна. С наступлением темноты к ней присоединятся новые союзники: ОРУЖЕНОСЕЦ, вынужденный выбирать между домом и честью. БЕССМЕРТНЫЙ, жаждущий отомстить тем, из-за кого он нарушил обещание. УБИЙЦА, кровожадная хищница, изгнанная из Гильдии. ВЕДЬМА, чья привычка говорить загадками скрывает дар прорицания. ФАЛЬСИФИКАТОР, за плечами которого темное прошлое. ОХОТНИЦА ЗА ГОЛОВАМИ в предвкушении новой крови. Вместе они должны противостоять жестокому врагу, непобедимому и исполненному решимости сжечь все королевства дотла. А также победить армию, которой свет еще не видывал.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-159353-7

© Авеярд В., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Дочь контрабандистки	21
Глава 2. Голос, подобный зиме	30
Глава 3. Между драконом и единорогом	38
Глава 4. Трусость бессмертной	46
Глава 5. Сделка со штормом	56
Глава 6. Наследие крови	69
Глава 7. Королева Львов	78
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Виктория Авеярд

Разрушитель миров

*Посвящается тем, кто находится в вечном поиске чего-то
недостижимого*

Victoria Aveyard

Realm Breaker

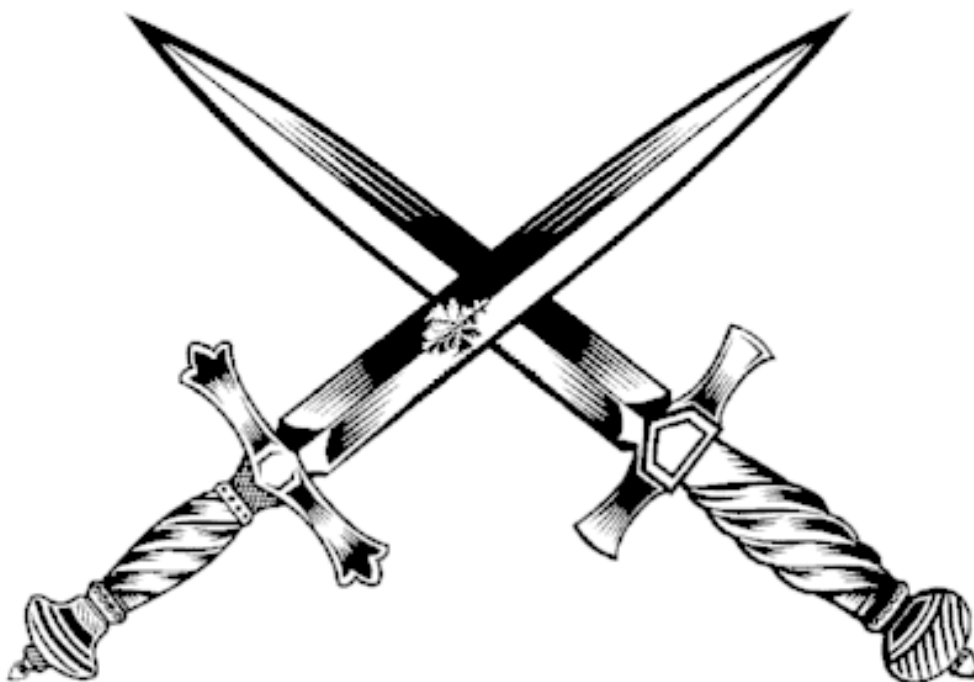
Copyright © 2021 by Victoria Aveyard

Map art by Francesca Baraldi

Map © & ™ 2021 Victoria Aveyard. All rights reserved.

© Федотова А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Ненаписанная песнь

Никому из ныне живущих смертных не приходилось видеть Веретено.

От Веретен остались лишь отголоски. Они сохранились как в давно забытых краях, так и у всех на виду; они проявлялись в людях, внутри которых горела частичка волшебства, и в потомках существ, пришедших сюда из других миров. Но вот уже многие столетия не загоралось ни одно Веретено. Последнее из них исчезло тысячелетие назад. Проходы закрылись, врата запечатались. Время путешествий между мирами подошло к концу.

Оллвард остался один на один сам с собой.

«Так и должно быть, – думал Эндри Трелланд. – Мы должны сохранить нынешний порядок вещей ради общего блага».

Оруженосец поправлял доспехи своего лорда, не обращая внимания на начинающийся дождь. Его смуглые, с медовым отливом пальцы проворно выполняли заученные движения, подтягивая кожаные ремни и закрепляя золотистые пряжки, стягивавшие широкое тело сэра Гранделя Тира. Оплечья и нагрудник, выкованные так, чтобы напоминать ревущего льва – символ королевства Галланд, – были начищены до блеска.

Забрезжил рассвет. Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь весенние тучи, нависшие над холмами и горными пиками, возвышавшимися позади. Эндри казалось, что он стоит в комнате с низким потолком. Оруженосец сделал вдох, пробуя влажный воздух на вкус. Реальность давила на него со всех сторон.

Тринадцать коней были привязаны в ряд. Они всхрапывали и жались друг к другу, пытаясь согреться. Эндри жалел, что не может к ним присоединиться.

Отряд Соратников выжидал, расположившись на поляне у подножия холма. Некоторые следили за скрывавшейся за деревьями паломнической тропой, готовые к появлению врага. Другие осматривали заросший плющом храм, белые колонны которого напоминали кости давным-давно погибшего зверя. Высеченные на стенах буквы были знакомы Эндри. Письмена Древних – подобные тем, что он видел в легендарной Айоне. Храм построили в давние времена, еще до появления древней империи Кор, на месте угасшего ныне Веретена. Уже долгие годы его колокольня безмолвствовала. Эндри не имел ни малейшего понятия, куда прежде вело Веретено, находившееся внутри. Никто ему не сказал, а он так и не набрался смелости спросить. И все же он ощущал его словно едва уловимый запах. Как эхо утерянной силы.

Бледнокожий сэр Грандель скривил рот, хмуро взирая на небо, храм и воинов, стоявших внизу.

– Поверить не могу, что меня разбудили в такую рань, Веретено вас всех побери, – громогласно выругался он.

Эндри не обратил внимания на жалобу наставника.

– Все готово, мой лорд, – произнес он, делая шаг назад.

Оруженосец окинул сэра Гранделя взглядом, выискивая в его обличье малейший изъян, который мог бы помешать ему в грядущей битве.

Рыцарь гордо выпятил грудь. Вот уже три года Эндри служил оруженосцем при сэре Гранделе. Его лорд отличался высокомерием, но Эндри не знал ни одного человека, владевшего мечом столь же искусно, как сэр Грандель, который сумел бы обуздать гордыню. В этом не было ничего удивительного.

Доспехи сэра Гранделя были в идеальном порядке, от мысков стальных саботонов до латных перчаток. Опытный рыцарь мог послужить образцом силы и храбрости, воплощением идеалов королевской Львиной гвардии. Его вид внушал как ужас, так и восхищение.

Перед глазами Эндри в очередной раз возникла другая картина: вот он сам стоит в рыцарских латах со львом на груди, зеленой мантией на плечах и отцовским щитом в руке. Тем самым, что обычно висел на стене в гостиной его матери. Расколотый почти надвое, он пылится там уже много лет.

Оруженосец склонил голову, отгоняя видение прочь.

– Вы готовы?

– Конечно же, я готов! – отозвался рыцарь, обхватив пальцами рукоять меча. – Не зря же я столько дней тащил свои старые кости по всему Варду. Сколько времени прошло с тех пор, как мы покинули дом, Трелланд?

– Два месяца, сэр, – сказал Эндри, не задумываясь. – Мы выехали из дома почти ровно два месяца назад.

Ответить на этот вопрос ему было столь же легко, как сказать, сколько пальцев у него на руке. Каждый день, что они находились в пути, таил в себе новое приключение. Они ехали по диким долинам и горам в страны, которые он даже не мечтал увидеть. Рядом с ним скакали рыцари, чьи слава и доблесть не знали себе равных. Герои, все до одного.

Теперь же их поход близился к концу. Впереди уже маячила битва, но Эндри боялся не ее, а того, что за ней последует.

Легкий, быстрый путь домой. Тренировочная площадка и дворец. Мать больна, отца нет в живых. Следующие четыре года мне будет нечего ждать – останется лишь сопровождать сэра Гранделя из тронного зала до винного погреба.

Не заметив печали на лице оруженосца, сэр Грандель продолжил высказывать свое недовольство:

– Кто-то вскрывает Веретена и распечатывает проходы в забытые миры. Полная чепуха. Мы гоняемся за детской сказкой, – проворчал рыцарь, сгибая и разгибая пальцы в латной перчатке. – Помогаем призракам ловить других призраков.

Он качнул головой в сторону готовых к бою Соратников, чьи разноцветные одежды напоминали драгоценные камни, вставленные в корону. Взгляд его бледно-голубых глаз задержался на некоторых из них.

Эндри посмотрел в ту же сторону – на несколько фигур, застывших в напряженной, неподвижной позе. Их оружие казалось странным, а привычки удивляли еще сильнее. Хотя Соратники провели в пути уже много дней, иные из них оставались такими же загадочными, как в начале путешествия. Непостижимые, словно составленная волшебником головоломка, отчужденные и невероятные, как ожившая легенда. И при этом они стоят прямо передо мной.

– Они вовсе не призраки, – пробормотал Эндри, наблюдая, как один из них обходит храм по периметру.

Он был чрезвычайно высок и широкоплеч, со светлыми волосами, заплетенными в косы. Чтобы поднять меч, висевший на его поясе, понадобилась бы сила двух обычных воинов. «Дом, – подумал Эндри, хотя, на самом деле имя Древнего было гораздо длиннее и сложнее для произношения. – Принц Айоны».

– Древние – существа из плоти и крови, такие же, как и мы, – закончил он.

Их можно было с легкостью отличить от других рыцарей. Каждый из шестерых Древних напоминал прекрасную статую; все они выглядели по-разному, но все же чем-то походили друг на друга. Они были так же далеки от смертных, как птицы от рыб. Легенды гласили, что они родились под иными звездами. Малочисленные исторические документы сообщали, что они пришли из другого мира.

«Бессмертные», – подумал Эндри.

Вечно молодые, невероятно красивые, не знающие смерти, отчужденные – и исчезнувшие давным-давно. Даже столько времени спустя Эндри не мог заставить себя отвести от них глаза.

Они называли себя видэрами, но все же для прочих обитателей Варда – для смертных, которые знали их только по древним сказаниям и полузабытым легендам, – они были Древними. Их осталось немного, но Эндри Трелланду казалось, что они сохранили свою мощь.

Принц Древних, заворачивавший за угол храма, поднял пронзительно-изумрудные глаза и встретился с ним взглядом. Эндри тут же опустил голову, вспомнив, что слух бессмертного позволял ему слышать их разговор. Щеки оруженосца загорелись.

Ничуть не смутившись, сэр Грандель все так же холодно взирал на Древнего из-под забрала.

– Можно ли пролить кровь бессмертного, оруженосец?

– Не знаю, милорд, – ответил Эндри.

Рыцарь обвел взглядом остальных бессмертных. Они прибыли сюда из полузабытых крошечных поселений, находившихся по всему Варду. Эндри затвердил их имена, как заучивал имена придворных, чтобы помочь сэру Гранделю не попасть в неловкую ситуацию, но также и из собственного любопытства.

Две Древних женщины выделялись на фоне остальных бойцов, при этом ни в чем им не уступая. Их присутствие повергло в шок всех смертных мужчин в Отряде – особенно рыцарей Галланда. Эндри они по-прежнему завораживали, если не сказать – повергали в трепет. Роуэнна и Маригон – равно как и Арберин – жили в городе Сирандель, скрывавшемся глубоко в лесу Каслвуд. Эндри предполагал, что они состоят в близком, кровном родстве: у всех троих были рыжие волосы, бледная кожа, заостренные лисьи лица и насыщенно-пурпурные кольчуги, переливающиеся, как змеиная кожа. Они напоминали осенний лес, в котором освещенные солнцем деревья чередуются с тенью.

Думая про Наура, Эндри использовал местоимение «они». Они были родом из Хизира – селения, расположенного в Великих песках Айбала, – и казались Эндри одновременно и мужчиной, и женщиной. Они не носили никаких доспехов; их тела были плотно обернуты сумеречно-розовым шелком, окаймленным россыпью драгоценных камней. Их кожа имела золотистый оттенок, глаза, отливавшие бронзой, были подведены сурьмой и искристо-фиолетовой краской, а черные волосы заплетены в затейливые косички.

И, наконец, в их рядах был Сурим, проделавший самый долгий путь из всех смертных и бессмертных Соратников: верхом на своей коренастой лошади он пересек бескрайнюю Темурийскую степь. Казалось, что этот мужчина с бронзовой кожей и глубоко посаженными глазами все еще носит на своих плечах путешествие из Таримы, словно тяжелый плащ.

Что касается Дома, он вызывал ассоциацию с дубом и оленьим рогом. Под серо-зеленой мантией Древнего виднелась кожаная одежда с рельефным изображением оленя на груди – символом его поселения и правительницы, которой он служил. На его руках не было ни перчаток, ни латных рукавиц, а на пальце сияло кованое серебряное кольцо. Его домом была Айона, затерянная среди долин и горных хребтов Калидона – место, где Соратники впервые повстречались друг с другом. Она четко отпечаталась в памяти Эндри: то был окутанный туманом каменный город Древних, которым правила бессмертная дама в серых одеяниях.

Его воспоминания оборвал голос сэра Гранделя.

– А что скажешь насчет наследника древней империи – принца, в чьих жилах течет кровь Древнего Кора? – прошипел рыцарь. О его слова можно было порезаться, словно о лезвие бритвы. – Каким бы царственным он ни был, разрази его Веретено, он такой же смертный, как и любой из нас.

Эндри Трелланд вырос во дворце. Ему было хорошо известно, как звучит зависть.

Кортаэль, наследник Древнего Кора, стоял в отдалении от остальных, топча сапогами дробленные камни паломнической тропы. Он замер, вглядываясь в тенистые лесные заросли,

словно волк, затаившийся в своем логове. Кортаэль тоже носил мантию цветов Айоны, а на его стальном нагруднике были отлиты олени рога. По его плечам рассыпались волосы – темно-красные, как пролитая в сумерках кровь. Он не был подданным ни одного из королевств смертных, но на его твердом лбу и в уголках тонких губ пролегали тонкие морщинки. Эндри предполагал, что ему должно быть около тридцати пяти лет. Так же, как и Древние, он был наследником Веретенной крови, ребенком двух миров, чьи смертные предки родились под иными звездами.

То же можно было сказать и о его мече. Веретенный клинок. Обнаженное оружие, отражавшее серое утреннее небо, было покрыто символами, которые не мог расшифровать ни один из ныне живущих. В его присутствии слышалось шипение молнии.

Сэр Грандель прищурил глаза.

– Можно ли пролить его кровь?

– Это мне тоже неизвестно, – пробормотал Эндри, с трудом отрывая взгляд от клинка.

Сэр Грандель похлопал оруженосца по плечу.

– Не исключено, что нам предстоит это выяснить, – произнес он и принялся спускаться с холма. Каждый его шаг сопровождался лязгом тяжелых доспехов.

«От всей души надеюсь, что нет», – подумал Эндри, наблюдая за тем, как его лорд подходит к остальным смертным Соратникам. Сэр Грандель остановился рядом с кузенами Норт – двумя другими рыцарями из Галланда. Эдгар и Рэймон Норты были утомлены долгим походом не меньше своего соотечественника, и на их усталых лицах читались те же эмоции.

К ним приблизился наемник с рогатым шлемом на голове и чересчур широкой улыбкой на губах. К вящей досаде рыцарей и немалому удовольствию Эндри, Бресс, по прозвищу «Укротитель быков» не упускал возможности подшутить над почтенными мужами.

– Пусть вы не пойдете в этот бой с мечом в руках, вам все же следует принести молитву богам, прежде чем он начнется, – проговорил низкий голос, вкрадчивый, как раскат грома.

Эндри обернулся и увидел, как из-за деревьев показался еще один рыцарь. Оокран из Кейсы – славного королевства, раскинувшегося на юге Олларда, – приближался к нему, склонив голову в знак приветствия. Под его левой подмышкой был зажат шлем, а под правой – копье. На его жемчужно-белом нагруднике был выгравирован кейсанский орел, застывший в немом крике, расправивший крылья и вытянувший когти, готовый убивать. Улыбка Оокрана была подобна падающей звезде – она казалась ярко-белой вспышкой на фоне его черной как смоль кожи.

– Милорд, – проговорил Эндри, склонив спину. – Не думаю, что боги захотят внимать словам оруженосца.

Оокран изогнул бровь.

– Вот чему вас учит сэр Грандель?

– Я должен принести вам извинения от его лица. Он утомлен долгой дорогой, ведь за эти недели ему пришлось пересечь полмира под палящим солнцем.

Оруженосец был обязан исправлять любые несовершенства в образе своего лорда – как делом, так и словом.

– Он не хотел обидеть ни вас, ни остальных, – закончил Эндри.

– Не беспокойтесь, оруженосец Трелланд. Не в моих правилах обращать внимание на назойливых мух, – ответил южный рыцарь, махнув гибкой рукой. – Сегодня мне уж точно не до того.

Эндри с трудом удержался, чтобы не нарушить правила вежливости и не ухмыльнуться.

– Вы только что назвали сэра Гранделя мухой?

– А если так, вы ему расскажете?

Оруженосец ничего не сказал, но его молчание было ответом само по себе.

– Вы хороший парень, – усмехнулся кейсанец, надевая шлем и поправляя на носу аметистовую защитную планку. И вот перед Эндри уже стоял Орлиный рыцарь, словно герой легенды, воплотившийся из сна в реальность.

– Вам страшно? – выпалил Эндри, прежде чем успел остановиться. Лицо Окрана смягчилось, придавая оруженосцу храбрости. – Вас пугают волшебник и вор?

Несколько долгих секунд кейсанец молчал. Он неторопливо и задумчиво обвел взглядом храм, поляну и Кортаэля, стоявшего на ее краю, подобно часовому. По листьям стучали капли дождя, и лесные тени казались уже не черными, а серыми. Все было спокойно и буднично.

– Опасность представляет Веретено, а не те, что его ищут, – мягким голосом проговорил он.

Как бы Эндри ни пытался, он не мог их представить. Похититель меча и злонамеренный маг. Два человека против Соратников – двенадцати воинов, половину из которых составляли Древние. «Отряд сотрет их в порошок и одержит легкую победу», – подумал он и заставил себя кивнуть.

Кейсанец приподнял подбородок.

– Древние воззвали к правителям королевств, населенных смертными, и меня отправили им на помощь – так же, как и ваших рыцарей. Мне мало что известно о крови Древнего Кора или о Веретенной магии, и я едва ли в них верю. Похищенный меч и проход в другой мир, что вот-вот разверзнется? Мне кажется, все это не более чем распря между двумя братьями, до которой великим королевствам Варда не должно быть никакого дела.

Он усмехнулся и покачал головой.

– Но неважно, что я думаю о словах правительницы Древних или о предостережении Кортаэля. Моя задача – противостоять тому, что может произойти. В худшем случае ничего не случится. Никто не придет.

В его теплых темных глазах мелькнула тень неуверенности.

– В лучшем – мы спасем мир, прежде чем он поймет, что находился в опасности.

– Kore-garay-sida.

Эндри освоил родной язык матери в далеком детстве, и сейчас эти слова легко сорвались с его губ, оставив на них медовый привкус.

Такова воля богов.

Окран моргнул, застигнутый врасплох. В следующую секунду губы рыцаря растянулись в улыбке, озарившей все его лицо.

– Ambara-garay, – проговорил он, заканчивая молитву, и склонил голову. *Доверься богам.* – Вы не говорили, что знаете кейсанский, оруженосец.

– Меня научила мать, – ответил Эндри, выпрямляя спину.

Хотя его рост составлял почти шесть футов, рядом с подтянутой фигурой Окрана он казался себе карликом. Проведя детство в Аскале, Эндри привык, что выделяется темным оттенком кожи, и гордился этим наследием своих предков.

– Она родилась в Нконабо в роду Кина Кианэ. – Клан его матери был известен даже северянам.

– Благородное семейство, – сказал Окран, все еще широко улыбаясь. – Навестите меня в Бенае, когда мы положим конец этой истории и вернемся к привычной жизни.

«В Бенае, – подумал Эндри. – В городе из золота и аметиста, уютно устроившимся на зеленых берегах Нкона».

Рассказанные матерью истории зазвучали в его памяти, словно песня, и родина, которую он никогда не видел, вдруг приобрела яркие очертания. Но видению не было суждено продолжиться: холодные капли дождя отрезвляли и возвращали к реальности. Его посвятят в рыцари не раньше чем через три или даже четыре года. «Это целая жизнь, – размышлял Эндри. – К тому же есть столько важных вещей, о которых нельзя забывать. Мое положение в Аскале, мое

будущее, моя честь. – У него упало сердце. – У рыцаря нет права бродить там, где вздумается. Он должен оберегать слабых, помогать беззащитным и, самое главное, служить своей стране и королеве. А не любоваться красотами чужих королевств.

А еще нужно думать о матери, ведь ее здоровье стало таким хрупким».

Эндри сделал над собой усилие и улыбнулся.

– Когда мы положим конец этой истории, – эхом отозвался он и помахал Окрону рукой, когда тот стал спускаться с холма, легко ступая по намокшей траве.

Доверься богам.

Сейчас, когда Эндри находился у подножия великих оллардских гор в окружении героев и бессмертных, ему и правда казалось, что он ощущает присутствие богов. Кто еще мог помочь ему ступить на этот путь – ему, простому оруженосцу, сыну благородной иностранки и бедного рыцаря? Ему, в чьих жилах не текло ни капли королевской крови и в чьем владении никогда не окажется родового замка?

Завтра мне уже не быть таким юнцом. Завтра, когда мы положим этой истории конец.

К Кортаэлю, стоявшему на краю поляны, подошел бессмертный принц Айоны, который все это время использовал свой острый слух, чтобы следить за происходящим в лесу. Даже не спускаясь с холма, Эндри видел, каким мрачным и непреклонным сделалось выражение лица Древнего.

– Я слышу их шаги. – Его слова прозвучали как удар плетью. – Они в полумиле от нас. Их двое, как и ожидалось.

– Нам необходимо обезопасить себя от мага, – выкрикнул Бресс. Лезвие топора, закинутого за его плечо, улыбкой блеснуло на фоне серого неба.

Бессмертные сирандельцы посмотрели на него как на неразумного ребенка.

– Мы – залог вашей безопасности, Укротитель быков, – мягко произнес Арберин с акцентом, в котором звучали нотки его непостижимого языка.

Наемник поджал губы.

– Красный маг – лишь докучливый мошенник, только и всего, – проговорил Кортаэль, не поворачивая головы. – Встаньте по периметру храма и не покидайте своих позиций.

Наследник Древнего Кора был прирожденным лидером, привыкшим отдавать приказы.

– Таристан попытается прорваться сквозь наши ряды и разверзнуть проход в другой мир, прежде чем мы успеем его остановить, – закончил он.

– Его ждет неудача, – громогласно произнес Дом, доставая из ножен свой великолепный меч.

Окран ударил о землю древком копья в знак согласия, а кузены Норт загремели своими щитами. Сэр Грандель выпрямил спину, расправил плечи и решительно сжал зубы. Древние заняли свои места, держа в руках луки и клинки. Соратники были готовы к бою.

Небеса наконец разверзлись, и холодная морось перешла в ливень. Эндри поежился, чувствуя, как капли проникают под неплотно прилегающую к коже одежду и стекают по спине.

Кортаэль, стоявший лицом к тропе, выставил клинок перед собой. Струившийся по мечу дождь скрывал высеченные на стали древние символы. По лицу Кортаэля также стекали капли, но он переносил непогоду со стойкостью каменной статуи. Хотя Кортаэль был смертным, в это мгновение казалось, что время не имеет над ним власти. На долю секунды – словно сквозь щель закрывающейся двери – в его образе проявился силуэт утраченного мира.

– Соратники! – прокричал Кортаэль, и его голос разнесся по всему храму.

Где-то в горах пророкотал гром. «Боги Варда следят за нами», – подумал Эндри. Он ощущал на себе их взгляд.

Дождь полил с удвоенной яростью, застилая поляну пеленой тумана и превращая траву в грязь.

Кортаэль не обращал на него ни малейшего внимания.

– Этот колокол молчал на протяжении тысячи лет, – продолжил он. – За это время никто не ступал за порог храма и не проходил сквозь Веретено. Мой брат хочет стать первым. Но этому не бывать. Его ждет неудача. Какое бы злое намерение ни привело его сюда, мы положим ему конец.

Меч сверкнул, отразив разряд молнии. Кортаэль сжал рукоять еще крепче.

– В крови Древнего Кора и Веретенном клинке достаточно силы, чтобы сорвать Веретено. Наш долг – предотвратить это бедствие и спасти наш мир. Спасти Вард.

Кортаэль поочередно взглянул на каждого из Соратников. Эндри вздрогнул, когда взгляд наследника Древнего Кора скользнул по его лицу.

– Сегодня мы сражаемся за наше завтра.

Слова Кортаэля были исполнены решимости. Они не рассеяли страх, все сильнее поднимавшийся в сердце Эндри Трелланда, но все же придали ему сил. Пусть его долг состоит лишь в том, чтобы наблюдать за боем и промывать раны воинов, он исполнит его неукоснительно. Он окажет Соратникам и Варду всю помощь, на которую только способен. Даже оруженосец может оказаться силен.

– Этот колокол молчал на протяжении тысячи лет, – повторил Кортаэль. Сейчас он казался не принцем, а простым солдатом. Он стал обычным смертным без наследия крови, который руководствовался лишь своим долгом. – Пусть же он промолчит еще столько же!

Снова грянул гром – на этот раз совсем недалеко от них.

И колокол зазвонил.

Соратники вздрогнули, все до единого.

– Не покидайте своих позиций, – приказал Дом. Ветер бесновался, развевая золотую копну его волос. – Это проделки Красного мага.

Звон колокола был одновременно глухим и насыщенным; в нем слышались как зов, так и предостережение. Эндри ощутил вкус его ярости и тоски. Казалось, что его отзвуки проходят взад и вперед, сквозь века и миры. Какой-то голос в голове Эндри призывал его к тому, чтобы отойти от колокола так далеко, как только возможно. И все же он оставался на месте, упершись ногами в землю и сжав кулаки. Я исполню свой долг неукоснительно.

Сэр Грандель обнажил зубы и ударил ладонью по груди, грохоча сталью о сталь.

– За мной! – проревел рыцарь древний боевой клич Львиной гвардии. Кузены Норт прокричали его в ответ.

Эндри почувствовал, как эти слова отражаются в его груди.

По-прежнему стоя на холме, Эндри сквозь пелену дождя различил на тропе две фигуры, неутомимо приближавшиеся к ним. Тот, кого звали Красным магом, оправдывал свое имя, будучи закутанным в мантию цвета пролитой крови. Несмотря на то, что его голову покрывал капюшон, Эндри видел его лицо. Вот он, волшебник. Он был молод, белокож и гладко выбрит, а его волосы походили на пшеницу. Несмотря на расстояние, Эндри мог различить красный огонь, которым сияли его глаза. Алое пламя затрепетало, когда маг принялся разглядывать Соратников. Он изучал их с ног до головы, и его губы беззвучно зашевелились, формируя слова, которые никто не был способен услышать.

На втором мужчине не было доспехов; он носил потертый кожаный костюм и плащ цвета грязи. Он казался оборванцем, невзрачной тенью на фоне своего сияющего, словно солнце, брата. Шлем скрывал его лицо, но не мог спрятать выбивавшиеся наружу темно-красные кудри.

Его оружие – точная копия клинка Кортаэля – все еще покоилось в ножнах, которые были украшены россыпью фиолетовых и красных камней и напоминали закат, сжатый цепкими пальцами. Меч и его похититель.

«Так вот как выглядит предполагаемая гибель этого мира», – растерянно подумал Эндри. Кортаэль не опускал своего меча.

– Ты глупец, Таристан.

Колокол в башне прозвенел еще раз.

Второй наследник Древнего Кора застыл на месте, прислушиваясь к колоколу, певшему в храме. Наконец он усмехнулся – его белозубая улыбка была видна даже несмотря на шлем.

– Как долго мы не виделись, брат?

Кортаэль смотрел на него безразличным взглядом.

– С рождения, – наконец ответил за него Таристан. – Уверен, ты отлично провел время, пока воспитывался в Айоне. Благословение Веретена сопровождает тебя с первого удара твоего сердца.

Хотя Таристан говорил спокойно и едва ли не дружелюбно, оруженосец ощущал в его голосе скрытую злость. Эндри словно наблюдал, как дикий пес готовится напасть на хорошо обученную гончую.

– И оно пребудет с тобой, пока твое сердце не остановится.

– Хотел бы я сказать, что рад встрече с тобой, брат, – произнес Кортаэль.

Дом, стоявший плечом к плечу с Кортаэлем, сверкнул яростным взглядом.

– Верни украденное, вор!

Быстрым движением пальцев Таристан обнажил несколько дюймов своего клинка. Даже сквозь завесу дождя было видно, как светится паутина запечатленных на стали символов.

Губы мужчины изогнулись в кривой улыбке.

– Если хочешь, можешь попробовать забрать его у меня, Домакриан.

Полное имя Древнего прозвучало в его устах неуклюже, словно результат не стоил затраченных усилий. Не вынимая меча из ножен, Таристан издевательски помахал им перед Соратниками.

– Если ты не отличаешься от своих собратьев, охранявших сокровищницу вашего народа, тебе это не удастся. Да и кто ты такой, чтобы лишать меня наследия, принадлежащего мне по праву рождения? Пусть я младше и не так значителен, но разве не будет справедливо, если у каждого из нас окажется по клинку наших предков, жителей утраченного мира?

– Твою авантюру ждет плачевный исход, – прорычал Кортаэль. – Сдавайся, чтобы мне не пришлось лишать тебя жизни!

Таристан скользнул ногой вперед с таким изяществом, словно был не воином, а танцором. Мгновенно отреагировав, Кортаэль поднес клинок к горлу брата.

– Ты вырос таким, каким тебя воспитывали Древние, – произнес он. – Воином, ученым, лордом, способным приказывать как людям, так и бессмертным. Ты стал наследником, которому предназначено воссоздать империю, погибшую давным-давно. И все это лишь для того, чтобы совершить то, что уже сделал я: вскрыть Веретена и распечатать проход. Чтобы помочь мирам воссоединиться. Чтобы позволить людям вернуться в дом, который они не видели уже множество столетий.

Он бросил взгляд на Дома.

– Что, Древний, скажешь, я не прав?

– Разверзнув Веретено, ты подвергнешь опасности все миры. Твоя корысть нас уничтожит, – прорычал Дом, теряя свое железное самообладание.

Таристан сделал еще один шаг по хлюпающей жиже, в которую превратилась земля.

– Одних она уничтожит, а иным принесет славу.

Невозмутимость слетела с лица Древнего, словно откинутый капюшон.

– Чудовище! – пророкотал Дом, вскидывая собственный меч.

Губы Таристана снова изогнулись в издевательской улыбке.

«Он получает от этого наслаждение», – с отвращением осознал Эндри.

– Нельзя вскрывать Веретена, – прорычал Дом. – Последствия...

– Не трать на него слова, – произнес Кортаэль. – Его участь предрешена.

Таристан замер на месте.

– Моя участь предрешена? – прошипел он. В его мягком тоне звенела опасность, словно клинок, скрытый под шелковой тканью. Внутри него клокотала ярость, подобная буре, бушевавшей над их головами.

У Эндри, стоявшего на холме, тревожно забилося сердце и участилось дыхание.

– Они забрали тебя, а затем обучали и твердили, что ты – особенный. Вновь обретенный император древней крови, рожденный Веретенном, – Таристан едва не дрожал от негодования. – Последний наследник древней династии, которому предречено величие. Тебе лишь предстояло заявить о своих правах на Древний Кор, а затем завоевать его и взойти на трон. Какая славная судьба для перворожденного сына родителей, которых ни ты, ни я не знали!

Обнажив зубы в похожей на оскал улыбке, он поднес обе руки к шлему и сорвал его с головы, чтобы все могли увидеть его лицо.

С губ Эндри сорвался изумленный вздох.

Братья застыли, словно зеркальные отражения друг друга.

Близнецы.

Пусть Кортаэль казался принцем, а Таристан – оборванцем, Эндри с трудом мог отличить одного от другого. У обоих были изящные черты, пронзительный взгляд, крутой подбородок, тонкие губы, высокий лоб и странная отрешенность, присущая всем, в чьих жилах текла Веретенная кровь. Она уподобляла их друг другу, отличая от всех прочих смертных.

Кортаэль в ужасе отшатнулся.

– Таристан, – произнес он, но шум дождя почти полностью заглушил его голос.

Его брат медленным, долгим движением вынул из ножен свой Веретенный клинок. Меч запел в унисон с колоколом – высокий свист слился с утробным ревом.

– Все твои мечты были даны извне. Каждую тропу, по которой ты ступал, для тебя находили другие, – продолжил Таристан. Струи дождя стекали по клинку. – В день нашего рождения была предрешена твоя участь, Кортаэль, а вовсе не моя.

– И что же ты выберешь сейчас, брат?

Таристан приподнял подбородок.

– Я выбираю жизнь, которую должен был прожить.

Снова раздался потусторонний звон колокола. На этот раз он звучал еще раскатистее.

– Ты дал мне возможность сдать. – Таристан изогнул губу. – Боюсь, я не смогу ответить тебе тем же. Ронин?

Маг воздел к небу белые как снег ладони.

Сирандельцы отреагировали так быстро, что Эндри не поверил своим глазам. Они выпустили три стрелы, целясь наверняка: в сердце, горло и глаз. Но стрелы вспыхнули и сгорели в паре дюймов от лица Ронина. Новые стрелы полетели в цель с той же невероятной быстротой, но все они загорались под алым взглядом и не оставляли после себя ничего, кроме струек дыма, терявшихся среди капель дождя.

Кортаэль поднял меч высоко над головой, намереваясь разрубить Ронина пополам.

Таристан опередил его, парируя удар. Раздался лязг стали, ударившейся о сталь. Неотличимые друг от друга лица братьев застыли в паре дюймов друг от друга.

– То, чему ты научился во дворце, – прошипел он, – я с еще большим усердием освоил в трущобах.

Маг соединил ладони. Раздался скрежет камня, еще один раскат грома и наконец шипение жидкости, словно на раскаленную сковороду вылили масло. Эндри обернулся в сторону храма, и по его телу прокатилась волна ужаса. Древняя святыня больше не пустовала. Ее двери распахнулись под напором дюжины белых рук, покрытых пеплом и сажей. На коже существ виднелись кровоточащие язвы и раны, из которых проглядывали кости. Эндри не видел их лиц и был благодарен за это судьбе: он даже не мог вообразить себе подобный кошмар. Из храма

вырывался пульсирующий поток ослепительно-яркого света, в то время как из проема двери появлялись и разбредались по поляне все новые тени.

Соратники обернулись на шум, и их лица застыли от шока.

– Пепельные земли, – выдохнула Роуэнна из Сиранделя.

В ее округлившись золотистых глазах читался тот же ужас, что Эндри ощущал в своей груди, пусть он даже не представлял, что она имеет в виду. На мгновение она оторвала взгляд от храма и перевела его на коней, привязанных на вершине холма. Прочитать ее мысли не составляло труда.

Ей хотелось спастись бегством.

Кортаэль и Таристан по-прежнему стояли на краю поляны, скрестив клинки.

– Это Веретено? – проревел Кортаэль в лицо близнецу.

Во взгляде Таристана блеснуло злорадство.

– Да, и оно уже разверзлось, открыв проход, – произнес он и молниеносным движением ударил Кортаэля локтем по лицу. Раздался треск, и великий лорд упал на землю. Из его сломанного носа алой струей текла кровь. – Ты же не считаешь меня болваном?

Дом издал боевой клич Древних и бросился на мага. Его тело двигалось по изящной траектории, пока волшебник не поднял руку. Всего одно мимолетное касание – и принц Айоны отлетел на несколько ярдов и упал в грязь.

Зловонные мертвецы дюжинами выбирались из храма, наваливаясь друг на друга. Некоторые были ранены тяжелее других: они ползли на переломанных конечностях, грохоча липкими черными доспехами. Они походили на смертных, но их тела были словно вывернуты наизнанку. Почти все сжимали в руках изломанное в бою оружие: ржавые железные мечи и зазубренные топоры, треснувшие кинжалы и расщепленные копья. И все же лезвия оставались острыми и смертельно опасными. Сирандельцы осыпали орду мертвецов дождем из стрел: первая волна пала, словно пшеница под серпами жнецов. Этих существ можно было убить, но все же их число лишь увеличивалось. Они несли за собой вонь, в которой безошибочно угадывались запахи дыма и жженой плоти. Из храма, в котором горело Веретено, дул жаркий ветер, принося с собой облака пепла.

Эндри застыл на месте, едва дыша. Он мог лишь смотреть, как на Соратников набрасывается израненная и окровавленная армия трупов из иного мира. Они живы? Или мертвы? Эндри не мог ответить на этот вопрос. Однако они не приближались к Тристану и Кортаэлю, заключив их в странный круг, словно им было приказано позволить братьям сразиться друг с другом.

Копье Окрана танцевало, с неуловимой легкостью описывая полукруг за полукругом и протыкая глотки существ насквозь. Галлийские рыцари построились в привычный боевой порядок, встав по углам треугольника, и вкладывали в удары всю свою мощь, так что их клинки вскоре покрылись черными и красными пятнами. Сурим и Наур мелькали по полю боя размытыми пятнами, танцуя с коротким мечом и кинжалами в руках. Они несли за собой разрушение и оставляли позади дорожки из сокрушенных тел. Существа отбивались и визжали нечеловеческими, изуродованными голосами – их голосовые связки были изрезаны в клочья. Эндри почти не различал их лиц, да и едва ли они сильно отличались друг от друга: у всех были лысые головы и кожа того же цвета, что и кость, изуродованная красными шрамами или раскрашенная маслом, капавшим на землю. С мертвецов осыпался пепел, делая их похожими на скукожившуюся, выгоревшую изнутри древесину.

«Мы рассчитывали, что двенадцать человек выступят против двух врагов, – в ужасе думал Эндри. – Но это не так. Двенадцать воинов сражаются против нескольких дюжин врагов. Против сотен мертвецов».

Лошади фыркали и дергались, натягивая веревки. Они чуяли опасность, запах крови и прежде всего Веретено, шипевшее внутри храма. Именно от его близости в их костях разливался панический ужас.

Таристан и Кортаэль обходили друг друга по кругу. Латы Кортаэля испачкались в грязи; кровь стекала по его подбородку и капала на украшенный оленьими рогами нагрудник. Клинки братьев скрестились еще раз. Кортаэль был воплощением искусности и силы, в то время как Таристан походил на уличного кота – он постоянно двигался и перемещал свой вес. В одной руке он держал меч, а в другой – кинжал, в равной мере пользуясь и тем, и другим. Он бил наотмашь, уклонялся, использовал грязь и дождь, чтобы создать себе преимущество. Он ухмылялся и насмехался, сплевывая кровь брату в лицо. Наконец Таристан ударил его мечом по плечу, защищенному лишь кольчугой и тонкой броней. Кортаэль сморщился от боли, но все же сумел схватить близнеца за талию. Они упали на землю вместе и покатались по грязи.

Эндри следил за боем, не моргая. Его ноги словно приросли к земле. «Что я могу сделать? Чем могу им помочь?» У него дрожали не только руки, но и все тело. «Вытащи меч, проклятый трус! Сражайся. Это твой долг. Ты хочешь стать рыцарем, а рыцарям неведом страх. Рыцарь не стал бы смотреть за боем со стороны. Рыцарь помчался бы вниз с холма и ворвался бы в самый центр этого хаоса, держа наготове щит и меч».

Грязь, покрывавшая поляну, покраснела от крови.

«А затем этот рыцарь бы погиб».

Первым закричал Арберин.

Мертвец схватил его за красную косу и забрался ему на спину. За ним последовал другой, а потом еще один, и еще один, пока они своим весом не повалили Древнего на землю. В руках они сжимали множество клинков – из белой стали и черного железа. И пусть старые лезвия давно проржавели, все же они были достаточно остры.

Они с легкостью вошли в плоть Арберина.

Роуэнна и Маригон попытались пробиться к своему родичу. Когда им это удалось, они увидели бездыханное тело, усеянное ранами, из которых еще текла кровь. Вечная жизнь Арберина подошла к концу.

Сэр Грандель и кузены Норт уступали позиции, с каждой секундой сжимая свое треугольное построение. Мечи плясали, щиты сталкивались, латные рукавицы впивались в кожу. Вокруг них росла гора тел, белых конечностей и оторванных голов. Первым поскользнулся Эдгар. Он падал медленно, словно сквозь толщу воду, уже осознавая близость гибели, пока сэр Грандель не схватил его за мантию, помогая подняться.

– За мной! – взревел он, перекикая шум битвы. На дворцовой тренировочной площадке этот клич означал «Так держать! Соберитесь с силами! Атакуйте мощнее!». Сегодня он заключал в себе другой, гораздо более простой смысл: «Останьтесь в живых!»

Укротитель Быков рычал, раскручивая топор и с каждым поворотом перерезая новую глотку. Его доспехи были испещрены красными и черными пятнами, оставленными кровью и маслом. Но наемник устал и уже с трудом выдерживал собственный темп. Эндри едва удержался от крика, когда рогатый шлем Укротителя Быков Бресса исчез из вида, сметенный волной мертвецов.

Секунды тянулись словно часы, а каждая смерть была длиною в жизнь.

Следующей пала Роуэнна. Она лежала лицом вниз, наполовину погруженная в лужу, а из ее спины торчал топор.

Удар молота пробил нагрудник Рэймона Норта. Его предсмертный вздох, влажный и хриплый, был слышен даже сквозь шум битвы. Выронив меч, Эдгар подхватил кузена за шею и упал на колени рядом с ним. Несмотря на усилия сэра Гранделя, существа набросились на склонившегося рыцаря, вонзая в него ножи и зубы.

Эндри знал кузенов Норт с детства. Он никогда не думал, что увидит их гибель – и что она будет настолько страшной.

Массивного сэра Гранделя было непросто повалить на землю, но существа не оставляли попыток. Рыцарь поднял глаза и встретился взглядом с Эндри, стоявшим на холме. Эндри бездумно, словно со стороны наблюдал, как машет своему лорду руками, призывая его бежать. За мной! Останьтесь в живых! Раньше, в другой жизни, сэр Грандель отругал бы его за трусость.

Но сейчас он послушался и бросился бежать.

Внезапно для себя Эндри сжал в руке меч и ринулся навстречу. Его ноги скользили по мокрому склону, опережая разум. «Я оруженосец сэра Гранделя Тира, рыцаря Львиной гвардии. Это мой долг. Я обязан ему помочь». Все остальные мысли ушли на второй план, а страх забылся. «Я должен быть храбрым».

– За мной! – прокричал Эндри.

Сэр Грандель карабкался вверх, но существа ползли за ним, хватая его за руки и за ноги и оттягивая назад. Рыцарь поднял руку в латной перчатке, широко растопырив пальцы. Он не тянулся к Эндри, не умолял о спасении. Он даже не просил помощи или защиты. Его глаза округлились.

– БЕГИ, ТРЕЛЛАНД! – проревел рыцарь. – БЕГИ!

Последний приказ сэра Гранделя Тира поразил Эндри, словно удар. Оруженосец замер, глядя на кровавую резню, разворачивавшуюся внизу.

Мертвец вырвал меч из руки рыцаря. Сэр Грандель сделал еще одну попытку продвигнуться вперед, но его стальные сабоны провалились в грязь, и он начал соскальзывать вниз по холму, навстречу острым ногтям, раздиравшим мокрую траву.

Глаза Эндри защипало от слез.

– За мной, – прошептал он. Его голос был подобен увядавшему на морозе цветку.

Он не мог заставить себя смотреть, как еще один меч падает на землю, а вслед за ним – другой. Перед его глазами поплыли пятна и закружились черные точки, лишая его зрения. Запах крови и гнилостная вонь поглотили все остальное. «Нужно бежать», – подумал он, но его ноги словно превратились в водяные столбы.

– Давай же, – прошипел Эндри, заставляя себя сделать шаг назад. Он чувствовал, что его отец смотрит на него – и сэр Грандель тоже. Рыцари, павшие в бою. Рыцари, исполнившие свой долг и не предавшие свою честь. Рыцари, одним из которых Эндри уже никогда не станет. Он убрал меч в ножны и коснулся пальцами поводьев своей лошади.

Наур лежали на мраморных ступенях храма, распластав длинные изящные руки и ноги. Они были прекрасны даже после смерти. Маригон рыдала над телом Роуэнны, но все так же сражалась, не сбиваясь со смертоносного ритма. Она выла, размахивая волосами, похожая не на лису, а на волка с рыжей шерстью. Сурим и Дом еще держались; они пытались пробиться на помощь к Кортаэлю.

Копье Окрана переломилось и упало к его ногам, но у кейсанца оставались щит и меч. Кровь врагов окрасила его доспехи и изображенного на них орла в ярко-алый цвет.

Дрожащими руками Эндри отвязал свою лошадь, а затем подошел к коню Окрана и, сжав зубы, приказал пальцам повиноваться. Они онемели от страха и двигались неуклюже, распутывая узел на кожаном ремешке. «Хотя бы это я смогу сделать».

Кортаэль и Таристан сражались в эпицентре кровавой бури. Земля, выщербленная и изрешеченная, как ристалище в день рыцарского турнира, превратилась под их ногами в жидкую грязь. Кортаэль теперь ничем не отличался от брата: грязный и измотанный, он больше не походил ни на принца, ни на императора. Оба близнеца тяжело дышали и покачивались от усталости. Каждый следующий удар был немного медленнее, чуть-чуть слабее предыдущего.

Ронин стоял у дверей храма, и вокруг его фигуры плясали хлопья пепла. Он распростер руки ладонями вверх, но, если он и возносил молитву какому-то божеству, Эндри оно было

неизвестно. Маг склонил голову набок и улыбался, глядя на башню. Колокол звонил, как будто отвечая на его призыв.

Веретенные клинки ударились друг о друга, и блеснувшая в это мгновение молния озарила каждый из них ярким бело-фиолетовым сиянием.

Один из коней заржал и встал на дыбы, разрывая веревку, к которой были привязаны все поводья. Кони поскакали. Выругавшись, Эндри схватился за первый попавшийся кожаный ремешок и сжал его в кулаке, приготовившись к тому, что сейчас конь понесет его вниз с холма. Вместо этого он услышал тихое ржание: белый жеребец, принадлежавший Дому, остановился, натягивая поводья, которые Эндри держал в руке.

В следующее мгновение оруженосец услышал выкрик на кейсанском, и его сердце снова оборвалось. Охран упал на спину, пронзенный сразу несколькими клинками. Он умер, взглядом выискивая в небе орла, чьи крылья смогли бы унести его душу домой.

На другом краю поляны мертвец ударом топора отрубил Маригон руку, а вслед затем на землю упала и ее голова.

Сури и Дом взревели; они пытались добраться до нее, но не могли, превратившись в островки среди кровавого моря. Затем волны сомкнулись вокруг Сури. Он засвистел, подзывая свою степную лошадь. Она уже была в гуще сражения, стремясь прорваться к хозяину, но мертвецы разорвали ее на части прежде, чем она успела это сделать. Вслед за ней погиб и Сури.

Эндри потерял дар речи. В его голове не осталось ни одной мысли, ни одной молитвы.

Кортаэль издал яростный вопль, и его удары обрели прежнюю свирепость. Сделав выпад, он выбил из руки Таристана кинжал, который тут же потонул в грязи. За ним последовал еще один удар, заставший Таристана врасплох. Веретенный клинок Кортаэля вошел глубоко в грудь его брата-близнеца.

Эндри замер с одной ногой в стремени, не смея надеяться.

Мертвецы тоже остановились, распахнув окровавленные рты. Стоявший на ступенях Ронин опустил руки, широко открыв алые глаза.

Таристан упал на колени, пронзенный мечом насквозь. Его глаза округлились от изумления. Возвышавшийся над братом Кортаэль смотрел на него без тени радости или триумфа. Его лицо, омываемое дождем, ничего не выражало.

– Ты сам вынес себе приговор, брат, – медленно проговорил он. – И все же я прошу у тебя прощения.

Таристан закашлялся.

– Не... не твоя вина, что ты родился первым. Не... не твоя вина, что избрали тебя, – с трудом произнес он, опустив взгляд на свою рану. Но когда он снова поднял черные глаза, в них горела непримиримая решимость. – Но ты по-прежнему меня недооцениваешь, и за это я не могу тебя не винить.

Он усмехнулся и вытащил скользкое окровавленное лезвие из собственной груди.

Эндри не верил своим глазам.

– Эти колокола молчали на протяжении тысячи лет, не вознося молитвы богам, – произнес Таристан, поднимаясь на ноги. Теперь в обеих руках он сжимал по Веретенному клинку. Окружавшие его существа принялись издавать странные, чирикающие звуки. Так могли бы смеяться насекомые. – И сегодня они звонят не во славу твоих богов. Они прославляют моего. Того, Кто Ждет.

Кортаэль в ужасе отпрянул назад, подняв в руку, в которой больше не было оружия, словно моля забытого брата о неведомой ему пощаде.

– Ради короны ты готов уничтожить Вард!

– Даже если ты король пепла, все-таки ты – король, – насмешливо протянул Таристан.

Дом пытался пробиться на помощь своему другу сквозь болото из мертвых тел.

«Он не успеет, – думал Эндри, следя за происходящим затуманенным взглядом. – Он слишком далеко. Он все еще слишком далеко».

Таристан вонзил Веретенный клинок брата в землю, отдавая предпочтение собственному. Когда он занес клинок, Кортаэль не пытался его остановить. Ему было нечем ответить и некуда бежать. Теперь принц походил на нищего.

– Брат... – проговорил он, сморщив лицо.

Пробив латы и кольчугу, клинок пронзил Кортаэлю сердце. Наследник Древнего Кора упал на колени, безвольно свесив голову на грудь.

Таристан уперся в мертвое тело брата сапогом, чтобы вытащить из него меч.

– А если ты мертвец, то тут уже ничего не поделаешь, – прошипел он, с улыбкой наблюдая, как труп Кортаэля оседает в грязь.

Он поднял меч еще раз, готовясь изрубить тело брата на куски.

Но его удар остановил айонийский клинок, зажатый в руке последнего живого Соратника.

– Оставь его в покое! – прорычал Дом с яростью тигра и с легкостью оттолкнул Таристана назад.

Встав между Таристаном и мертвым телом своего друга, окруженный врагами и изувеченный Древний приготовился к еще одному сражению. Окровавленный и бесполезный меч Кортаэля по-прежнему торчал в грязи, словно могильный камень, которому было суждено отметить место смерти обоих друзей.

Таристан изумленно расхохотался.

– Рассказывают, что ты – образец доброты и храбрости. Само благородство во плоти. Почему же никто не говорил, что при этом ты глупец?

Губы Дома дернулись, тоже изогнувшись в подобии улыбки. Его глаза – глаза Древнего из мира бессмертных – приобрели невероятный оттенок зеленого. На мгновение он перевел взгляд на вершину холма. На оруженосца, уверенно сидевшего на спине белого коня.

Сердце Эндри застучало сильнее. Стиснув зубы в отчаянной решимости, он коротко кивнул.

Древний издал громкий, высокий свист. Конь вихрем бросился вниз с холма. Он мчался не в гущу битвы, а мимо нее, минуя существ и павших Соратников.

Дом бросился к мечу Кортаэля со скоростью, на которую был способен лишь бессмертный. Сделав сальто, он схватился за рукоять меча и вытащил его из земли, а затем выпрямил спину и использовал набранную инерцию, чтобы запустить клинок в воздух, словно копье. Меч пролетел над головами Веретенных мертвецов, будто стрела, выпущенная из лука. Будто последний победный вдох перед лицом сокрушительного поражения.

Таристан взревел, беспомощно наблюдая за тем, как клинок и конь летят навстречу друг другу.

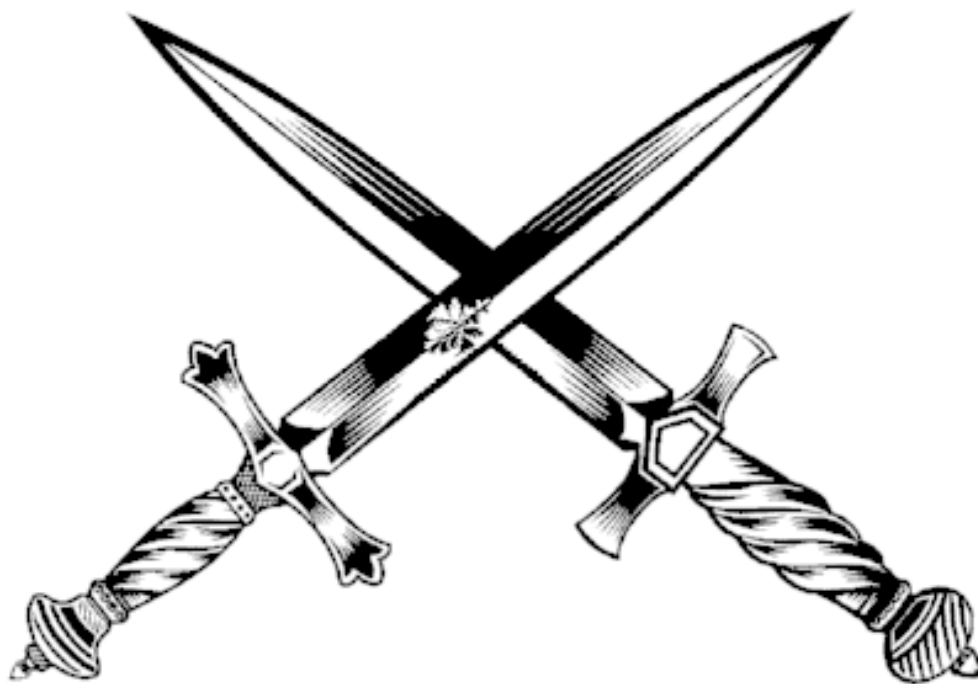
Весь мир Эндри сузился до стальной вспышки: меч упал в скользкую траву немного впереди. Оруженосец чувствовал, как сокращаются крепкие лошадиные мышцы и как в сердце животного бьется страх. Его учили скакать и сражаться верхом, поэтому сейчас он смело наклонился вбок, упираясь бедрами в седло и протягивая смуглые пальцы навстречу мечу.

В следующее мгновение он сжал в руке прохладный Веретенный клинок.

Мертвецы закричали, но конь все так же летел вперед. Пульс Эндри бился в такт с лошадиными копытами, а грудь ходила ходуном, словно в ней началось землетрясение. Перед глазами оруженосца один за другим проносились павшие Соратники, смерть каждого из которых навеки врезалась в его память. Он знал: никто не напишет о них песен и не воспоем их подвиг в легендах.

Сознание Эндри не выдерживало, постепенно застилаясь пеленой. Все мысли, роившиеся в его голове, раскололись на обломки и слились в одну фразу:

«Мы потерпели поражение».

Глава 1. Дочь контрабандистки

– Корэйн —

Море было спокойным, а видимость – отличной. Удачный день для того, чтобы завершить путешествие.

А также для того, чтобы начать новое.

Корэйн нравилось бывать на сискарийском побережье по утрам в начале лета. В ту пору, когда над ним уже не бушевали весенние бури; когда не раздавалось раскатов грома и не стучался зимний туман. В ту пору, когда оно было лишено буйства красок и пленительной красоты. Когда исчезали все иллюзии и не оставалось ничего, кроме безграничных синих просторов Долгого моря.

Кожанный мешочек, привязанный к поясу, подпрыгивал в такт ее шагам. В нем надежно хранилась тетрадь со схемами и списками, которые были дороже золота – особенно сегодня. Корэйн бодро шагала вдоль береговых скал по дороге, выложенной плоскими камнями еще в эпоху Древнего Кора и ведущей в Лемарту. Она знала этот путь так же хорошо, как облик своей матери. Песчано-бронзовый, обветренный, не выцветший под солнцем, а, наоборот, позолоченный его лучами. Волны Долгого моря, гонимые приливом, разбивались о берег в пятидесяти футах ниже и рассыпались фонтанами брызг. На холмах росли оливковые деревья и кипарисы, а ласковый ветерок пах солью и апельсинами.

«Удачный день», – снова подумала она, подставляя лицо солнцу.

Рядом с ней шел Кастио – ее опекун. Старый сискариец провел в море не одно десятилетие, и за это время его кожа – от кончиков пальцев до пяток – стала темно-коричневой. Его волосы поседели, но густые брови до сих пор оставались черными. Моряк прихрамывал, так как его мучила боль в коленях. Кроме того, ему было легче стоять на борту галеры, чем на суше.

– Опять видела сны? – спросил он, искоса изучая лицо своей подопечной ярко-голубыми, зоркими, как у орла, глазами.

Корэйн покачала головой, устало моргая.

– Мне не спалось от волнения, – отозвалась она, выдавив слабую улыбку, призванную его успокоить. – Ты же знаешь, накануне возвращения корабля я глаз не могу сомкнуть.

Обмануть старого моряка было довольно просто.

«Ему необязательно знать о моих снах, да и всем остальным тоже. Он непременно расскажет обо всем матери, а она начнет беспокоиться и сделает мою жизнь совсем невыносимой.

Но все же я вижу их каждую ночь. И они становятся страшнее и страшнее.

Бледные руки. Лица, скрытые тенью. Какое-то движение в темноте».

Сейчас светило яркое солнце, но, вспомнив свои кошмары, Корэйн зябко поежилась и тут же ускорила шаг, словно надеялась обогнать собственные мысли.

Корабли плыли вдоль побережья Императрицы по направлению к порту Лемарты, готовясь войти в узкую бухту, служившую городу естественной гаванью, откуда их можно было прекрасно разглядеть как с дороги, так и со сторожевых сискарийских башен, по большей части сохранившихся со времен Древнего Кора. Это были полуразрушенные строения из побелевшего от штормов камня, названные в честь давно почивших императоров и императриц и напоминавшие остатки зубов во рту у старика. Дозор несли пожилые солдаты и моряки, которые больше не могли отправляться в плавание, – люди, достигшие заката своих дней.

– Сколько кораблей причалит к нашему берегу сегодня утром, Рэо? – спросила Корэйн, когда они проходили мимо башни Баллискор. В оконном проеме стоял дряхлый старик – ее единственный дозорный.

Он махнул морщинистой рукой, похожей на прохудившуюся кожаную перчатку.

– Мимо мыса проплыли всего два. С зеленовато-голубыми парусами.

«С аквамариновыми, – мысленно исправила его Корэйн. – Украшенными символом Тириота – золотой русалкой».

– От вашего взора ничему не скрыться! – воскликнула она, не замедляя шага.

Старик слабо усмехнулся.

– Пусть слух начинает меня подводить, зрение остается острым, как в молодости!

– Точно как в молодости! – отозвалась Корэйн, изо всех сил стараясь не хмыкнуть.

Мыс Антэро действительно миновали два корабля, но за ними следовал еще один: он плыл по мелководью в тени скал. Его было непросто заметить – если человек не знал, куда смотреть. Или если ему заплатили за то, чтобы он отвернулся в другую сторону.

Корэйн не стала давать взятку подслеповатому стражу башни Баллискор, но привычным жестом протянула монеты дозорным башен Макоррас и Алькора. «Подкуп – одна из разновидностей сотрудничества», – прозвучал голос матери в голове у Корэйн.

Привратник тоже не остался без монеты, хотя Лемарта была небольшим портом, и городские ворота всегда оставались открытыми. Не остановило Корэйн и то, что их с Кастию здесь хорошо знали. Или, по крайней мере, здесь хорошо знают мою мать – любят ее, и в той же мере боятся.

Привратник взял монету и жестом пригласил их на хорошо знакомую улицу. Кусты сирени и апельсиновые деревья источали ароматы, заглушавшие запахи небольшого, но оживленного портового города. Лемарта радовала глаз яркими красками: каменные стены были покрашены в насыщенные цвета, похожие на оттенки предрассветного и предзакатного неба. Летом в утреннюю пору у торговых рядов былолюдно: здесь толпились как лавочники, так и горожане.

Корэйн раздавала улыбки так же, как и монеты – они были для нее обменной валютой. Как всегда, она ощущала невидимый барьер, отделявший ее от остальных людей. Ей казалось, что она смотрит на них сквозь стекло.

Спустившиеся с возделанных склонов земледельцы погоняли мулов, которые были запряжены в повозки, полные овощей, фруктов и зерна. Торговцы выкрикивали цены на языках всех стран, раскинувшихся на берегах Долгого моря. Жрецы следовали друг за другом; они были облачены в одежды, окрашенные в разные цвета, что свидетельствовало об их принадлежности к тому или иному ордену. Как и всегда, чаще других можно было заметить синие мантии последователей культа Майры, богини морских вод. Моряки, дожидавшиеся прилива или попутного ветра, нежились на солнце во дворах трактиров и распивали вино.

У портового города много лиц, но прежде всего он представляет собой перепутье. Пусть Лемарта не играла особой роли в событиях мирового масштаба, она заслуживала того, чтобы ее принимали всерьез. Здесь было приятно бросить якорь.

«Но только не мне, – подумала Корэйн, еще сильнее ускоряя шаг. – Я не останусь здесь ни на мгновение дольше необходимого».

Лабиринт из лестниц поглотил Корэйн и Кастию, а затем выплюнул их на мощеную дорогу, которая тянулась вдоль пристани. Солнце поднималось по небосклону все выше и оставляло на бирюзовом мелководье ослепительные блики. Лемарта, приютившаяся на склоне одной из скал, взирала на порт, словно зритель со среднего ряда амфитеатра.

Две галеры из Тириота совсем недавно пришвартовались по обе стороны причала, протянувшегося в более глубокие воды. Моряки толпились на кораблях и, перепрыгивая через борта, заплывали на причал. До Корэйн долетали обрывки команд на тирийском и кейсанском,

но большинство говорило на верховном – общем языке, который использовали торговцы по обе стороны Долгого моря. Пока моряки выгружали ящики и живой скот, два сискарийских портовых инспектора с подчеркнутой тщательностью делали записи, высчитывая налоги и причальные сборы. Их сопровождали шестеро солдат, облаченных в пурпурные туники.

«Товар не отличается высоким качеством и не представляет особого интереса», – мысленно отметила Корэйн, взглянув в сторону моряков, разгружавших корабли.

Кастио проследил за ее взглядом и, прищурившись из-под кустистых бровей, спросил:

– И откуда их груз?

На губах Корэйн расцвела улыбка, а в следующий миг с них уже сорвался ответ.

– Соль привезли из эджирских шахт, – уверенно произнесла она. – И я готова поспорить на чашу вина, что оливки, из которых сделано это масло, выросли в рощах Оризии.

– Нет уж, спорить с тобой я не стану, – усмехнулся старый моряк. – Я уже не раз совершал эту ошибку и усвоил урок. Этого у тебя не отнять – ты отлично смыслишь в подобных делах.

Корэйн на мгновение замедлила шаг.

– Будем надеяться, что это так, – ответила она, и в ее голосе прозвучали стальные нотки.

Хотя у следующего причала не было кораблей, на его краю стоял еще один портовый инспектор. Сопровождавшие его солдаты казались сонными и совершенно безразличными к тому, что происходило вокруг них. Корэйн изогнула губы в милейшей из своих улыбок и, опустив руку в кожаный мешочек, нащупала в нем последний – самый тяжелый – кошель. Его вес придавал ей уверенности, словно она сомкнула пальцы на рукояти рыцарского щита.

Она проделывала это не один десяток раз, и все же у нее дрожали руки.

«Удачный день, чтобы начать путешествие, – снова сказала она сама себе. – Удачный день, чтобы начать».

За спиной инспектора показался корабль. Он только vyplыл из тени утеса, но ошибки быть не могло: пурпурные паруса галеры привлекали внимание не хуже сигнального огня. Сердце Корэйн заколотилось о ребра.

– Инспектор Галери! – воскликнула Корэйн, приближаясь к нему. Кастио не отставал от своей подопечной. – Как всегда, счастлива вас видеть!

Хотя на инспекторе и солдатах были не дорогие одежды, а легкие летние мантии, кожаные штаны и простые сапоги, они расхаживали по причалу, словно короли.

Галери склонил голову набок. Инспектор был старше ее почти в три раза – его возраст приближался к пятидесяти годам – и отличался потрясающе безобразной внешностью. Тем не менее Галери пользовался популярностью среди горожанок: главным образом потому, что благодаря взяткам в его карманах всегда водились деньги.

– Сами знаете, домиана Корэйн, я тоже очень рад, – проговорил он в ответ, с нарочитой почтительностью пожимая протянутую ему руку. Кошель скользнул в пальцы инспектора и в следующее мгновение исчез в складках его мантии.

– И вам доброе утро, домо Кастио, – кивнул Галери старику. Кастио ответил ему одним лишь хмурым взглядом. – Сегодня ждем такой же груз, как и обычно? Все ли в порядке на борту «Бурерожденной»?

– Все замечательно.

Корэйн окинула взглядом скользящую по воде галеру и улыбнулась – на этот раз от всей души.

«Бурерожденная» была больше тирийских галер, а также в полтора раза длиннее и в два раза надежнее. На ее носу, под самой ватерлинией, находился таран, скорее подходивший военному, а не торговому судну. Красота «Бурерожденной» бросалась в глаза. Ее корпус был выкрашен в темный цвет для плавания в холодных морях, но со сменой времени года ее ожидал камуфляж для теплых вод: зеленовато-голубой с песочными полосами. Однако сейчас она неслась домой, словно тень, раздувая темно-бордовые сискарийские паруса. Пока длинный

плоский корабль подходил к пристани, Корэйн наблюдала за идеально синхронным движением весел, свидетельствовавшим о том, что моряки оставались в отличной форме.

Когда Корэйн заметила силуэт женщины, стоявшей на корме, в ее груди разлилось тепло.

Резко обернувшись к Галери, она достала из своей тетради бумагу, на которой уже стояла печать благородной семьи.

– Вот опись груза. В этот раз его больше, чем обычно. – А ведь его еще даже не разгрузили. – Здесь вы найдете точные цифры. В трюме лежат соль и мед, добытые в Эджиронесе.

Галери безразлично пробежал глазами по бумаге.

– Где будете их продавать? – спросил он, открывая собственную тетрадь с записями. Один из солдат за его спиной начал справлять в воду малую нужду.

Корэйн благоразумно сделала вид, что ничего не видит.

– В Лекорре, – сказала она. Речь шла о столице Сискарии – о городе, который когда-то был центром этого мира, но сохранил лишь отголоски былой имперской славы. – Его превосходительству герцогу Рекцио...

– Достаточно, – пробормотал Галери.

Товары, предназначенные для продажи знатным лицам, не облагались налогом, и к тому же печать благородной семьи было легко подделать или украсть – при должном желании, умении и бесстрашии.

Галера пристала к причалу; моряки сбросили с бортов канаты и начали спускаться. Слова, выкрикиваемые на разных языках, путались между собой: здесь говорили и на верховном, и на кейсанском, и на трекийском, и даже на раширском, звучавшем переливисто и мелодично. В лоскутное одеяло звуков вплеталось шипение канатов, теревшихся о дерево, всплеск воды, в которую падал якорь, трепетание паруса на ветру... Корэйн прикладывала невероятные усилия, чтобы сдерживать волнение и спокойно стоять на месте.

Галери согнул спину в легком поклоне и широко улыбнулся. Два его зуба были ярче остальных. Слоновая кость – купленная или полученная в качестве взятки.

– Замечательно, этот вопрос улажен. Разумеется, мы проследим за тем, как вы будете отправлять груз его превосходительству.

Корэйн услышала все, что ей было необходимо. Быстрым шагом она прошла мимо инспектора и его солдат, изо всех сил стараясь не перейти на бег. Будь она младше, она бы не смогла сдержаться и бросилась бы к «Бурерожденной», широко раскинув руки для объятия. «Но мне уже семнадцать. Я без пяти минут взрослая женщина, и к тому же судовой агент, – напомнила она сама себе. – Я должна вести себя профессионально, а не держаться за чужие юбки, словно малое дитя».

«Хотя я ни разу не видела, чтобы моя мать носила юбку».

– С возвращением! – крикнула Корэйн, сначала на верховном, потом на полудюжине известных ей языков и, наконец, еще на двух, с которыми она была поверхностно знакома. Раширский по-прежнему давался ей с трудом, а джидийский, согласно распространенному мнению, не мог освоить ни один человек, родившийся за пределами Джиды.

– Я смотрю, ты многому научилась, – окликнул ее Эйджер, подходя к ней раньше всех остальных. Его рост превышал два метра, а белую кожу испещряли татуировки и шрамы – следы яростных схваток, произошедших в заснеженном Джиде. Корэйн не раз слышала рассказы, связанные с самыми тяжелыми из них: борьба с медведем, участие в ожесточенной драке, встреча с дамой сердца, а затем – с исключительно свирепым лосем. «Или последние двое были одним и тем же персонажем?» – успела подумать Корэйн, прежде чем Эйджер сжал ее в объятиях.

– Не нахваливай меня, словно несмышленную ученицу, Эйджер; мое произношение – это полнейший haarblød, – проговорила она, пытаясь не задохнуться.

Он от души рассмеялся.

На причале уже толпились моряки и громоздились ящики, которые они выгружали из трюма. Корэйн зашагала к кораблю, внимательно глядя по сторонам и выискивая новые лица. «Бурерожденная» возвращалась из каждого плавания с несколькими новичками на борту. Заметить их не составляло труда – по обгоревшим, покрытым волдырями рукам. Жизнь на корабле была для них непривычна: на «Бурерожденной» предпочитали преподавать морскую азбуку с самых азоз.

У матери множество правил, и это – одно из них.

Корэйн нашла ее там же, где и обычно. На корме, восседающей на перилах.

Мелиза ан-Амарат не была ни слишком низкой, ни слишком высокой, но неизменно привлекала к себе внимание, что являлось полезным качеством для капитана. Зоркая, как орел, и гордая, словно дракон, она взирала на причал. Хотя ее корабль благополучно прибыл в порт, дело еще не было доведено до конца, а она не принадлежала к числу капитанов, которые предаются ничегонеделанью в каюте или сбегают пьянствовать в ближайший трактир, пока их команда работает в поте лица. Она провожала взглядом каждый ящик и каждый джутовый мешок, производя в уме точный подсчет.

– Благосклонны ли нынче ветра? – выкрикнула Корэйн, наблюдая, как мать правит своим галерным королевством.

Мелиза широко улыбнулась ей с кормы. Ее черные волосы не были заплетены и окутывали плечи, словно грозовая туча. От крыльев ее носа до уголков рта пролегли тонкие морщинки, честно заработанные за годы жизни.

– Да, ведь они приводят меня домой, – ответила она сладким, словно мед, голосом.

Они обменивались этими словами с тех пор, когда Корэйн была несмышленной крохой и лишь смутно представляла, куда уплывает ее мать. Тогда она только и могла, что махать ей одной рукой, а другой цепляться за Кастию. Вот только теперь все иначе.

Улыбка Корэйн угасла, а губы налились тяжестью. Счастье, которое она только что испытывала, обуглилось по краям, уступая место тревожности. «Дождись правильного момента, – сказала она себе, словно давая обещание. – Время еще не пришло».

Инспектор не обратил на ящики и мешки никакого внимания, хотя на большинстве из них не стояло никакой маркировки. Он не намеревался рассматривать их содержимое и спокойно ждал, пока они окажутся на борту других кораблей и перестанут быть заботой капитана ан-Амарат. Разумеется, Корэйн было известно, что именно представлял собой груз «Бурерожденной», поскольку именно она находила желающих его купить или обменять. Вся информация хранилась в ее тетради, где-то между фальшивыми списками и настоящими навигационными картами.

– Оставьте их на краю, – резким тоном приказала она, жестом указав на несколько ящиков. – Айбалийский корабль пристанет к этому же причалу еще до обеда. Команде необходимо поднять груз как можно быстрее.

– Зачем айбалийцам этот груз?

Мелиза спустилась со своего брезентового, слегка просоленного трона, не переставая улыбаться уголками губ: от ухмылки или смеха ее всегда отделяло лишь мгновение. Она так загорела на солнце, что казалась отлитой из бронзы, а ее щеки украшал румянец, оставленный удачным путешествием. В выразительных медово-карих глазах, эффектно подведенных черным, сверкал лукавый огонек.

– Обдумай свой ответ, дочка.

Корэйн расправила плечи. За прошедший год она успела подрасти и теперь могла смотреть матери в глаза.

– Меха отправятся в Калирам.

Мелиза озадаченно моргнула и изящно сморщила загорелый лоб. Над ее левым глазом виднелись три крошечных шрама, оставшиеся на память об ее удаче и неумелом противнике.

Она взяла дочь под руку, предлагая ей пройти по причалу.

– Не думала, что айбалийцам плохо живется в Великих песках без лисьего и собольего меха.

Корэйн не винила мать за недоверие. Почти вся территория Айбала приходилась на пустыню, и местным жителям явно не было смысла платить высокую цену за добытые на севере меха. Но Корэйн знала, что делает.

– Королевская семья и придворные воспылали любовью к местным горам, – весело проговорила она, довольная собой. – Но в их жилах течет горячая кровь пустынь, а значит, чтобы согреться на высоте, им понадобится наша помощь. Я навела справки и обо всем договорилась.

– Конечно, было бы неплохо наладить связи с королевской семьей Айбала. – Мелиза понизила голос. – Особенно после того недоразумения, которое произошло прошлой зимой в Проливе.

Недоразумение, в результате которого погибли три моряка, а «Бурерожденная» едва не затонула. Корэйн сглотнула, пытаясь избавиться от горького привкуса страха и неудачи.

– Именно так я и подумала.

Мелиза прижала ее к себе еще крепче. В этот раз Корэйн прожила без матери почти два месяца и теперь купалась в лучах ее внимания. Она потерлась головой о плечо Мелизы, отчаянно желая ее обнять. Но мимо них все время деловито сновали погруженные в работу моряки, да и о Галери забывать не стоило. Пусть он и не проявлял к их делам рабочего интереса, но все же наблюдал за происходящим – видимо, из чистого любопытства.

– А ведь в твоих жилах тоже течет горячая кровь пустынь, – произнесла Мелиза. – Разумеется, по моей линии.

Хотя Корэйн ощущала тепло материнской руки, ее живот заныл от ледящей тревоги.

– Какой крови в них только нет, – пробормотала она.

Ей хотелось поговорить с матерью о многом. Но только не о родословной.

Мелиза еще раз взглянула на дочь. Она вернулась домой не для того, чтобы обсуждать эту неблагоприятную тему, поэтому тут же сменила курс.

– Что ж, отлично. А что еще ты успела подготовить?

Корэйн глубоко вздохнула, одновременно ощущая и прилив облегчения, и острое желание впечатлить мать. Она достала тетрадь и показала Мелизе несколько страниц, исписанных аккуратным, убористым почерком.

– В ближайшем будущем мадрентийцы развяжут войну с Галландом, так что оружие выгоднее всего продать им. – Корэйн позволила себе легкую улыбку. – Особенно трекийскую сталь. Это позволит избежать возможных *затруднений*.

Мелиза обрадовалась этой новости не меньше Корэйн. Оружие, выкованное в Трекии, ценилось весьма высоко: во-первых, благодаря долговечности, а во-вторых, по той причине, что местная власть чрезвычайно тщательно следила за его экспортом.

– Неужели ты выведала все это в Лемарте? – задумчиво проговорила она и подняла бровь.

– А где еще я могла бы это узнать? – резким голосом ответила Корэйн, чувствуя, как к щекам приливает жар. – Мы живем в портовом городе, и он ничуть не уступает другим. Моряки всегда рады поговорить.

Моряки всегда рады поговорить – равно как путешественники, а также купцы, стражники и дозорные на башнях. Они часто рассказывают истории, причем весьма громко. Чаще всего они врут с три короба. Описывают земли, в которых никогда не бывали, или похваляются подвигами, которые им никогда не совершить. Но среди лжи, словно крупинки золота среди песка, неизменно скрываются зерна истины. Они только и ждут, чтобы их просеяли.

Капитан ан-Амарат усмехнулась, обдав прохладным дыханием ухо Корэйн. Мелиза пахла морем; она всегда пахла только им.

– Значит, они не прочь поговорить с тобой? – язвительно спросила она.

Понять смысл этой колкости не составляло труда. Мелиза перевела взгляд на пожилого моряка, который днями напролет охранял ее дочь.

– Скажи-ка, Кастио, у моей девочки ладятся дела с молодыми людьми?

По спине Корэйн пробежали мурашки смущения. Она захлопнула тетрадь обеими руками и, залившись краской, отстранилась от матери.

– Мама, – с оскорбленным видом прошипела она.

В ответ Мелиза лишь рассмеялась. Она привыкла смущать дочь и несколько из-за этого не беспокоилась.

– Тут нечего стесняться. Я познакомилась с твоим отцом, когда мне было столько же, сколько тебе сейчас, – проговорила она, уперев руку в роскошное бедро и обхватив пальцами ремешок португепи. – Нет, все же тогда я была на год старше. В твоем возрасте я познакомилась с девушкой, которая была *до* твоего отца...

Корэйн спрятала бесценную тетрадь обратно в кожаный мешочек.

– Довольно, я уже слышала больше, чем мне бы хотелось знать. Я и без того должна помнить множество вещей. Тем более факты, которые ты сообщаешь, не стоят того, чтобы хранить их в памяти.

Снова рассмеявшись, Мелиза взяла лицо Корэйн в ладони, сделала шаг вперед – и пошатнулась. Сердцем она все еще находилась в море.

Корэйн любила Мелизу, но чувствовала себя маленькой и беспомощной в материнских руках. А это ощущение она не выносила.

– Ты так очаровательна, когда краснеешь, – проговорила Мелиза со всей искренностью, на которую была способна.

Видимо, все матери считают, что их дети прекраснее солнца и луны. Но, равно как и на просторах Долгого моря в ясное утро, в сознании Корэйн не было места для иллюзий. Она знала, что несколько не очаровательна – в отличие от величественной и блистательной Мелизы ан-Амарат. Хотя по красоте Мелиза не уступала ни одной королеве, она была простолюдинкой, дочерью контрабандиста, которая называла домом Море, Пролив и каждую из стран, раскинувшихся на их берегах. Они с волнами были созданы друг для друга, ведь ничто иное в этом мире не могло сравниться с ней по храбрости и неистовости.

Я совсем не такая. Корэйн знала себя. Да, она походила на мать, но в то же время во всем ей уступала. У них был один и тот же цвет кожи – золотистый, в летнее время отливающий бронзой, – и одинаковые черные волосы, приобретавшие насыщенно-бордовый оттенок, если на них падал яркий свет. Однако губы Корэйн были тонкими, нос – коротким, а лицо – серьезным, в то время как Мелиза постоянно сияла улыбкой, словно солнечный луч. Ее ничем не примечательные, абсолютно черные глаза казались стылыми и пустыми, словно беззвездная ночь. Ее взор всегда устремлялся куда-то вдаль, и прочесть его выражение было невозможно. Это впечатление усиливалось по мере того, как Корэйн отдалялась от окружавшего ее мира.

Тем не менее подобные вещи ее не беспокоили. Полезно знать себе цену. Особенно в мире, где женщины способны лишь на то, что им позволяет внешность. Корэйн никогда не смогла бы переубедить инспектора морского патруля одним взмахом ресниц. Зато она могла вложить подходящую монету в нужную ладонь или потянуть за правильную ниточку. Такие дела она проворачивала мастерски.

– А ты безупречна, когда лжешь, – ответила девушка, мягко высвобождаясь из рук матери.

– Просто я много тренируюсь, – отозвалась Мелиза. – Но тебе я не вру никогда.

– Мы обе знаем, что твои слова столь же далеки от правды, как иные миры от Олварда, – произнесла Корэйн ровным голосом.

Она ни в чем не обвиняла Мелизу, но ей пришлось призвать на помощь всю свою волю, чтобы сохранить бесстрастное выражение лица и выбросить из головы мысли об образе жизни матери – равно как и о взаимном доверии, на которое они не были до конца способны.

– Однако мне известно, что у тебя есть на то причины, – закончила она.

Мелизе хватило благородства не оспаривать эти слова. Она была способна искренне сознаться в своей лжи.

– Так и есть, – тихо произнесла она. – Что бы я ни говорила, я всегда – *все время* – делаю это для того, чтобы уберечь тебя, моя драгоценная девочка.

Хотя слова застревали у Корэйн в горле, она все же заставила себя их произнести.

– Я должна спросить тебя... – начала она, отчаянно краснея.

Но ее усилия оказались напрасны: в следующее мгновение ее прервал громкий стук сапог Галери.

Мать и дочь немедленно обернулись к нему, сияя фальшивыми улыбками.

– Инспектор Галери, спасибо, что почтили нас своим вниманием, – пропела Мелиза, вежливо склоняя голову.

Их отношения полностью ее устраивали, и она намеривалась их сохранить. При этом она помнила, что недалеким мужчинам ничего не стоило обидеться на женщину, даже без какого бы то ни было повода.

Галери купался в сиянии капитана ан-Амарат. Он подошел к ней вплотную – гораздо ближе, чем к Корэйн. Мелиза, привычная к сальным взглядам, не сдвинулась с места. Пусть она всего пару минут назад сошла с корабля и не успела сменить просоленную одежду, она по-прежнему была способна привлечь множество мужчин.

Корэйн едва удержалась, чтобы не поморщиться от отвращения.

– Ваша дочь сказала: вы были в Эджироносе, – произнес Галери и указал пальцем на ящики, громоздившиеся на причале. На них виднелись рунические отметки. – Странно, эджирцы обычно не ставят на таре джидийскую волчью печать.

Мысленно вздохнув, Корэйн начала подсчитывать, хватит ли оставшихся в мешочке монет, чтобы утолить любопытство Галери.

Но ее мать лишь заулыбалась еще лучезарнее.

– Мне тоже это показалось странным.

Корэйн не раз видела, как ее мать флиртует с мужчинами. Сейчас не тот случай.

Галери тут же погрузился. Ход его мыслей был очевиден. Он располагал жалкой горсткой солдат – неподготовленных и по большей части бесполезных, – в то время как за спиной капитана ан-Амарат стояла вся ее команда. К тому же на ее поясе висел меч. Она могла лишиться его жизни и уплыть с отливом, прежде чем инспекторы следующего патруля нашли бы его холодное тело. Либо он мог удовольствоваться монетами, уже оттягивавшими его карман, и мыслью о том, что по завершении следующего плавания к ним прибавятся новые. Его взгляд на мгновение метнулся к Корэйн. Она была единственным в целом мире рычагом, с помощью которого он мог надавить на Мелизу ан-Амарат, если когда-нибудь дело примет дурной оборот.

Пальцы Корэйн сжались в кулак, пусть она и не имела ни малейшего представления, как им пользоваться.

– Счастлив снова видеть вас в нашем порту, Кошмарная Мэл, – выдавил Галери, натянув на лицо такую же широкую улыбку, как у Мелизы. Прежде чем отойти в сторону, он поклонился им обоим. По его виску стекала капля пота.

Мелиза проводила его взглядом, оскалив зубы в зловещей улыбке. На суше она почти никогда не бывала той женщиной, что правила волнами, а если бывала, то ненадолго. Корэйн едва ли знала беспощадную контрабандистку, которая стояла во главе кровожадной команды и бороздила морские воды, ни во что не ставя ни законы, ни опасности. То была вовсе не ее мать, не Мелиза ан-Амарат. То была Кошмарная Мэл.

Здесь, в родном для «Бурерожденной» порту, где она могла скользить вслед за ласковым ветром, не сталкиваясь с угрозами, страшнее портовых инспекторов, это прозвище мало что значило. Но когда галера скиталась по водам, протянувшимся вдоль всего Оллварда, она полностью оправдывала свое имя – подобно своему капитану.

Такие рассказы тоже достигли ушей Корэйн.

Моряки всегда рады поговорить.

А мать всегда готова придумать новую ложь.

Глава 2. Голос, подобный зиме

— Эндри —

Он обменял кольчугу на пищу еще неделю назад. Его зеленая, расшитая золотом мантия превратилась в лохмотья, изорванные и покрывшиеся коркой из крови, грязи и пыли. Эндри Трелланд стоял, преклонив колено, дрожал всем телом и изо всех сил пытался не лишиться чувств. В столице перевалило за полночь; к тому же долгие недели, проведенные в седле, прошли для него далеко не бесследно. Никогда еще каменный пол не казался Эндри таким притягательным.

Он не закрывал глаза лишь потому, что страшился сна.

«Кошмары ждут меня, — думал он. — А вместе с ними и жуткий шепот».

Они преследовали его со дня битвы у храма. С того самого дня, когда он выжил в кровавом месиве, поглотившем стольких героев. Красные руки, белые лица, запах паленой плоти. Он моргнул, пытаясь отогнать воспоминание. А теперь еще и голос, подобный зиме, который пронзает меня насквозь.

Два рыцаря из Львиной гвардии стояли по обе стороны от пустого трона, и в их позолоченных доспехах отражалось пламя свечей. Эндри знал и одного, и другого. Сэр Эйрос Эдверг и сэр Хайл из Золотистого Холма. Они были земляками павших рыцарей, чьи тела остались лежать в грязи у подножия холма. Ни один из них не сказал ни слова, хотя в их взглядах читалась тревога. Эндри снова перевел взгляд на пол и принялся изучать прожилки на камне, не нарушая обжигающую тишину.

Наконец Эндри услышал тяжелые, грузные шаги. Со стороны королевских покоев шли рыцари: их стальные доспехи лязгали и звенели. Когда двери распахнулись и в тронном зале появилась выстроившаяся в ромб гвардия, Эндри сжал зубы так крепко, что они грозили раздробить друг друга. Его сердце оборвалось, а к глазам подступили жгучие слезы. Он приготовился к тому, что сейчас его поглотит новая волна боли.

Остальные пали, погибли ужасной смертью. Ты должен сохранять самообладание; это самое малое, что ты можешь для них сделать.

Глядя на королеву Галланда, становилось понятно, почему за ее руку сражалось столько мужчин. Она была молода и прекрасна — девятнадцатилетняя девушка с изящным телосложением, фарфоровой кожей, пепельно-русыми волосами и серебристо-синими глазами, которые она унаследовала от покойного отца Конрада Третьего. В дополнение к ним королеве достался его несгибаемый характер. Пусть сейчас она была облачена в одежду для сна и ночной халат, пусть на ней не было ни короны, ни роскошных драгоценностей, и пусть в этом одеянии она казалась маленькой и хрупкой — все равно от ее фигуры исходило величие и сила. Опускаясь на трон, она рассматривала Эндри сквозь свободное пространство между гвардейцами и не отводила от него пристального взгляда ни на мгновение.

Она сплела пальцы на груди и, опершись локтями на подлокотники, слегка наклонилась вперед. Зеленый бархатный халат струился по ее фигуре, словно прекрасный наряд. Из украшений на ней было одно лишь королевское кольцо — темный изумруд, оправленный в золото. Камень был грубо огранен, скорее всего, много столетий назад. В тусклом свете он казался черным, словно глаза существ из кошмаров Эндри. Словно разверзшаяся пасть бездны.

— Ваше Величество, — прошептал Эндри, склонив голову.

Королева Эрида окинула его пронзительным взглядом, остановившись на запачканной мантии. Казалось, она читает историю его пути по пятнам, словно это были страницы книги.

– Оруженосец Трелланд, пожалуйста, поднимитесь с колен, – сказала она мягко, но ее голос все равно разнесся по длинному парадному залу громогласным эхом.

Эндри с трудом встал, пытаясь удержаться на нетвердых ногах. Взгляд королевы потеплел.

– Дорога была к вам немилосердна. Вам нужен отдых? Возможно, вы хотите отужинать или принять ванну? Если необходимо, вас может осмотреть мой личный врач.

– В этом нет нужды, Ваше Величество.

Эндри опустил глаза, окидывая взглядом свою одежду. Ему казалось, что он покрыт грязью с головы до ног и недостойн находиться перед королевой своей страны.

– Эти пятна остались не от моей крови.

Рыцари принялись переступать с ноги на ногу, обмениваясь встревоженными взглядами. Эндри мог без труда прочесть их мысли. Кровь пролилась из ран их братьев, рыцарей Львиной гвардии, которым не было суждено вернуться домой.

Эрида не повела и бровью.

– Вы успели увидеться с матерью? – спросила она, продолжая изучать Эндри.

Оруженосец покачал головой и перевел взгляд на свои сапоги, забрызганные грязью и пропахшие лошадиным потом.

– В такой поздний час она, должно быть, уже спит. Не стоит ее тревожить, ведь она отчаянно нуждается в отдыхе, на который способно ее тело. – Он вспомнил мучительный кашель, из-за которого мать часто просыпалась по ночам. – Я могу подождать до утра.

Королева кивнула.

– Чувствуете ли вы в себе силы рассказать мне, что с вами произошло? Мне и нашим дорогим друзьям?

Услышав этот вопрос, Эндри почувствовал себя так, словно по его коже провели лезвием ножа.

Белые лица, красные руки, черные доспехи... Рыцари, истекающие кровью, пепел, дым и гниль...

Он зашевелил губами, но с них не сорвалось ни звука. Эндри хотелось развернуться и убежать. Его пальцы дрожали, поэтому он спрятал их за спину, приняв обычную для придворного позу. Затем он поднял голову и стиснул зубы, призывая на помощь все свои силы.

«Сохраняй самообладание; это самое малое, что ты можешь для них сделать», – снова подумал он. Чувство вины обжигало его изнутри.

– Оставьте нас, – внезапно проговорила Эрида, окинув взглядом рыцарей, стоявших по обе стороны от нее. От молодой королевы исходила неистовая сила, делающая ее похожей на льва, который украшал ее флаг. Она сжала руки на подлокотниках трона, и возникло ощущение, что кольцо на ее пальце превратилось в щит.

Ошеломленные гвардейцы не сдвинулись с места.

Эндри был поражен не меньше их. Королева почти никогда не показывалась на людях без своих верных рыцарей, поклявшихся защищать ее ценой жизни. Оруженосец переводил взгляд с Эриды на ее воинов, следя за безмолвной битвой характеров.

Лицо сэра Хайла порозовело сильнее, чем обычно.

– Ваше Величество... – запальчиво начал он.

– Этот мальчик пережил нечто страшное. А вы нависли над ним вдесятером, – произнесла королева, не моргнув и глазом, а затем снова перевела пронзительный взгляд на оруженосца. На ее бледном лице проступила печаль. – Я знаю Эндри Трелланда с рождения. Всего через несколько лет он станет рыцарем наравне с вами. Я могу остаться с ним наедине, так же как с любым из вас.

В это мгновение, несмотря на ужас последних дней, Эндри ощутил, как в его груди разливается гордость. Однако она растворилась так же стремительно, как и возникла. «Рыцари

всегда справляются с возложенной на них задачей; я же потерпел поражение», – подумал он. Рыцари Львиной гвардии явно придерживались того же мнения. Они не сдвинулись с места, словно статуи, облаченные в позолоченные доспехи и зеленые мантии.

Но Эрида восседала на троне с непоколебимым и не терпящим возражений видом. Ее пальцы, на одном из которых поблескивало кольцо, сжались в кулак.

– Выполняйте приказ своей королевы, – произнесла она с каменным выражением лица.

На этот раз сэр Хайл не стал возражать. Он коротко и сдержанно поклонился, после чего сделал жест рукой, затянутой в перчатку, призывая растерянных рыцарей последовать за собой. Они зашагали к двери, грохоча доспехами и рассекая воздух мантиями.

Лишь когда дверь за их спинами затворилась, Эрида позволила себе ссутулить плечи и согнуть спину. Затем она выждала несколько секунд и сделала глубокий, медленный вдох. Королева, правившая страной вот уже четыре года, снова превращалась в юную женщину, которая еще вчера была ребенком.

На мгновение Эндри увидел ее такой, какой она была в детстве, – истинной принцессой, чье чело, однако, еще не было отягощено бременем короны. «Она так любила корабли», – вспомнил он. Ей нравилось ездить к Зеркальному заливу, и ее обычно сопровождали все дети, жившие во дворце, – кузены и кузины благородных кровей, юные пажи и будущие придворные дамы. Там они играли в моряков: воображали, что управляют лодкой, учились завязывать морские узлы и поднимать паруса. Но Эрида не веселилась с ними. Она сидела у штурвала и управляла настоящим кораблем, указывая команде, что делать и куда держать курс.

Теперь она управляла страной и указывала на Эндри.

– Я исполнила просьбу Древней, – произнесла она тихим хриплым голосом. Ее глаза сияли неестественно ярко, отражая пламя свечей. Она скользнула рукой в складки халата и, стиснув пальцы, извлекла из них свиток пергамента.

Эндри сглотнул комок. Ему страшно хотелось сжечь это злокозненное письмо.

Королева развернула свиток дрожащими руками, прожигая чернильные буквы взглядом. Внизу страницы еще виднелся зеленый воск – следы древней печати Айоны. Теперь при ее виде на Эндри накатывала тошнота, но еще хуже ему становилось от воспоминаний, которые она вызывала.

Сэр Грандель и Норты преклонили колени перед королевой, сидевшей на троне. Красота Эриды ослепляла: на ней были роскошные одежды, бесценные драгоценности и сияющая корона. Эндри тоже склонил спину, немного поодаль от остальных. Из всех оруженосцев лишь его одного пригласили на аудиенцию к королеве. Он не знал наверняка, зачем он здесь, но мог сделать предположение. Норты всегда были слегка более... самостоятельными, чем сэр Грандель, нуждавшийся в помощи оруженосца в любом деле, независимо от его сложности. Если королева намеревалась дать поручение сэру Гранделю Тиру, Эндри Трелланду предстояло последовать за ним.

Оруженосец не поднимал головы и видел королеву лишь боковым зрением. Она была облачена в зелено-золотистые цвета – так же, как и ее рыцари, – и сжимала в руке странный пергамент.

Эндри сразу же заметил печать с неровными очертаниями оленя. Он начал перебирать в уме гербы лордов и знатных семей, хорошо известные любому пажу. Но оленя среди них не было.

– Это призыв, – проговорила королева, переворачивая письмо, чтобы показать его рыцарям.

Сэр Эдгар, стоявший на коленях перед королевой, побледнел.

– Кто смеет отправлять призыв королеве Галланда, величайшего королевства во всем Варде, возродившего славу Древнего Кора?

Королева Эрида склонила голову набок.

– Что вы знаете о Древних?

Рыцари зашептались, обмениваясь растерянными взглядами.

Сэр Грандель расхохотался, закинув назад голову с копной каштановых волос, подернутых сединой.

– Это лишь детские сказки, Ваше Величество, – все еще смеясь, произнес он. – Обычные выдумки.

Эндри осмелился поднять взгляд. Слова сэра Гранделя не рассмешили королеву; ее губы были поджаты, а лицо – совершенно серьезно.

Она не шутила.

– Они бессмертны, миледи, – внезапно для самого себя проговорил Эндри. Его голос дрожал. – Это дети Веретен, пришедшие в Оллвард из другого мира. Они попали в западню: проход на их родину закрылся незадолго после того, как они оказались здесь. Древние застряли в нашем мире, хотя никому не известно, живут ли они здесь до сих пор.

«Мистические существа, редкие, словно единороги, которых мне никогда не доведется увидеть собственными глазами», – мысленно добавил он.

– Сплошной вымысел, – повторил сэр Грандель, бросив на своего оруженосца осуждающий взгляд.

К щекам Эндри прилила кровь, и он снова опустил голову. Не в его правилах было подавать голос, когда его ни о чем не спрашивали. Теперь он ожидал услышать строгий упрек – как от своего лорда, так и от королевы.

Но этого не произошло.

– Сказки и выдумки всегда уходят корнями в истину, сэр Грандель, – невозмутимо ответила королева. – И мне хотелось бы узнать правду, которая скрывается за этим посланием. Эрида пошевелила письмом, и оно засияло, отражая пламя свечей.

– Та, что зовет себя правительницей Айоны, приветствует нас и смиренно просит о помощи.

Сэр Грандель фыркнул.

– О помощи? Какую просьбу могла придумать эта старая, немощная ведьма?

По голосу королевы Эндри понял, что она улыбается.

– Вам хотелось бы это выяснить?

– Мне стоило обуздать свое любопытство и оставить эту просьбу без ответа, – пробормотала она, не отводя взгляда от пергамента. Если бы в ее крови была хоть капля магии Веретен, письмо бы уже давно поглотил огонь.

– Кто мог знать, что все так обернется? – прошептал Эндри.

«Я точно этого не знал. Даже когда они предупреждали об опасности и говорили, что наш мир обречен». Все это происходило лишь несколько месяцев назад, но казалось, что с тех пор минула целая жизнь.

События, которые он пережил за эти дни, промелькнули в его памяти единым размытым пятном. Дорога в Айону; великолепные своды старинного города; совет, на котором Древние и смертные приняли совместное решение. А затем – герои, бредущие в глуши навстречу собственной гибели.

Эндри яростно заморгал, борясь со слезами и образами, не желавшими покидать его голову.

Королева опустила взгляд и провела пальцем по кольцу с изумрудом.

– Это я подвергла вас страшной опасности, приказав отправляться туда, – прошептала она. – Вина за то, что произошло с сэром Гранделем и Нортами, лежит на мне одной. Не нужно взваливать эту ношу на свои плечи, Эндри. – Ее голос дрогнул. – Оставьте ее мне.

Секунды уносились прочь, словно палые листья, подхваченные стремительным потоком, но терпение Эриды было подобно камню. Наконец Эндри заставил себя заговорить.

– В Айоне Древние... то есть, их правительница... она рассказала нам, что из их сокровищницы похитили меч, – с трудом выдавил он.

Однако рассказ уже был готов вырваться наружу, словно подземная река. Эндри лишь надеялся, что не утонет в ней.

– Не обычный меч, а Веретенный клинок, выкованный за пределами Варда и наделенный магией Веретен. Его забрал человек по имени Таристан. Он происходит из Древнего Кора, и в его жилах течет Веретенная кровь. Объединив силы своей крови и клинка, он получил возможность вскрывать Веретена, запечатанные множество лет назад, создавая проход между Оллвардом и другим, неизвестным, миром.

Королева Эрида широко распахнула глаза, так что они стали похожи на луны, которые затмила серебристая синева радужки.

– Он направлялся к заброшенному храму Древних, который находится в нескольких милях к югу от Трекийских врат. Насколько известно, именно там в последний раз открывалось Веретено.

Эндри сжал зубы.

– Чтобы остановить его, мы выступили отрядом из тринадцати человек.

По его щеке скатилась первая, неистово-жаркая слеза.

– И двенадцать из нас погибли.

Голос Эндри эхом пронесся по залу, наполнив его яростью и скорбью. Боль утраты взлетела вверх по колоннам и забралась внутрь кованых люстр, затаившись среди мерцающих свеч. Эндри сжал руки в кулаки, чувствуя, что его решимость грозит разлететься вдребезги. И все же он рассказал о страшной гибели своих Соратников, о поражении Кортаэля, о запахе бесмертной крови и о сожженном мире, из которого явилось войско мертвецов. О Красном маге, о злой белозубой усмешке Таристана и о мече, пронзившем его грудь. О том, как сэр Грандель споткнулся и упал, чтобы никогда больше не подняться. И о том, что оруженосец лишь наблюдал за резней, а потом сбежал, сохранив разве что свою кожу да кости.

Эндри ожидал, что вместе с воспоминаниями вернется и промозглый шепот, но, пока он говорил, в его голове звенел лишь собственный голос.

– Я должен был сражаться вместе с ними, – прошептал он, глядя на свои истертые сапоги. – Я не исполнил свой долг.

Эрида стукнула ладонью по подлокотнику трона, и этот резкий, яростный хлопок, похожий на удар плетью, эхом прокатился по залу. Эндри поднял взгляд и увидел, что королева пристально на него смотрит, раздувая ноздри.

– Вы вернулись домой. Вы выжили, – твердо произнесла она. – Более того, вы принесли очень важную информацию.

Она решительно встала, и ночной халат заструился вокруг ее фигуры. Легким шагом она спустилась с возвышения на каменный пол, остановившись рядом с Эндри.

– В детстве я уделяла больше времени дипломатии и иностранным языкам, чем Веретенному фольклору. И все же я знаю нашу историю. Оллвард был местом, где открывались проходы в другие миры; местом, где существовали страшные чудовища и мощная магия. В те времена мы, смертные, сражались с ужасами, возвращения которых нельзя допустить. Никогда больше люди не должны сталкиваться с подобным. Если то, что вы рассказали, правда, и этот Таристан может открывать давно угасшие Веретена, то он действительно крайне опасен и может призвать себе на помощь целое войско.

– Никому из нас не приходилось видеть войска, подобного этому, – произнес Эндри и снова ощутил, как за его одежду цепляются белые руки. Существа из войска Таристана визжали в его голове голосами, напоминавшими скрежет металла и хруст костей. – Я понимаю, что все это звучит неправдоподобно.

– Не помню, чтобы вы когда-нибудь были лжецом, Эндри Трелланд. Даже в детстве, когда мы все рассказывали кухаркам выдумки, чтобы выпросить вторую порцию десерта.

Она вздохнула, наклонив голову набок.

– Я соболезнаю вашей утрате.

Хотя Эндри был младше королевы на два года, ростом он значительно ее превосходил. Но Эриде удавалось сохранять величественность, даже глядя на него снизу вверх.

– Они были рыцарями из вашей гвардии, а не из моей, – произнес он.

– Я говорю не об этом, – тихо проговорила она, снова окидывая его взглядом.

Эндри увидел в ее глазах маленькую девочку, которой она когда-то была. Улыбчивую и смешливую, но в то же время одинокую. Она всегда оставалась принцессой, и это отдаляло ее от других детей, лишая свободы, которой могли наслаждаться паж, будущая придворная дама и даже юный слуга.

Эрида стиснула зубы, и маленькая девочка исчезла.

– Никому не рассказывайте об этом, оруженосец, – произнесла она, обернувшись к своему трону.

Не думая, что делает, Эндри сделал несколько быстрых шагов вслед за ней. У него занял живот. Нас застали врасплох. Нельзя, чтобы такое произошло снова.

– Мы должны предупредить людей...

Эрида перебила его без колебаний, и, когда она заговорила, ее голос звучал сурово, не допуская возражений. Королева знала, как сделать так, чтобы ее услышали.

– Большинство людей считают Веретена легендой и вымыслом, равно как единорогов, Древних и прочую магию, пришедшую из других миров. Вы предлагаете рассказать им, что Веретено вернулось, что оно было вскрыто человеком, который готов, словно копьем, проткнуть им наши сердца? Неуязвимым человеком, стоящим во главе войска мертвецов?

Она обернулась к Эндри и взглянула на него сияющими, словно сапфиры, глазами.

– Я правлю Галландом, но вы должны помнить, что я королева, а не король. Я должна следить за своими словами и не вкладывать оружие в руки своих врагов. Я не дам людям повода называть меня слабовольной или безумной, – резко произнесла она, явно огорченная тем, что ей приходилось говорить. – Я не могу совершить подобный шаг, не имея доказательств. Но, даже если бы они и были, такая новость посеет в столице панику. А паника в городе, населенном полумиллионом душ, принесет больше жертв, чем любая война. Я должна действовать крайне осторожно.

Перенаселенный, раздувшийся Аскал располагался на многочисленных островках в дельте Большого Льва. На тесных улицах и маленьких рынках было не протолкнуться, в каналах текла грязная вода, а мосты грозили в любой момент рухнуть. После смерти короля Конрада вспыхнуло несколько мятежей: не все были довольны тем, что на трон взошла юная девушка. В трущобах возникали пожары, порты страдали от наводнений. Случались неурожаи. Между религиозными орденами вспыхивали конфликты. Невидимая, но прочная паутина преступности оплела весь город до основания.

«Только все это – ничто по сравнению с будущим, которое нас ждет, – думал Эндри. – Это ерунда по сравнению с тем, на что способен Таристан».

Эндри сжал зубы.

– Я не понимаю, – только и смог выговорить он, врезаясь в стену непоколебимости, которой окружила себя королева.

Перелезть через эту стену было невозможно.

– Вам и не нужно понимать, Эндри, – произнесла Эрида и постучала в дверь, ведущую в королевские покои. Та распахнулась; рыцари Львиной гвардии ожидали королеву в коридоре, стоя в несколько рядов и напряженно вытянувшись. – Вам нужно лишь выполнять приказ.

Спорить с королевой Галланда было невозможно.

Эндри низко поклонился, проглотив все возражения, что приходили ему в голову.

– Хорошо, Ваше Величество, – произнес он.

Рыцари окружили королеву, вставая в строй, но она медлила.

– Спасибо, что вернулись домой, – произнесла она, последний раз взглянув на оруженосца. В ее взгляде читалась радость, смешанная с горечью. – По крайней мере, вашей матери не придется хоронить еще одного рыцаря.

Я не рыцарь. И никогда им не стану.

У него заныло сердце.

– Невеликое утешение.

– Да хранят нас боги от того, что за этим последует, – прошептала Эрида, отворачиваясь.

Дверь захлопнулась, и Эндри едва ли не бегом бросился прочь из тронного зала. Ему не терпелось сорвать с себя одежду и смыть с кожи события прошедших недель. Ноги несли его по знакомым коридорам Нового Дворца, подгоняемые гневом, который ненадолго взял верх над скорбью в его душе.

Боги упустили свой шанс.

Во сне леди Валери Трелланд не выглядела больной. Она лежала в удобной позе, укрытая одеялом, с шелковым чепцом на голове. На ее лице не осталось забот, а морщинки в уголках глаз и рта разгладились без следа – и она словно бы помолодела на несколько десятилетий.

Леди Валери оставалась красавицей, несмотря на вгрызавшуюся в ее тело болезнь. Ее кожа была темнее, чем у Эндри, – цвета отполированного черного дерева, – но в остальном он очень напоминал мать. Он унаследовал ее высокие скулы, пухлые губы и густые черные кудри. Эндри было странно глядеть в зеркало и видеть в своем лице мать. Но еще удивительнее было осознавать, какой красотой она блистала, прежде чем к свече, ярко горевшей у нее внутри, протянулись сырые, стылые пальцы болезни.

Валери издала чуть слышный хрип, и Эндри поморщился, собственным горлом ощущая шершавую, царапающую боль.

«Спи, мама», – беззвучно взмолился он, следя за тем, как поднимается и опускается ее грудь. Он считал секунды, готовясь к тому, что Валери вот-вот зайдет кашлем, но этого так и не произошло.

В камине горели аккуратно сложенные друг на друга поленья, разливая по комнате жар и духоту. Эндри, переодевшийся в чистую одежду, обливался потом, но не двигался с места, замерев у стены, между гобеленом и узким окном.

Несмотря на тепло, он ощущал, как ледяной палец ужаса скользит по его спине.

Его нужно спрятать.

Ломкий и трескучий, подобный зиме голос снова шептал внутри головы Эндри. Он не поддавался описанию и звучал на все лады: он был то женским, то мужским, то старческим, то детским. Оруженосец вздрогнул, когда голос зазвучал снова, постепенно переходя на крик.

«Он уже спрятан!» – хотелось закричать Эндри. Он изо всех сил сжал челюсти, ощущая, как холод играет с его ребрами.

Не говори никому.

Он заскрипел зубами.

«Я ничего не говорил. Ни единому человеку. Даже королеве», – беззвучно ответил он. Ему казалось, что он сходит с ума. Возможно, безумие и правда подкрадывалось к нему, рожденное скорбью и страшными воспоминаниями.

Впервые он услышал голоса, когда скакал домой на коне Древнего с привязанным к седлу Веретенным клинком. Он едва не упал на землю, но все же удержался, стараясь умчаться прочь от того, что поселилось в его голове. Но сколько он ни гнал коня вперед, скрыться от них не удавалось.

В этих нашептываниях звучали и смех, и грусть. *«Спрячь надежней этот меч, – шипели голоса, отпечатываясь в мозгу Эндри. – Ты избран, чтоб его сберечь».*

Эндри хотелось от них отмахнуться, но все же он стоял неподвижно, прижавшись спиной к стене, и безмолвно охранял сон больной матери.

А также Веретенный клинок, спрятанный под ее кроватью, о котором, помимо Эндри Трелланда, не знала ни одна живая душа.

Глава 3. Между драконом и единорогом

– Корэйн –

После двух стаканов вина голова Корэйн пошла кругом. Перед внутренним взором девушки проносились прекрасные, далекие от Лемарты земли. Города, ютившиеся на скалах Джиды, – страны налетчиков. Нкон и Залив Чудес. Алмасада – огромный айбалийский порт, где швартовались корабли самого могучего флота во всем мире...

Она помотала головой и отодвинула стакан, скользнув рукой по знакомому, заляпанному жиром столу в уголке «Морской королевы». Трактир получил это название задолго до рождения капитана ан-Амарат, но завсегдатаям нравилось делать вид, что он назван в ее честь.

Мелиза вела себя так, словно это было правдой. Она удобно расселась в углу, прижавшись спиной к стене и озаряя своей улыбкой весь зал. Пламя свечей отражалось в ее волосах, и создавалось впечатление, что их украшают огненные рубины. Кастио сидел у входной двери в окружении моряков и горожан. Теперь, когда Мелиза вернулась, ему не было необходимости нянчиться с Корэйном. Он держал в руке полупустой стакан и слегка покачивался, прикрыв искристо-голубые глаза. Моряки тоже усиленно налегали на вино и эль. Их голоса наполняли общий зал, а загорелые, бронзово-коричневые тела едва умещались в узком пространстве. Большинству из них не помешало бы помыться, но Корэйн это ничуть не беспокоило. Проводить вечер в компании вонючих моряков было гораздо приятнее, чем снова сидеть в одиночестве.

Корэйн наблюдала за ними. «Бурерожденная» привезла домой двух новичков – белокожих братьев-близнецов из Джиды. Они выглядели не старше ее, но были рослыми и широкоплечими: давала о себе знать кровь джидийских налетчиков.

«Двое заняли места четверых, что уже не вернуться», – подумала Корэйн. Перед ее глазами проплыли лица, которые ей было уже никогда не увидеть.

Четыре моряка погибли.

Она сделала вдох, собираясь с мыслями. Вино в ее желудке придавало ей храбрости.

– Мама...

– Объяви, что мы ищем гребцов, – перебила ее Мелиза, вращая в пальцах стакан.

Этот приказ застал Корэйна врасплох. Она озадаченно моргнула.

– У нас есть еще две недели, прежде чем придет время готовиться к новому плаванью. К тому же для него должно хватить тех гребцов, что у нас уже есть.

Короткие паруса, спокойные воды, легкие и быстрые маршруты вдоль берегов. Корэйн прекрасно знала, какие плаванья предстоят «Бурерожденной», и планировала их со всей тщательностью, на которую была способна. Летом корабль подстерегает меньше опасностей. Это хорошее время для обучения.

Улыбка соскользнула с губ Мелизы, словно сорванная маска.

– Нужны люди с сильными спинами, умеющие держать ритм. И чтобы не ныли из-за пустяков.

– Куда вы собираетесь плыть? Когда отправляетесь?

Изменения в графике увеличивали риск и грозили обернуться ошибками. А также рушили все ее планы.

– Ты что, из дочери превратилась в *мою мать*? – Мелиза шутила, но в ее голосе звучали стальные нотки. – Просто набери хороших ребят. Мне не нужны пучеглазые идиоты, которые

только и знают, что мечтать о приключениях, гоняться за сказками о Веретенах или бороздить Долгое море в поисках славы.

Щеки Корэйн загорелись.

– Мама, куда вы плывете? – потухшим голосом спросила она.

– Слишком уж часто они умирают, да еще и успевают разочароваться в жизни, – закончила Мелиза, пригубив вино.

– С каких пор тебя заботит гибель моряков? – выпалила Корэйн себе под нос. Эти глупые, несправедливые слова оставили у нее во рту привкус горечи, и она тут же пожалела, что не может взять их назад.

– Она заботила меня всегда, Корэйн, – холодно произнесла Мелиза.

– Куда вы плывете?

– Ветра нам благоволят.

– Через месяц они будут благоволять вам не меньше.

Мелиза посмотрела в окно, в сторону невидимого отсюда моря, и Корэйн ощутила себя брошенной.

– Раширский джайя наконец испустил дух, оставив своих шестнадцать сыновей воевать за право взойти на трон. Некоторые говорят, что он умер от старости или из-за болезни. Другие считают, что его убили. Как бы то ни было, этот конфликт нам выгоден. Он открывает нам новые возможности, – твердо и быстро проговорила Мелиза. Как будто достаточно было всего лишь озвучить эти слова, чтобы они стали правдой.

Карта мира вспыхнула в голове Корэйн вихрем из голубых, зеленых и желтых пятен. Знакомые моря и побережья, реки и горы, границы и королевства четко проступили перед ее внутренним взором. Она ни разу не видела этих мест своими глазами, и все же многое о них знала; ее нога никогда не ступала на чужие земли, но она слышала о них бесчисленное множество раз. Ее мысли легко преодолевали расстояния, переноса ее из Лемарты к невиданным красотам далекой страны: Тигровому заливу, Вселесью и хребтам Снежной короны. Она попыталась представить Джирхали – великолепную столицу Рашира, город бледно-зеленого песчаника и шлифованной меди. Но здесь воображение Корэйн было бессильно.

– Кратчайший путь до берегов Рашира составит не меньше четырех тысяч миль, – выдохнула она, открывая глаза.

Перед ней остались лишь очертания карты. Ее мать, хотя и по-прежнему сидела рядом, душой уже была далеко за пределами досягаемости.

– Если вам повезет с попутным ветром и течением, если вы не попадете в бурю или в какую-нибудь неприятность... Плавание займет не один месяц – и это в лучшем случае. – Корэйн осеклась. – Если вы вообще вернетесь.

Это опасная авантюра. Совершенно не то, что мы планировали.

Мелиза не шелохнулась.

– Нам представился отличный шанс. Подготовь корабль. Мы выплываем через три дня.

«Так скоро», – с горечью подумала Корэйн, сжимая пальцы на краю стола.

– Я должна у тебя спросить...

– Не стоит, – даже не моргнув, оборвала ее Мелиза и снова поднесла к губам стакан.

В груди Корэйн вспыхнула злость, прогоняя страх прочь.

– Но зимой ты говорила...

– Зимой я не давала тебе никаких обещаний.

Ее слова прозвучали так же окончательно, как стук захлопнувшейся двери.

Корэйн стиснула зубы и призвала на помощь всю свою силу воли, чтобы не выбить стакан вина из руки матери. В ее ушах стоял звон, заглушавший все звуки, кроме голоса Мелизы и ее отказа.

«Ты знала, что она скажет, – думала Корэйн. – Знала и поэтому хорошо подготовилась. Ты сможешь отвоевать свое право».

– Сейчас я на год старше, чем была ты, когда впервые отправилась в море.

Корэйн старалась вести себя так же, как моряки «Бурерожденной». Уверенно, решительно, профессионально. Многие люди считали ее именно такой. Очень многие, но только не мать.

Мелиза сжала зубы.

– Этот выбор сделали за меня.

Ответ Корэйн не заставил себя ждать – эта стрела уже давно была вставлена в лук и готова к полету.

– Я буду приносить больше пользы, если ты возьмешь меня на борт. Там я смогу собирать больше информации, смогу торговаться и давать советы. Вспомни, как обстояли дела «Бурерожденной» до того, как я начала вам помогать. В команде не было порядка. Вы плавали бесцельно, едва сводили концы с концами и выбрасывали за борт половину грузов, потому что не могли найти покупателей.

Корэйн изо всех сил старалась говорить разумно, а не молить мать об одолжении. Мелиза не шевелилась и не мигала; казалось, она даже не слушает.

– Я разбираюсь в морских картах не хуже Кайрима или Сириллы. Я могу быть полезна, особенно в таком долгом и дальнем плавании.

«Ты ведешь себя глупо, уподобляясь ребенку, который выпрашивает любимую игрушку. Взывай к разуму. Приводи логичные аргументы. Она знает тебе цену, знает и не может этого отрицать».

Корэйн сделала вдох, пытаясь привести в порядок мысли, и продолжила говорить.

– Если я поплыву с вами, ваши доходы как минимум утратятся. – Корэйн сжала ладонь в кулак, не убирая ее со стола. – Я могу это гарантировать. И я даже не потребую свою долю!

Корэйн не исчерпала свои аргументы: она могла перечислить еще множество выкладок и привести ряд суровых фактов, от которых нельзя будет отмахнуться. Но Мелиза лишь смотрела на нее ничего не выражающим взглядом.

– Я уже приняла решение, Корэйн. Даже воля богов не способна его изменить, – произнесла Мелиза. В ее голосе тоже появились умоляющие нотки. – Любовь моя, ты даже не представляешь, о чем меня просишь.

Корэйн прищурила черные глаза.

– А мне кажется, что представляю.

Внутри Мелизы что-то рушилось, словно в ее сердце грозила обвалиться какая-то стена.

– Я хорошо выполняю свою работу, мама, – безжалостно продолжала Корэйн. – А моя работа заключается в том, чтобы слушать, размышлять, делать выводы и предугадывать последствия. Ты думаешь, местные не обсуждают тебя и твою команду?

Она указала подбородком на гомонящую компанию, которая занимала остальную часть зала.

– Думаешь, они не знают, чем вы занимаетесь, когда выходите в море?

Мелиза наклонилась вперед так быстро, что Корэйн едва не упала со стула.

– Да, мы преступники, – прошипела она. – Мы обходим королевские законы. Мы перевозим грузы, которые другие не хотят или не могут перевозить. В этом и заключается суть контрабанды. И это опасное занятие. Тебе это известно с самого детства.

Этот монолог тоже не стал для Корэйн неожиданностью. Мелиза ан-Амарат произносила еще одну заготовленную ложь.

– Мой род деятельности сопряжен с риском, и это факт, – продолжала женщина. – Я подвергаю свою жизнь опасности каждый раз, когда мы поднимаем паруса, и все присутствующие в этом зале – тоже. Я не стану втягивать в это тебя.

– А как насчет новичков-джидийцев? Они ведь выжили, разве не так? – поинтересовалась Корэйн холодным, отрешенным тоном. В трактире белокожие близнецы казались перепуганными кроликами, попавшими в капкан.

Мелиза бросила на них недовольный взгляд.

– Они вступили в команду в Джидаштерне. Бежали из какого-то забытого богами места, потому что там началась межклановая война.

Снова ложь. Корэйн смерила мать взглядом, надеясь увидеть ее насквозь. Надеясь, что Мелиза поймет, что ее видят насквозь.

– Они выжили, хотя на вашем пути по Зоркому морю наверняка встретился не один корабль. С парнями ничего не произошло, пока ты брала эти корабли на абордаж, обчищала трюмы и пускала их на дно.

– А вот сейчас ты не права, – огрызнулась Мелиза, едва не брызжа слюной. – Пусть у тебя есть гора таблиц и списков, это не значит, что ты знаешь, каков мир на самом деле. Джидийцы больше не совершают набегов. В Зорком море происходит что-то *неладное*. Эти парни спасались бегством, и я дала им убежище.

«ВРАНЬЕ», – прокричала Корэйн у себя в голове, чувствуя, как каждая ложь вонзается в ее сердце, подобно лезвию ножа.

– Ты контрабандистка, – произнесла она, стуча ладонью по столу. – Ты нарушаешь законы всех королевств отсюда до устья Раширы. Ты промышляешь пиратством, капитан ан-Амарат. Тебя боятся по всему Варду, так как люди знают, что происходит на кораблях, которые ты преследуешь и уничтожаешь.

Корэйн придвинулась к столу, наклонившись так близко к матери, что они едва ли не касались друг друга носами. Мелиза сбросила привычную маску и больше не улыбалась.

– Не притворяйся, что тебе стыдно. Я знаю, кто ты, мама. Знаю, кем тебе пришлось стать. Мне давно обо всем известно, и я принимаю в этом участие сколько себя помню, независимо от того, веришь ты в это или нет.

В другом конце зала раздался звон разбившегося стакана, за которым последовал раскат громогласного смеха. Ни мать, ни дочь не вздрогнули и не обернулись на звук. Между ними разверзлась пропасть, заполненная лишь тишиной и тоской.

– Это не прихоть, – голос Корэйн сорвался под грузом безысходности. – Мне необходимо уехать отсюда. Я больше не могу здесь оставаться. Мне кажется, что мир прорастает сквозь меня.

Корэйн потянулась к матери, но та убрала руки со стола.

– Мама, я чувствую себя так, будто меня похоронили заживо.

Капитан ан-Амарат встала, не выпуская стакан из руки. Ее неподвижность была непривычной и не предвещала ничего хорошего, словно спокойные воды перед бурей. Корэйн готовилась к новому потоку лжи и оправданий.

Но Мелиза даже не стала пытаться.

– Мой ответ навсегда останется неизменным. Нет.

«Не теряй голову», – отругала себя Корэйн, вскочив со стула и сжав кулаки. Капитан ан-Амарат замерла на месте, сверля дочь непреклонным, недовольным взглядом.

Под кожей Корэйн забурило отчаяние. Она ощущала себя волной, разбившейся о берег и превратившейся в пену. «Не теряй голову», – повторила она себе, но на этот раз внутренний голос звучал тише и как будто бы издалека. Она впилась ногтями в свои ладони, чтобы, ощутив боль, вернуться в реальность.

– Ты не можешь принимать решения за меня, – произнесла она, сдерживаясь из последних сил. – Я не прошу тебя о разрешении. Если ты не возьмешь меня в команду, я найду другого капитана, который примет меня. Того, кто поймет мою истинную *ценность*.

– Ты не сделаешь ничего подобного.

Мелиза швырнула стакан о пол. Ее глаза загорелись изнутри, грозя сжечь весь мир до основания. Она схватила дочь за воротник, и в ее жесте не было ни следа материнской нежности. Моряки не обращали на них никакого внимания.

– Посмотри по сторонам, – прошипела она на ухо дочери.

Корэйн потрясенно застыла на месте, не в силах пошевелиться.

– Это мои моряки. Они убийцы, все до одного. Посмотри на нас, Корэйн.

Сглотнув комок, она подчинилась.

Команда «Бурерожденной» была своего рода семьей. Все моряки были похожи друг на друга: руки, покрытые шрамами, обожженная солнцем кожа, выплывшие волосы, крепкие мышцы. Несмотря на разницу в происхождении, все они казались братьями и сестрами. Они пили, сражались и мошенничали словно один человек и делали это под общим флагом, объединенные мачтами корабля и приказами ее матери. Сейчас Корэйн видела их такими же, какими знала всегда: громкими, пьяными, преданными. Но в ее ушах до сих пор эхом звучало материнское предостережение: «Они убийцы, все до одного».

Ничего не изменилось, но в то же время ничего уже не было прежним.

Ее глаза затуманились, и она увидела моряков так, как видел их весь мир. Они предстали перед ней такими, какими становились на борту корабля. Они не были ни семьей, ни друзьями. Корэйн ощущала себя добычей в логове хищников. На бедре Эйджера поблескивал нож в полруки длиной. Сколько глоток он перерезал? Великан-джидиец держал за руку их штурмана – златовласого, одноглазого Кайрима. Корэйн не имела понятия, при каких обстоятельствах он потерял глаз. Куда бы она ни смотрела, она видела знакомые лица, но сейчас они казались ей совсем неизвестными, да и к тому же отстраненными и опасными. Симеон, красивый молодой парень с гладкой, как черный камешек, кожей, примостивший топор недалеко от своих ног. Бриджитт с ревущим львом, вытатуированным на фарфоровой шее. Гарира, обладатель бронзовой кожи и бронзовой копны волос, в неизменной кольчуге, которую он не снимал даже на борту корабля. И так далее, и тому подобное. Эти люди гордились шрамами и оружием, привыкшие к жестокостям Варда и его морей. На самом деле она вовсе их не знала.

Сколько потопленных кораблей и убитых моряков на счету моей матери? Ей хотелось задать этот вопрос. Ей не хотелось слышать ответ. «Но ты и так прекрасно знала, чем они занимаются, – сказала себе Корэйн. – Именно этого мать и добивается. Она хочет запугать тебя, чтобы ты осталась на берегу. Чтобы жила в одиночестве в тихом городишке на краю света, словно кукла на полке, чей единственный страх – это запылиться».

Корэйн закусила губу, заставляя себя сохранять спокойствие и не отводить взгляд. Комната была полна зверей в человеческом обличье с когтями, выкованными из стали. Стоило приглядеться, и она могла бы рассмотреть на их руках кровь. Точно так же, как и на своих собственных.

– Все они убийцы, – повторила Мелиза, не ослабляя хватки. – И я тоже. Но ты – нет.

Корэйн сделала судорожный вдох, чувствуя, как слезятся глаза. Она винила в этом висевший в воздухе дым.

– Тебя кажется, что ты не питаешь никаких иллюзий, Корэйн, но на самом деле они по-прежнему затуманивают твой взор. Избавься от них. Увидь нас такими, какие мы есть и какой тебе никогда не стать.

Мелиза пронзала дочь взглядом, которому добавляла выразительности черная краска, подчеркивавшая ее глаза. Когда женщина продолжила, ее голос смягчился.

– Для такой жизни тебе не хватит характера, любовь моя. Поэтому ты останешься здесь.

Никогда еще Корэйн не было так одиноко. Никогда еще она не ощущала себя такой чужой в единственной семье, которую знала. Тебе не хватит характера. Эта жизнь не для тебя. Когда Мелиза отпустила ее воротник, Корэйн показалось, что она падает и что ее уносит прочь незримое течение – холодное, жестокое и страшно несправедливое. В ее крови загорелся огонь.

– По крайней мере, моему отцу хватило благородства бросить меня лишь однажды, – произнесла Корэйн холодным тоном, обнажив зубы, и заставила себя отойти от Мелизы на несколько шагов. – Ты же бросала меня тысячу раз.

* * *

Корэйн позволила себе сломаться, только когда добралась до прибрежных скал. Она кружилась на месте, глядя на горизонт во всех направлениях. Над водой. За холмами, поросшими кипарисовыми рощами и пересеченными лентой древней дороги. Больше всего на свете ей хотелось ощутить границы известного ей мира; прутья клетки, которую мать никогда не позволит ей покинуть. Долгое море, которое Корэйн всегда воспринимала как друга, стало ее мучителем, раскинув под звездным небом свои нескончаемые воды.

Она отталкивает меня даже теперь. Несмотря на то, что знает, как ужасно я себя здесь чувствую.

Я думала, что из всех людей именно она способна понять.

Но Мелиза не смогла, не стала, не захотела этого делать.

Где-то глубоко Корэйн знала, в чем дело: она отличалась от других, была на них не похожа. Их разделяла пропасть.

Недостойная, нежеланная дочь.

Потерянная в потоке жизни.

И на это была причина. Изменить ее Корэйн не могла.

– Не хватит характера, – сплюнула Корэйн, поддевая носком сапога дорожную грязь.

Над ее головой, подмигивая, мерцали звезды, надежные и верные. Созвездия были для Корэйн старыми друзьями, скрасившими ей не одну одинокую ночь. Будучи дочерью контрабандистки – пиратской дочерью, – она отлично ориентировалась по звездам и могла с легкостью их перечислить. Это ее успокаивало.

Большой дракон взирает на Сискарийское побережье, грозя проглотить яркую Северную звезду. За спиной Корэйн прильнувшая к гавани Лемарта сияла, словно еще одно созвездие, призывая девушку вернуться домой. Но та упорно шла вперед, пока на склоне холма не проступили очертания старого белого домика.

Я совершила глупость, упомянув отца. Теперь вдобавок ко всему прочему мама станет вновь и вновь заговаривать о человеке, которого мы едва знали, не сообщая ничего полезного и лишь расстраивая нас обоих.

Корэйн любила жить согласно плану, вести списки задач и расставлять приоритеты. Теперь у нее не осталось ничего. Мысль об этом действовала ей на нервы.

«Жизнь в Лемарте не так ужасна, – думала она, перечисляя в голове непреложные истины. – Моя участь вполне терпима. Мать любит меня, – в этом Корэйн не сомневалась. Мне повезло. Оллвард огромен; на его просторах людей поджидает множество опасностей и рисков. Голод, войны, болезни, всевозможные лишения. Здесь ничто из этого меня не коснется».

– Это хорошее место, – сказала она себе, оглядываясь на гавань. – Я должна быть довольна.

«И все же не могу. Что-то внутри меня отказывается пускать корни».

На горизонте замерцали звезды: то восходил Единорог. Они с драконом сражались каждый год, столетиями преследуя друг друга по небосклону. Драконы давно вымерли, но ходили легенды, что единороги по-прежнему жили в защищенных поселениях легендарных Древних и скакали по далеким степям и песчаным дюнам. Корэйн не верила в эти истории, однако ей нравилось гадать, могут ли они оказаться правдой. Но, если я останусь здесь, как я смогу узнать наверняка?

Две тени, возникшие на дороге, вырвали ее из плена печальных размышлений. Корэйн вздрогнула, осознав, что на скале есть кто-то, помимо нее.

Путники стремительно приближались. Они шли настолько тихо, что это казалось невозможным: ветер шелестел в траве громче, чем их шаги. На обоих были черные, как ночь, мантии и капюшоны. Одна фигура, маленькая и подтянутая, двигалась петляющей походкой. От другой, намного превосходящей первую по росту и сложению, не доносилось ни единого звука. Для такого рослого человека это было поразительно.

Корэйн шагала вперед. Они подошли уже слишком близко, и убегать не было смысла. Даже если ей и хотелось избежать этой встречи, теперь стало уже слишком поздно. Она вспомнила про нож, спрятанный за голенищем сапога. Ей никогда не приходилось им пользоваться, но мысль о нем слегка успокаивала.

– Добрый вечер, – пробормотала она, отходя в сторону, чтобы уступить им дорогу.

Вместо того чтобы пройти мимо, они остановились, замерев плечом к плечу. Ну, или если точнее, плечом к груди. Один из них был не меньше шести с половиной футов ростом и возвышался над другим, словно башня. Теперь, когда их разделяло совсем небольшое расстояние, Корэйн видела, что это широкоплечий, хорошо сложенный мужчина. Он держал спину прямо, как воин, а из-под его мантии проступали очертания рукояти меча. Капюшон скрывал большую часть его лица, но даже в темноте Корэйн видела шрам, протянувшийся по его бледной щеке. Рваный, влажный и... еще не успевший зажить до конца.

У Корэйн заныло в животе. «Тебе не хватит характера», – снова зазвенел у нее в голове голос матери.

– Порт находится позади вас, друзья, – произнесла она. – Эта дорога ведет в Тириот.

– Мне нечего искать в Лемарте, – донесся из-под капюшона голос мужчины.

Сердце Корэйн пронзила игла страха. Она сделала шаг назад, отстраняясь от незнакомца, но он тут же сдвинулся вперед – слишком стремительным, слишком плавным движением. Вторая фигура не шевелилась, словно свернувшаяся на обочине змея, в любой момент готовая сделать смертельный выпад.

– Не подходите ко мне! – выкрикнула Корэйн, рывком достав из сапога кинжал и взмахнув им перед путниками.

К ужасу Корэйн, мужчина устремился вперед. Девушка сжала кинжал в кулаке, приказывая себе сражаться, но вместо этого застыла на месте, не в состоянии сдвинуться ни на дюйм. «Тебе не хватит характера», – пророкотало в ее голове, и она приготовилась, что сейчас ощутит удар.

Но мужчина не собирался нападать. Вместо этого он опустился перед ней на колени и, выхватив позолоченный клинок, поставил его острием к земле. Корэйн удивленно разглядывала серебряную рукоять и крепкую сталь. Незнакомец склонил голову и откинул капюшон, обнажая копну светлых волос и прекрасное лицо, одна сторона которого была обезображена шрамами. Кромка его мантии была украшена необычным узором из оленьих рогов, вышитых серебряной нитью.

– Умоляю вас о прощении и милосердии, Корэйн ан-Амарат. – мягким голосом произнес он. Его зеленые глаза сверкнули, но он тут же опустил взгляд.

Корэйн моргнула, переводя взгляд с одного путника на другого. К ее страху добавилась изрядная доля замешательства.

Наконец второй человек усмехнулся, и Корэйн разглядела под капюшоном женский подбородок. Путница скрестила руки на груди. На каждом ее пальце была вытатуирована черная полоска, тянувшаяся от костяшки к ногтю. Этот узор казался Корэйн знакомым, но она не могла вспомнить наверняка.

– Ты пытался запугать девчонку до смерти или просто не умеешь общаться со смертными? – протянула женщина, упираясь взглядом в спину своего спутника.

Со смертными. Голова Корэйн пошла кругом.

Он скрипнул зубами.

– Еще раз прошу вас меня простить. Я не намереваюсь вас убивать.

– Что ж, уже хорошо, – пробормотала Корэйн, бессильно уронив руку, сжимавшую кинжал. – Кто вы такой?

Не успев договорить, она уже догадалась, каков будет ответ. В ее памяти всплыли обрывки детских сказок и моряцких историй. Он Древний. Бессмертный, рожденный погасшими Веретенами. Нестареющий и совершенный сын утраченного мира.

Ей никогда раньше не доводилось видеть Древнего. Даже ее мать ни разу в жизни не встречала ни одного из них.

Бессмертный разогнул шею, и звезды озарили его образ. Что-то поранило – нет, изорвало – левую половину его лица, оставив неровные, бугристые шрамы ото лба и до самой шеи. Взгляд Корэйн задержался на них, и Древний снова уронил голову на грудь.

«Его терзает стыд», – поняла Корэйн. Почему-то эта мысль немного ее успокоила.

– Так кто же вы? – повторила она свой вопрос.

Древний сделал тяжелый вдох.

– Я Домакриан из Айоны, племянник самой Правительницы, ведущий свой род из Утраченного Глориана. Я последний оставшийся в живых Соратник вашего отца, и я пришел просить вас о помощи.

Рот Корэйн распахнулся от изумления, молнией пронзившего ее тело.

– Что? – только и смогла произнести она.

– Я хотел бы рассказать вам историю, миледи, – проговорил он. – Если вы соизволите меня выслушать.

Глава 4. Трусость бессмертной

– *Домакриан* —

Изо рта умирающей лошади шла пена, но он гнал ее вперед. Ее плечо было алым от запекшейся крови. «Моей крови», – думал он. Хотя со дня битвы прошло немало дней, его раны едва начали затягиваться. Он старался не думать о своем лице, вспоротом теми существами, теми чудовищами, воинами нечеловеческой армии, явившейся из мира, который он даже не мог вообразить. Он все еще чувствовал на себе их пальцы, сломанные ногти и кости, торчавшие из-под ржавых доспехов. Теперь они остались далеко позади, в сотнях миль за его спиной. Но Домакриан все равно то и дело оглядывался назад, широко раскрыв изумрудные глаза.

Он не мог сказать, как ему удалось спастись. Он знал лишь, что вскочил на лошадь одного из Соратников; остальные воспоминания стерлись, оставив только отголоски звуков, размытые цветные пятна и неясные запахи. Он скакал днями напролет. Королевства проносились мимо, сливаясь друг с другом; холмы сменялись возделанными полями, которые уступали место лесу, а затем снова холмам. Наконец он начал узнавать пролетавшие мимо ландшафты. Миновав горы Монарион и Монариан – Звезду и Солнце, – он свернул в скрытую от посторонних глаз долину. Поросшая тисовыми деревьями, она тонула в тумане, а извилистая серебряная лента реки Аванар делила ее на две части. Он был сыном и принцем этой земли и знал ее наизусть.

Калидон.

Айона.

Родной дом.

«Осталось недолго, – думал он, надеясь, что лошадь выдержит. – Уже совсем скоро».

Дом слышал, как оглушительное биение лошадиного сердца становится реже. Он ударил ее ногой еще раз.

Остановится либо ее сердце, либо твое собственное.

Туман начал отступать, и из него проступил видэрийский город Айона, раскинувшийся на скалистых кряжах в том месте, где Аванар впадал в Лохлару – Рассветное озеро. За долгие столетия дожди и снега окрасили город в серо-коричневую гамму, и все же он сохранил свою величественность. Здесь жили тысячи бессмертных; сотни из них родились еще в Глориане и были старше самой Айоны. Королевский дворец, называемый Тиармой, с гордостью стоял на острове, как нож, краю кряжа, под которым виднелись одни только скалы.

Город окружала поросшая мхом оборонительная стена. Она была хорошо защищена: по всей ее длине стояли натренированные стрелки в зеленых одеждах, различить которых было почти невозможно. Они сразу же его узнали: их острое зрение позволяло им отлично видеть даже на большом расстоянии.

Принц Айоны возвращался домой, окровавленный и одинокий.

Лошадь забралась на кряж и, миновав ворота, остановилась у дворца правительницы. Когда Дом спрыгнул со спины кобылы, та упала на землю. Ее тяжелое дыхание замедлилось, а через несколько мгновений вовсе затихло. Древний вздрогнул, услышав последний удар ее сердца.

Стражники обступили принца, не произнеся ни слова. У большинства из них были золотистые волосы и зеленые глаза; в тумане их лица казались абсолютно белыми. На их кожаных доспехах виднелся величественный олень – символ Айоны. Его можно было увидеть повсюду: на барельефах, мантиях и броне ионийцев. Гордый и недосыгаемый, он окидывал своим всевидящим взглядом весь город.

«Мое поражение перед ним как на ладони», – думал Дом.

Мучимый стыдом, он прошел в открытый зев вырезанных из дуба дворцовых дверей. Кто-то вложил в его руку тряпицу, и, приняв ее, Дом попытался стереть с лица засохшую кровь. Его раны горели и саднили; некоторые снова начали кровоточить. Он не обращал внимания на боль, как и подобало бессмертным.

Но его пальцы ощущали под тряпицей изорванную плоть.

Должно быть, я выгляжу как чудовище.

Прожив в Тиарме пять сотен лет, Дом успел хорошо ее изучить. Он быстрым шагом проходил один зал за другим, минуя арки, соединявшие между собой разные части дворца и крепости. Пиршественный зал, розарий, расположенный в самом центре, зубчатые башни и коридоры, которые вели в жилые комнаты, – все это расплывалось в его сознании.

Он рыдал в этих каменных чертогах лишь однажды. В тот день, когда он осиротел, оставшись на попечении правительницы.

Сейчас он прикладывал все усилия, чтобы не разрыдаться во второй раз.

Кортаэль, друг мой, я подвел тебя. Я подвел Оллвард, подвел Айону. А еще я подвел Глориан. Я не смог защитить все то, что мне по-настоящему дорого.

Он добрался до тронного зала слишком быстро и застыл перед дверьми в два его роста высотой, искусно вырезанными из ясеня и дуба рукой бессмертного мастера. Символы многочисленных поселений Древних перетекали друг в друга, словно вода. Здесь можно было увидеть невозмутимого гишанского тигра, черную пантеру Барасы, парящего ястреба Таримы, грациозного коня Хизира, у ног которого притаилась хитрая сирандельская лиса, барана Сайрина, чью голову украшали витые рога, огромного медведя Ковалинна, стоявшего на задних ногах, песчаного волка Салахэ и акулу Тиракриона с двумя рядами острых, как кинжалы, зубов. Над ними возвышались два оленя-близнеца, гордо выпятившие грудь и соприкасавшиеся неправдоподобно ветвистыми рогами. Всего несколько дней назад Дом выходил из этих дверей рядом с Кортаэлем, на суровом лице которого была написана решимость. Тогда сердце его друга еще билось.

Как бы я хотел вернуться в прошлое. Как бы хотел их предупредить. Он стиснул зубы так сильно, что послышался скрежет кости о кость. Как бы мне хотелось, подобно смертным, обрести веру и ощущать, что их души находятся рядом со мной.

Но бессмертные видэры не верили в призраков, и Дом не был исключением. Когда стражники распахнули двери, он вошел в парадный зал в одиночестве, не сопровождаемый никем и ничем, кроме своего горя.

Путь к трону был долгим. Дом ступал по зеленому мрамору, натертому до зеркального блеска, а по обеим сторонам от него возвышались колонны. Они обрамляли углубления в стенах, в которых располагались статуи богов Глориана. Почитаемые Древними божества остались в далеком мире, за пределами досягаемости тех из них, что были заперты в Варде. Вот уже тысячу лет их молитвы оставались без ответа.

И все же Дом молился.

Правительница, приходившаяся Дому тетей, ожидала его, сидя на возвышении в дальнем конце зала рядом с тремя советниками. Съеран служил королевским голосом, а Торэкель – кулаком. Один был ученым, а другой – воином. В то время как у Съерана были длинные пепельно-серебристые волосы, Торэкель стригся коротко, но оставлял на висках короткие пряди, которые заплетал в косички – бронзовые с проседью. Оба носили одежды из тонкого шелка и темно-зеленые мантии с серебристой каемкой. Даже Торэкель не утруждал себя тем, чтобы надеть броню.

Третьей советницей была принцесса Рия – его родная кузина и наследница трона. Внешностью она разительно отличалась от матери: она была крепкой, широкоплечей девушкой с темными волосами и черными глазами. При себе Рия, как всегда, держала меч.

Правительница, одетая в свободное серое платье с каймой из вышитых бисером цветов, сидела не шевелясь. Несмотря на холод, царивший в тронном зале, на ней не было ни мехов, ни мантии. Правители Древних любили носить короны, но незатейливый венец в ее светлых волосах едва ли отличался от пары обычных кварцевых заколок. Ее сиявшие, словно жемчужины, глаза были обращены в неведомую даль. Когда-то правительница видела свет нездешних звезд и до сих пор помнила Утраченный Глориан.

На ее коленях лежала живая ветвь ясеня, зеленые листья которой были обмыты серебристым утренним светом. Так велел обычай.

Она не сводила с Дома непроницаемого взгляда. Он приближался к трону, склонив голову, не смея посмотреть ей в глаза. «Она видит меня насквозь», – думал он. – Как делала это всю мою жизнь».

Оказавшись напротив правительницы, он опустился на колени, и все его мышцы нещадно заныли в знак протеста. Пусть видэры были бессмертны, они все же ощущали боль – как телесную, так и душевную.

– Я не стану спрашивать тебя, как именно они погибли. Я вижу, что их смерть тяжким грузом лежит на твоих плечах, племянник, – сказала Изибель, правительница Ионы.

– Я подвел вас, миледи, – срывающимся голосом произнес Дом.

– Ты выжил, – проговорила Рия сквозь сжатые зубы. На ее лице лежала печать скорби.

«Я не могу понять, зачем я выжил, когда другие пали в бою». Перед его глазами пронеслись образы Соратников. Некоторые уже начали стираться из его памяти, но только не лица видэров – и, безусловно, не лицо Кортаэля, которого он знал с рождения.

Великие герои жестоко убиты, однако Домакриан по-прежнему ходит по этой земле.

Торэкель подался вперед, не сводя с принца синих глаз. Несколько сотен лет назад он учил Дома обращаться с мечом и луком. Он был неприветливым воином тогда и оставался им и сейчас. Дом мысленно подготовился к тому, что его ждет допрос.

– Что с Веретеном? – спросил он, и его голос эхом отразился от стен.

Дому показалось, что его снова ударили кинжалом и повалили на землю. Но он заговорил, преодолевая удушливую волну стыда.

– Сорвано еще до нашего прибытия. Проход открыт. Это была западня.

Торэкель шумно вдохнул.

– И что из него появилось?

– Армия существ. Прежде я никогда не видел ничего подобного.

Они были обожжены и сломлены, но все же живы. Если это можно назвать жизнью. Они снова расцарапывали его плоть в клочья и разрывали на части его Соратников.

– Они состояли из плоти и крови, точно люди, но...

– Они пришли не из этого мира, – подсказал Сьеран, глядя на него серьезным взглядом. Он явно искал в памяти обрывок забытого знания, который бы им помог. Его взор потемнел. Что бы он ни вспомнил, ему это не понравилось.

Правительница подняла серые глаза.

– Веретено открыло проход в Пепельные земли – сожженный, расколотый мир, полный боли и ярости, – произнесла она. Сьеран и Торэкель побледнели и обменялись холодными взглядами за ее спиной. – Когда-то давно этот проход закрылся раньше прочих: мир треснул, и его Веретена разрушились. Существа, которые там остались, живы лишь наполовину; их тела обезображены и прожжены до костей. Страдания свели их с ума, и теперь те, кто когда-то были людьми, едва ли отличаются от зверей.

– Как мы и опасались, – пробормотал Дом, скрипя зубами от осознания еще одной, более жуткой, истины. – Это не дело рук Таристана из Древнего Кора. Он лишь слуга. Орудие, подчиненное чужой воле.

У Дома перехватило дыхание.

– Это Асандер. Всему виной Тот, Кто Ждет. Это Он.

Эти имена – тлетворные, ядовитые, не предназначенные для того, чтобы называть их вслух, – оставили во рту Дома привкус зла. Его слова произвели на присутствовавших сильное впечатление: глаза Сьерана и Торэкеля округлились, а Рия изумленно приоткрыла рот. Они думают, что я сошел с ума.

– Тот, Кто Ждет не может попасть в мир, который не был расколот, – проговорила правительница мягким, успокаивающим тоном. Но в ее глазах блеснул страх.

– Значит, Он попытается его расколоть, – резким голосом произнес Дом. – Он хочет нас завоевать.

Правительница отпрянула назад. Ясеновая ветвь трепетала в ее дрожащих руках.

– Тот, Кто Ждет, Расколотый Король Асандера, Дьявол из Бездны, Бог среди Звезд, Красная Тьма.

Она прерывисто вздохнула. От каждого из этих имен веяло холодом.

– Он демон, который любит лишь одно: сеять разрушения. Бездна – его единственная природа.

Дом приказал себе подняться на ноги. В его сознании кружились жуткие образы: вскрытые Веретена, новые армии, кровавая резня по всему Олларду. Но в то же время он ощутил прилив решимости.

– Воины нашего мира, доблестные видэры, еще могут дать отпор существам из Пепельных земель – равно как и из Асандера. Мы прогоним прочь всех, кто посмеет сюда явиться, – сказал он, приподнимая подбородок. – Но нужно действовать сейчас же. Сьеран, известите о случившемся правителей других поселений. Торэкель, Рия, ваши воины...

Изибель поджала губы.

Дом осекся.

– Настоящая угроза – вовсе не армия Асандера, – сказала правительница, глядя на дочь. – Тот, Кто Ждет стремится поглощать.

Взгляд Изибель смягчился. Она обращалась к своему единственному ребенку, и весь остальной мир перестал для нее существовать.

– Веретена открывают проходы между мирами, но в то же время служат неприступными стенами, которые их разделяют. Если найти достаточное количество Веретен и вскрыть их, они непременно столкнутся друг с другом. Именно так Он и завоевал Пепельные земли. Он уничтожил границы мира и разрушил фундамент, на котором тот зиждился.

Правительница сжала ветвь так сильно, что костяшки ее пальцев побелели.

– Только подумай. Вард и Пепельные земли, уничтоженные и поработанные Тем, Кто Ждет.

Рия положила ладонь на рукоять меча.

– Этому не бывать!

– Боюсь, что это неизбежно, – ответила ее мать.

Несмотря на холод, царивший в тронном зале, в жилах Дома вспыхнул огонь.

– Отложите ветвь и возьмите в руки меч! – потребовал он. – Вы обязаны оповестить как правителей других видэрийских поселений, так и смертных монархов. Призвать всех без исключения!

Сьеран тяжело вздохнул.

– А что потом?

Дом ощущал, как его охватывает отчаяние.

– Уничтожить войско мертвецов, – прорычал он и скрипнул зубами, уподобляясь дикому зверю. – Захлопнуть Веретено. Закопать Таристана в землю. Забросить Того, Кто Ждет обратно в Его ад. Положить всему этому конец!

Изибель изящно поднялась со своего трона, обводя пляшущим взором раны на лице Дома. Он застыл, когда она сделала несколько шагов по направлению к нему, вытянув руку вперед. Остановившись перед Домом, она провела пальцем по ране, протянувшейся от линии его волос до челюсти. Уголок его рта был надорван, а бровь – рассечена пополам. Он чудом не лишился левого глаза.

– Так странно видеть кровь на коже видэра, – ошеломленно прошептала она.

У Домакриана из Айоны похолодело сердце. Впервые в жизни он почувствовал ненависть к кому-то, в чьих жилах текла видэрийская кровь. Все было гораздо хуже, чем ему казалось.

– Вы боитесь, – глухо произнес он, сверля ее осуждающим взглядом. – Вы перепуганы до смерти.

На лице Изибель не дрогнул ни один мускул.

– Мы уже потерпели поражение, мой дорогой. Я больше не стану отправлять своих людей на верную гибель. Тебе не найти ни одного правителя, который на это согласится.

«Будьте прокляты всеми богами», – подумал он, сжимая кулаки.

– Мы все погибнем, если будем бездействовать. Мы – жители Варда в той же мере, как и другие народы.

– Ты знаешь, что это не так, – печально произнесла Изибель, качая головой. – Нас ждет Глориан.

Дом начинал завидовать смертным. Они умели приходить в ярость, кричать и злословить, терять над собой контроль и поддаваться примитивным эмоциям. Как бы ему хотелось тоже быть способным на такое.

– Глориан утрачен для нас, – выдавил он.

Тетя снова протянула руку к его лицу, но он отстранился, словно капризный ребенок.

Он выпрямил спину, поворачиваясь к крылатой статуе Балера. Этот бог покровительствовал воинам и, как считалось, мог внушать людям храбрость. «Даруй смелости этим бессмертным трусам», – мрачно подумал он.

– Веретена непросто привести в равновесие. Когда проход был уничтожен, мы потеряли возможность вернуться домой и теперь обречены провести свой долгий век в этом мире, – невозмутимо продолжала она. – Но по мере того, как Таристан будет охотиться за Веретенами и пытаться их вскрыть, границы начнут слабеть. Откроются проходы, как новые, так и старые. Пусть мне и хотелось бы, чтобы это было не так, но Оллвард погибнет, а его Веретена сгорят. Однако мы можем отправиться на поиски Перепутья – или даже самого Глориана – и вернуться на родину.

Дом потрясенно развернулся к ней лицом.

– И оставить Вард на верную гибель.

– Оллвард обречен.

Ее лицо посуровело, становясь непреклонным, словно гранит.

– Ты не видел Глориан. Я не рассчитываю на то, что ты поймешь, – глухо произнесла она, снова опускаясь на трон.

Дом посмотрел на Рию и увидел в ее глазах отражение своего негодования. Однако принцесса молчала, сложив руки на коленях. Она чуть заметно качнула головой сначала в одну сторону, а потом в другую. Было понятно, что она пытается сказать.

Остановись.

Он оставил ее совет без внимания. Его сдержанность дала трещину.

– Так, значит, гибель Соратников была напрасной.

Он провел ногтями по лицу, сдирая с кожи засохшую кровь. Зеленый мрамор усеяли алые звездочки.

– Выходит, что вы трусливы, миледи.

Торэкель вскочил на ноги, обнажив зубы в злобной гримасе, но правительница жестом приказала ему сесть. Она не нуждалась в защите, находясь в собственном дворце.

– Мне жаль, что ты так считаешь, – мягко произнесла она.

В сознании Дома гремели голоса и воспоминания, сражаясь за то, чтобы быть услышанными. Последний вдох Кортаэля. Его пустые глаза. Павшие видэры. Лицо Таристана, Красный маг, армия Асандера. Вкус собственной крови. А потом его мысли перенеслись к легендам о Глориане и об отважных, благородных мужчинах и женщинах, которые отправились в Вард. Об их величии и победах. Об их силе, превосходящей любую другую в этом мире. Все это ложь. Все это ничего не значит. Все потеряно.

Он развернулся спиной к правительнице – и к своей вере в мир и самого себя. Ему казалось, что мраморный пол пришел в движение, словно превратившись в зеленое море. Все его мысли были о близнеце Кортаэля и о том, как стереть проклятую ухмылку с его губ. Нужно было положить этому конец в бою у храма. Убить его или умереть самому. По крайней мере, тогда я не услышал бы этих кошмарных слов и избежал бы разочарования.

– Что ты собираешься делать, Домакриан, сын моей возлюбленной сестры? – проговорила Изибель ему вслед. Голос правительницы звучал глухо, словно на него давили десять сотен лет ее правления. А еще в нем слышалось отчаяние. – Разве в твоих жилах течет кровь Древнего Кора? Или, может быть, у тебя есть Веретенный клинок?

Единственным ответом Дома был стук его сапог.

– Значит, ты уже потерпел поражение! – крикнула она. – Как и все мы. Нам необходимо покинуть этот мир, прежде чем он погибнет.

Принц Айоны не замедлил шага и не обернулся.

– Мужчины и женщины, превосходившие меня во всем, погибли напрасно, – произнес он. – Будет справедливо, если я последую за ними.

Несколько часов спустя принцесса Рия нашла его в конюшне Тиармы. Он яростно трудился, вычищая стойла и разбрасывая вилами сено.

Будничная работа помогала забыться, пусть ее и сопровождал омерзительный запах. Дом не позаботился о том, чтобы переодеться: на нем по-прежнему оставались кожаные штаны и изорванная мантия. Он даже не отчистил с сапог грязь, налипшую на поляне возле храма; возможно, на них была и запекшаяся кровь. Его светлые волосы рассыпались по плечам, а несколько прядей прилипли к израненной половине лица. У него за поясом висел опустошенный до дна винный бурдюк. Дом ощущал себя так же отвратительно, как и выглядел, а выглядел он просто кошмарно.

Он чувствовал осуждающий взгляд Рии спиной, поэтому не стал утруждать себя тем, чтобы к ней обернуться. Он хрипло вздохнул, вонзил вилы в тую сена и, не напрягаясь, перебросил его в ближайшее стойло. Сено ударилось о каменную стену и разлетелось по полу. Конь, стоявший в углу, недовольно моргнул.

– Ты всегда знала, когда нужно промолчать, кузина, – усмехнулся он, снова взмахивая вилами. Он представил, что следующий тую – это тело Таристана, и проткнул его зубьями насквозь.

– А ты, похоже, не выучил этот урок, – ответила она. – Равно как и тот, где рассказывалось о тактичности.

Дом закусил губу, снова ощутив вкус крови.

– Я воин, Рия. Тактичность – это роскошь, которую я не могу себе позволить.

– А я, по твоему мнению, кто?

Он вздохнул и обернулся к той, которую мог бы назвать сестрой.

Принцесса изменилась. На ее поясе по-прежнему висел меч, но в остальном она выглядела другим человеком. Шелк уступил место стали, а украшенные драгоценными камнями локоны превратились в туго заплетенные косы. Она уперлась руками в ремень портупей, выжи-

дательно глядя на Дома. Зеленая мантия Айоны ниспадала с ее плеча, прикрывая кольчугу, нагрудник и поножи. Рия была наследницей престола, поэтому она умела сражаться не хуже остальных, а зачастую даже лучше. Ее доспехи – с оленьими рогами на груди – были искусно выкованы и идеально на ней сидели. Покрашенная в зеленый цвет сталь сияла в пыльном свете конюшни.

В груди Дома затеплилась робкая надежда, но ему инстинктивно захотелось задушить ее в зародыше.

– Куда ты собралась? – настороженно спросил он.

– Ты слышал, что сказала мать: она не станет отправлять своих людей на верную гибель, равно как и другие правители, – сказала она, поправляя латные перчатки. Тонкая улыбка, игравшая на ее губах, блеснула озорством. – Я решила, что нужно убедиться в ее правоте.

Искра надежды вспыхнула и разгорелась. Вилы выпали из рук Дома, и он потянулся к кухне, чтобы ее обнять.

– Рия...

Доспехи не сковывали ее движений, и она легко увернулась от его руки, сделав проворный шаг в сторону.

– Не трогай меня! Ты воняешь!

Эта шпилька нисколько не задела Дома. Рия могла говорить или просить у него что угодно, как ни страшно было это осознавать. Я бы голышом станцевал на улицах Айоны или женился на смертной женщине, если бы она согласилась помочь лишь при таком условии. Но Рия ничего не просила взамен. Глубоко в душе Дом знал, что она никогда бы этого не сделала.

– Сначала я поеду в Сирандель, – сказала принцесса и быстро зашагала по конюшне, вынуждая Дома последовать за собой.

Она осматривала коней наметанным взглядом, заглядывая в каждое стойло в поисках проворного скакуна, который отвечал бы ее требованиям.

– Сирандельцы потеряли в этой битве троих. К тому же лисы бывают такими вспыльчивыми. Говорят, это связано с рыжим цветом волос.

Стремительным шагом принц подошел к стене, где висела амуниция для лошадей, и закинул на плечо седло. Крепкая промасленная кожа блестела на свету.

– Тогда я начну с Салахэ. Песчаные волки охотно вступают в бой.

Рия стащила седло с плеча кузена.

– Оставь переговоры мне. Слабо верится, что для такой задачи тебе достанет красноречия.

– Ты обезумела, если думаешь, что я останусь здесь, – сказал он, преграждая Рие путь. Она снова увернулась. Сгрудившись в дальнем конце прохода между стойлами, конюхи следили за их перепалкой. Дом слышал их перешептывания, но они его не заботили.

– Я такого не говорила, – в голосе Рии прозвенел упрек. – Собрать войско, чтобы противостоять Веретенам, – это одна задача. Очень может быть, что она невыполнима. Но есть еще и другая: захлопнуть эти самые Веретена. Мы обязаны их закрыть, если хотим, чтобы у Олларда оставалась хоть какая-то надежда на спасение.

Ее поиски подошли к концу: она остановилась у знакомого стойла, в котором дожидался всадника личный скакун ее матери. Эту угольно-черную лошадь растили в пустынях Айбала, обучая развивать невероятную скорость. При взгляде на кобылу, рожденную в песках, в глазах Рии блеснула неестественная для нее жадность. В следующее мгновение принцесса снова повернулась лицом к своему кузену и взяла в руки его ладонь.

– Тебе понадобятся кровь Древнего Кора и Веретенный клинок.

Перед взором Дома предстал образ юноши с добрым и теплым взглядом. Поверх его кольчуги была накинута зеленая, расшитая золотом мантия. Оруженосец. Эндри Трелланд. Дитя Аскала.

– Я сумею отыскать клинок, – мрачно произнес Дом. Надеюсь, что сумею.
Рия нахмурила смуглый лоб.

– Каким образом? В сокровищнице хранилось лишь два меча, и теперь оба они у Таристана. В других поселениях нет...

– Я отыщу клинок, – повторил он. В его голосе звенела решимость.

Несколько мгновений Рия вглядывалась в его лицо, а затем медленно кивнула. Дому оставалось лишь молиться, чтобы она оказалась права, доверившись ему.

– А вот кровь... – вздохнул он, прислоняясь спиной к стене.

Видэр провел рукой по лицу, в первый раз за все время, прошедшее со дня боя у храма, забыв о своих ранах. Они тут же напомнили ему о себе, взорвавшись острой болью. С губ Дома сорвалось ругательство.

– Кортаэль был последним отпрыском своего рода. Если где-то и существуют его дальние родственники, у нас нет никаких зацепок, чтобы их обнаружить. Поиски иной ветви этого генеалогического древа займут долгие месяцы, а быть может, и годы. Сыновья и дочери Древнего Кора стерты с лица земли.

– Сыновья и дочери, – задумчиво протянула Рия, искривив губы в подобии усмешки.

Она подошла к айбалийской песчаной лошади и провела рукой по спине животного. Кобыла ответила ей приветственным ржанием.

– Они весьма немногочисленны, это верно. Но уверен ли ты, что род Кортаэля прервался? Есть вещи, о которых он не рассказывал даже тебе, кузен.

Несмотря на печальные обстоятельства, Дом широко ухмыльнулся.

– Поверь мне, я слышал о твоих тайных свиданиях с этим смертным, равно как и половина Айоны.

– Помимо меня, у Кортаэля из Древнего Кора было множество женщин, как видэрийских, так и смертных.

С ее губ сорвался смешок, прозвучавший печально и глухо. Смерть Кортаэля отразилась не на одном Доме. Он ясно видел груз потери, свисавший с плеч Рии, словно плохо подогнанный доспех. Подобная тяжесть была для нее непривычна, да и для большинства видэров тоже. Они не знали, что значит умирать или терять тех, кого они любили.

Дом подскочил на месте, когда рука Рии коснулась его здоровой щеки. Ее пальцы были прохладными и нежными, несмотря на мозоли, образовавшиеся за несколько столетий. Его снова охватила тоска, только на этот раз он печалился не о своей участи, а о кузине, которой предстояло в одиночестве скитаться по всему Варду.

– Не отчаивайся, Домакриан, – сказала она, по-своему трактуя выражение его лица. – Не только видэры исследуют генеалогию Древнего Кора.

Рия всегда опережала его, когда они работали в библиотеке под надзором ученых и дипломатов. Также и сейчас: он смотрел в ее темные глаза несколько долгих секунд, прежде чем его озарило понимание. Он сморщил нос в отвращении. Намек Рии вызвал у него приступ дурноты.

– Что за глупость! – просипел он.

Рия, стоявшая спиной к лошади, ничуть не смутилась.

– Что ж, хорошо, что мы не глупцы. Ну, по крайней мере, я.

– Я не стану этого делать. – Он покачал своей златокудрой головой. – Я им не доверяю.

Ресницы Рии вздрогнули. Она начинала терять терпение.

– Мы ничего не знали о Таристане, и посмотри, что из этого вышло, – проговорила она сквозь сжатые зубы. – Ты можешь просмотреть все библиотечные свитки до единого, можешь расколоть череп Сьерана и покопаться в его содержимом, но это не поможет тебе вовремя найти еще одного отпрыска Древнего Кора. И ребенка Кортаэля тоже. Он об этом позаботился.

Дом ощутил новый прилив дурноты.

– Ребенка, – выдавил он в изумлении.

«Незаконнорожденного ребенка, – осознал он. – Кортаэль не был связан узами брака – или все же был? Возможно, я не знал о своем друге чего-то еще? Того, что он не считал нужным мне сообщить, потому что мучился от стыда или недостаточно мне доверял? Пусть этот смертный погиб, оставшись гнить в земле, Дом почувствовал, как его накрывает новая волна тоски и жгучего гнева.

– Прекрати. У нас нет времени на твои печальные размышления, – резко произнесла Рия. Он нахмурился, и его раны тут же отозвались болью.

– Я не трачу время на печальные размышления.

– Ты тратишь на них годы, – отрывисто проговорила она. – Кортаэль рассказал мне во время своего набега на винный погреб. Это произошло, когда он сам был еще юнцом.

– Жаль, что я об этом не знал.

Дом снова подумал о том, как хорошо было бы верить в призраков.

Рия закусила губу.

– Ты же знаешь, какой он человек. Каким человеком он был, – сказала она, с трудом заставляя себя говорить о Кортаэле в прошедшем времени. – Он считал себя видэром и делал все, что мог, чтобы убедить в этом нас всех. Он просто не мог признать, что способен совершать те же ошибки, что и любой другой смертный. Он так сильно хотел быть похожим на нас.

Дом действительно все это знал. С самого детства Кортаэль сражался против своей природы. Он делал вид, что его не беспокоят раны, стужа и голод. Отказывался спать, потому что видэры могли обходиться без ночного отдыха. Он говорил на видэрийском не хуже остальных жителей Айоны. Он владел им настолько хорошо, что однажды признался Дому, что видит сны на их языке, а не на своем родном. Мы стали братьями, словно он и правда был бессмертным. Если бы только не его кровь, его проклятая кровь, которая привела его к гибели.

– Это все, что мне известно. – Рия положила руку ему на плечо, вырвав его из плена воспоминаний. – Но будь уверен, они знают гораздо больше.

– Что ж, хорошо, – неохотно уступил он, словно ребенок, которого долго уговаривали съесть полезный, но невкусный ужин. – Я это сделаю.

Меня утомляет одна только мысль о том, что мне предстоит.

Рия смотрела на него, изогнув бровь, словно он был подростком ста лет от роду, впервые пришедшим на тренировочную площадку.

– У тебя есть предположения, с чего можно начать?

Дом выпрямил спину, вытягиваясь во весь грозный рост. Его фигура заполняла собой дверной проем.

– Разумеется. Я выслежу одного убийцу, а потом выбью из него всю нужную информацию.

– Замечательно. Только сначала тебе стоит сходить к лекарю, – произнесла она, с отвращением прикасаясь к его рубашке. Решив, что этого недостаточно, она демонстративно ее понюхала. – И принять ванну.

Он ответил кузине кривой улыбкой и погрузился в молчание, давая ей возможность подготовиться к пути. Она оседлала песчаную лошадь в мгновение ока. Мнение Дома не изменилось за долгие годы: она делала это слишком быстро. Он не сводил с кузины взгляд, и она отвечала ему тем же. Во всем ее облике сквозила непреклонная решимость. Дом не стал спрашивать, почему она отправлялась в путь. Возможно, мать отдала ей тайный приказ, несмотря на слова, прозвучавшие в тронном зале. Или, быть может, принцесса проявляла непокорность, граничившую с предательством. В любом случае он не хотел этого знать.

– Доброго пути, кузина, – проговорил он. – Будь осторожна.

В его памяти вспыхнули все кошмары, увиденные им всего несколько дней назад. Их пальцы и челюсти тянулись к его бесценной Рие. «В отличие от меня, она не потерпит поражения. Я не потеряю и ее тоже», – пообещал он себе.

«Но тебя не будет рядом», – прозвучал в его голове собственный голос. От этой мысли он вздрогнул всем телом.

Либо Рия не заметила его ужаса, либо ей хватило благородства не заострять на нем внимания. Она с легкостью вскочила в украшенное оленьими рогами седло. Песчаная лошадь нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, готовая пуститься в бег.

– Я всегда осторожна, – отозвалась она. Ее глаза светились в предвкушении путешествия – и от осознания того, что она предпримет его ради великой цели.

Дом снова пожалел, что не может выражать свои чувства, как делают это смертные. Как бы ему хотелось обнять кузину и сказать, как много для него значит то, что она поверила ему и решила действовать. Чувства застряли у него в горле, грозя его задушить.

– Спасибо тебе, – только и смог выдавить он.

Ее ответ был так же остер, как и ее меч. Дом не ожидал от нее меньшего.

– Не благодари меня за то, что я поступаю правильно – пусть это и несусветная глупость.

Дом склонил голову и вышел из конюшни, освобождая Рие путь.

Но она медлила, застыв с одной ногой в стремях и вперив взгляд в лошадиную шею. Сияние ее глаз померкло.

– Я не знала, что у него есть близнец, – едва слышно прошептала она. – Мне не было известно, что... что мать их разлучила.

– Мне тоже, – ответил Домакриан. Как и Рия, он тщетно пытался осознать произошедшее. – Как и самому Кортаэлю, пока это чудовище не явилось из тумана забвения.

– Она наверняка считала, что поступает как должно. Она хотела защитить и воспитать лишь одного наследника Древнего Кора. Боялась, что иначе Вард погрузится в междоусобные распри.

Дом кивнул, пусть и считал иначе. Глубоко в сердце он знал, что правительница сделала это ради себя и ради Глориана. И ни для кого больше.

Рия надежнее уселась в седле, и в ее взгляде снова проступила стальная воля. Она воплотила в себе идеальный образ неистового воина, храброго и благородного.

– Да пребудет с тобой Эктхейд, – проговорила она, оглядывая кузена сверху вниз.

Бог дороги, путешествий, а также потерянных и обретенных вновь вещей.

Дом кивнул.

– Да хранит тебя Балер, – произнес он в ответ.

Словно на крыльях Балера, она понеслась на запад.

Сменив одежду и стерев с тела грязь, Домакриан из Айоны поскакал на юг. Никто не пытался его задержать, и никто не сказал ему слов прощания.

Глава 5. Сделка со штормом

— Сораса —

Ее меч остался в портовой таверне, спрятанный под половиной доской вместе с остальным снаряжением. Сейчас ей нужен был лишь кинжал, бронзовое острие которого тускло мерцало в темной комнате, принадлежавшей королю среди торговцев. Она нависла над ним, терпеливо считая его вздохи. Толстый мужчина со щеками, как у бульдога, спал беспокойно, и воздух с рокотом вырывался из его рта, минуя желтоватые зубы. Рядом лежала его жена – темноволосая красавица, едва вышедшая из детского возраста. Сораса дала бы ей лет шестнадцать. Вероятно, она была уже третьей или четвертой супругой купца.

«Я оказываю тебе услугу, девочка».

А потом она перерезала ему горло. Ей не требовалось никаких усилий, чтобы рассечь плоть откормленным кровью ножом.

Из рта купца послышалось бульканье, и она прикрыла его рукой, перевернув мужчину на бок, чтобы кровь не полилась на его жену и не разбудила ее. Доведя привычное дело до конца, Сораса отсекла ему левое ухо и указательный палец на левой руке, после чего бросила их на пол. Такова была метка Сорасы Сарн, знакомая всем, кто знал, куда смотреть. Это убийство принадлежало ей, и только ей одной.

Юная жена купца спала, словно ничего не произошло.

Равномерный стук капель крови звучал громче, чем шаги Сорасы. Она вернулась на балкон, развернула кнут и забросила его конец на стену, опоясывавшую двор.

Она присела на корточки, прислонившись к бледно-розовому камню, и расставила руки в стороны для равновесия. Фруктовые деревья служили ей надежным прикрытием, поэтому она не спешила, позволяя глазам привыкнуть к полуденному свету. Разомлевшие на жаре охранники двигались медленно, обходя противоположную часть двора. Она воспользовалась возможностью и прыгнула в пустой переулок за стеной. В нем почти не было тени.

Безжалостное солнце зависло высоко в небе. На берегах Долгого моря держалась аномальная жара, и даже в богатейшем районе Билскоса над дорогой клубились облачка пыли. Столица Тириота, привыкшая к прохладному морскому бризу, задыхалась от жары. Но Сорасу такая погода устраивала. Ее жизнь началась в песках Айбала, а ее мать, уроженка Рашира, провела детство и юность во Вселесье. Сораса была создана для жизни в жестокой пустыне или приторно-жарких джунглях. «Эти люди не знают, что такое настоящее солнце», – думала она, петляя по переулкам в направлении причалов.

Она шла неспешным, размеренным шагом. Сквозь щели в стенах виднелись синие воды Тирийского залива, а из каждого окрестного дома открывался вид на прославленный порт. Над ним возвышался один лишь дворец Морского Принца, розовые башенки и красные черепичные крыши которого напоминали охапки корских роз.

Сораса бросила взгляд в сторону великой гавани Тириота, знаменитые причалы которой тянулись в воды пролива, словно осьминожки щупальца. Она покинет страну на торговой галере, не оставив за собой ни следа.

«Кроме того следа, который я сама решу за собой оставить», – думала она, удовлетворенно изогнув губы.

Она тенью спустилась в ту часть города, где были расположены местные святыни, петляя между храмами, сверкавшими своими куполами, и сакральными часовнями. Жрецы совер-

шали дневное шествие, воздев руки к небу и моля богов Оллварда о благословении. За ними следовала толпа крестьян и моряков.

Вилла осталась далеко за ее спиной, когда поднялась тревога: кто-то из стражников сдавленно крикнул, зовя на подмогу городских караульных. Затем раздался рев трубы. Сораса ухмыльнулась: его полностью заглушил звон колоколов, доносившийся из Ладони Майры – высокой башни, в которой правила богиня морей. Моряки зывали к ее милости, рыбаки просили у нее изобилия.

Сорасе же не нужно было ничего, кроме толпы и звона колоколов. Толпа множилась, а колокола гремели, создавая стену между ней и трупом, лежавшим в своей постели.

Толпа несла ее, словно морское течение. Большинство людей двигались вслед за облаченными в синие одежды жрецами Майры по главной улице Билскоса, делившей его пополам. Они доберутся до гавани совсем скоро – тем более в базарный день.

«В этом хаосе легко затеряться, – думала Сораса. – Все идет четко по плану».

Она двигалась вперед уверенным шагом, не обращая внимания на толпу и распространившуюся от нее вонь. Билскос был людным городом, но казался деревней по сравнению с айбалийскими Алмасадом и Калирамом, где Сораса провела большую часть из тех тридцати лет, что успела прожить в этом мире. Сейчас она скучала по каменным улочкам, залитым солнцем, и шумным рынкам, раскинувшимся так далеко, насколько хватало глаз; ей не доставало расписных шелков, бирюзового неба, нежного благоухания цветущих деревьев и ароматов пряностей, продававшихся на базарах. Сорасе хотелось снова увидеть великолепный храм Святой Лашрин и пройти по тенистому Пальмовому пути. Но все это меркло по сравнению с воспоминаниями о цитадели из песчаника, стоявшей на одной из прибрежных скал и обдуваемой соленым ветром. Ворота, которые в нее вели, были скрыты от непосвященных глаз. Именно там еще в детстве она нашла свое место; именно там был ее дом.

Она спиной почувствовала дуновение ветра за мгновение до того, как чья-то рука сжала ей мышцу между шеей и плечом. Пальцы впились в ее кожу, и она ощутила вспышку острой боли, распространившейся по всему ее телу.

Сораса пригнулась и вывернулась из хорошо знакомого ей захвата, который она сама освоила много лет назад. Обнажив зубы, она бросила злой взгляд на того, кто собирался на нее напасть.

Но нападения не последовало.

– Гарион, – прошипела она.

Окружавшая их толпа молельщиков начинала редеть.

Лицо мужчины скрывал капюшон – равно как и ее собственное, – но, чтобы его узнать, Сорасе было необязательно видеть его черты. Гарион превосходил ее ростом, а его кожа казалась белой даже в тени. Прядь грязно-коричневых волос падала на его темные глаза – точно так же, как в те времена, когда он был мальчишкой. Сораса отдавала предпочтение простой одежде землистых оттенков, не привлекавшей ненужных взглядов, Гарион же выбирал кричаще-яркие цвета. Алую тунику и мантию, расшитые серебром, было невозможно не заметить.

Мужчина холодно усмехнулся.

– Не знал, что ты промышляешь воровством, Сарн, – прошипел он на айбалийском. Хотя Гарион выучил этот язык еще в детстве, он не был ему родным и до сих звучал в его устах как нечто чужеродное.

Сораса отмахнулась от него. На пальцах Гариона виднелись черные татуировки, точно такие же, как у нее.

– Вероятно, твой моральный компас нуждается в починке, – отозвалась она. – Я увела убийство у тебя из-под носа. Насколько я понимаю, тебя заботит именно эта кража?

Гарион поджал губы.

– Веретено тебя побери, Сораса, – выругался он. – Существуют правила. Гильдейский контракт дается одному человеку, и лишь ему одному.

Эти постулаты проникли под ее кожу глубже, чем любая татуировка или шрам. Сорасе захотелось закатить глаза, но она уже давно научилась обуздывать эмоции и сохранять бесстрастное выражение лица.

Поэтому она развернулась на каблуках и стремительно зашагала прочь.

– Зависть тебе не к лицу.

Как она и думала, Гарион последовал за ней. Сорасе вспомнились иные времена. Но они миновали давным-давно, поэтому она сжала одну руку в кулак, а другую поднесла поближе к кинжалу, свисавшему с ее бедра. Если он выхватит оружие, она будет готова.

– Думаешь, я завидую? Это навряд ли, – процедил Гарион сквозь сжатые зубы.

Они догнали последователей культа Майры и теперь проворно пробирались сквозь толпу.

– Тебя нарекли и поставили на тебе метку. Сколько крови ты ни прольешь, все равно не сможешь изменить то, что было начертано.

Она вдруг ощутила неприятный зуд: это чесалась длинная вертикальная татуировка, которая появилась на ее ребрах меньше года назад. В отличие от прочих меток, которые должны были приносить удачу или служили напоминанием о победах, именно эту поставили на коже Сорасы против ее воли.

– Спасибо за информацию, которую я и так знаю, – произнесла она, бросив на Гариона взгляд, способный испепелить дотла. – Возвращайся в цитадель. Броди по своей клетке, пока тебе в руки не упадет новая легкая жертва. Но помни: ее я тоже у тебя украду.

Хотя ее лицо по-прежнему ничего не выражало, в душе Сораса хохотала. Она не станет сообщать ему, что уже знает о его следующем контракте, а также прекрасно представляет, как его опередить.

– Тебе бы лучше поостеречься, Сарн, – проговорил он, и она услышала в его подрагивающем голосе нотку сожаления. Он никогда не умел скрывать свои намерения. Таковы все мужчины. – Лорд Меркьюри...

Сораса шла вперед, чувствуя, как у нее загораются щеки. В Варде было всего несколько людей, которых она боялась. Лорд Меркьюри возглавлял этот чрезвычайно короткий список.

– Отправляйся домой, Гарион. – Ее голос звучал так резко, что, казалось, им можно проткнуть кожу насквозь. Сейчас ей хотелось лишь одного: отделаться от своего бывшего друга и союзника. По этому пути было легче идти в одиночку.

Он с раздражением провел рукой по голове, откидывая капюшон. На его бледном лбу выступили капли пота, а на щеке красовался свежий солнечный ожог. «Он так и остался северянином», – подумала Сораса. Несколько десятилетий, проведенных в пустыне, не смогли изменить цвет его кожи.

– Рассматривай это как предостережение, – мрачно произнес он, откидывая в сторону полу мантии. На его поясе сверкал кинжал – такой же, как у нее, с черной кожаной рукоятью и изношенным бронзовым лезвием. А еще там был меч – в непосредственной близости от его руки, – и это Сорасе страшно не понравилось. Она с грустью вспомнила о своем клинке, спрятанном в обшарпанной комнатухе.

«Отсюда до таверны полмили, – думала она. – А ты бегаешь быстрее, чем он».

Ее рука метнулась к кинжалу и сжала знакомую кожаную рукоять, казавшуюся продолжением ее собственного тела.

– Ты хочешь заняться этим прямо здесь? – Она наклонила голову в сторону толпы жрецов и молещиков. – Я знаю, что тебе все равно, но я бы предпочла, чтобы у нас не было зрителей.

Гарион перевел взгляд с ее лица на кинжал, оценивая и то и другое. Она внимательно считывала информацию, которую могло дать его тело. Он оставался таким же подтянутым, как она его помнила. Клинок на его бедре был тонким и легким, отлитым из хорошей стали. Гарион

не был глупым силачом, как некоторые из тех, с кем они тренировались. Нет, он умел сражаться элегантно. Такого убийцу хотелось выставить напоказ, устроив дуэль на улице, чтобы донести до людей определенное сообщение. У Сорасы был другой стиль: отблеск ножа в тени, яд на ободке стакана. Ее тело напряглось, пока она со скоростью молнии продумывала доступные ей варианты.

«Подколенная ямка. Перерезать мышцу, а след за ней – пока он будет падать – и горло. Убежать раньше, чем его тело рухнет в грязь».

Она знала, что Гарион читает ее таким же образом. Они вглядывались друг в друга еще несколько мгновений, словно две змеи, принявшие угрожающие позы и обнажившие ядовитые зубы.

Гарион моргнул первым. Он расслабил спину, демонстрируя ей пустые ладони. Напряжение, тучей застывшее над их головами, начало рассеиваться.

– Ты должна исчезнуть, Сарн, – произнес он.

Она приподняла подбородок, подставляя лицо жаркому солнцу. Капюшон сполз с ее головы, обнажив лицо. Яркий свет отразился в ее подведенных черным глазах, и они засверкали, словно расплавленная медь. «Тигриные глаза», – говорили люди, когда она была ребенком. Сораса кожей ощущала взгляд Гариона, словно касания пальцев. Она дала ему возможность рассмотреть следы, которые оставил на ее плоти этот долгий год. Похожие на синяки круги под глазами, заострившиеся скулы, изогнутая черная бровь. Волевая, крепко сжатая челюсть. Сораса с самого детства была хищницей, но сейчас ее сущность отражалась во внешности, как никогда.

Он сделал шаг назад. Сораса увидела, как дернулся его кадык.

– Немногим из нас дают возможность уйти прочь.

– Немногие из нас хотят воспользоваться этой возможностью, Гарион, – сказала она, приподнимая руку в знак прощания.

Толпа поглотила его целиком.

«Я никогда не выведу с одежды этот запах», – вяло думала она, оставляя за спиной провонявшую мочой таверну. Мешок с вещами болтался на ее боку; на правом бедре висел меч, а на левом – свернутый кнут, надежно скрытые старым дорожным плащом. Сегодня он источал странный запах: от него несло солью, скотом и садовыми фруктами, но больше всего – сырой рыбой. Сораса скучала по тем дням, когда она могла рассчитывать на маленькую, тихую и чистую комнату в цитадели, где ей составляли компанию прохладные каменные стены, высокое окно и многовековая тишина. Здесь все было иначе.

«Это к лучшему, – думала она. – Нет щита надежнее, чем разногласия».

Улицы были забиты моряками, купцами, попрошайками и путешественниками. В такой толпе не удавалось двигаться быстро. Топот копыт и громогласное мычание удваивали обычный хаос. В соседних странах начался сезон продажи скота, поэтому рыночные площадки вокруг порта были переделаны в загоны, в которых сейчас находились тысячи фыркающих, болтающих головами потных быков и коров, за которыми сюда съезжались покупатели из всех государств Долгого моря.

Она представила, как в богатом районе на холме охранники и дозорные до сих пор рыскают по улицам в поисках убийцы, проверяя каждого мужчину или мальчика, которые туда забредают.

Она улыбнулась и откинула капюшон, явив миру прическу из четырех переплетенных черных кос. По ее позвоночнику поползли мурашки – она не привыкла разгуливать по улицам, не пряча лица, – но все же она наслаждалась тем, как солнечные лучи ласкают ей кожу.

И тут, уже второй раз за день, кто-то схватил ее за плечо.

Она снова пригнулась и попыталась вывернуться, ожидая увидеть Гариона, придурковатого моряка или проницательного стражника. Но она не смогла вырваться из хватки мужчины:

не помогли ни отработанный прием, ни прицельный удар в живот. Его плоть казалась твердой как камень, и дело было не в доспехах или кольчуге. Нападавший возвышался над ней, превосходя ее ростом в два раза. Его осанка и движения выдавали умелого бойца.

Ты однозначно не Гарион.

Сораса отреагировала так, как ее учили. Ее правая рука метнулась к застёжке плаща, а левая – к поясному мешочку. Два стремительных движения – и плащ слетел с ее плеч, а под ногами начал клубиться едкий синий дым.

Закрыв глаза и задержав дыхание, она бросилась вниз по улице. Оставшийся позади нападавший отчаянно кашлял, сжимая в руке ее плащ.

Он выкрикнул что-то на незнакомом ей языке – а таковых было немного.

Ее сердце забилося быстрее, а к лицу прилила кровь. У нее было несколько козырей в рукаве: отточенные инстинкты и знание города, которое она приобрела за несколько дней, готовясь к выполнению контракта. Перед ее мысленным взглядом развернулась карта Билскоса, и она бросилась в переулок, отходивший в сторону от главного порта, а через несколько мгновений резко повернула на соседнюю шумную улицу. Сораса следила за своим дыханием, подстраивая его под ритм бега. Убедившись, что путь свободен, и оценив свою скорость, она рискнула обернуться назад.

На секунду ей показалось, что ее преследует вырвавшийся из загона бык.

Вслед за бегущим мужчиной вздымалось облако пыли и липкого синего дыма. Преследователь неслся за ней, размахивая руками; за его спиной, словно зная, развеивалась темно-зеленая мантия. Золотистые волосы незнакомца сверкали на солнце. Он явно не был ни дозорным, ни стражником. Даже издали она могла сказать это наверняка.

В списке людей, которых боялась Сораса, появилась еще одна строка.

Она неслась сквозь толпу; мужчины и женщины отпрыгивали в стороны, но она все же сбивала с ног нескольких человек. Ее правый кулак, столкнувшийся с животом незнакомца, пульсировал от боли. Сораса обернулась еще раз, и по ее позвоночнику пробежал холодок ужаса. Несмотря на фору и бешеную скорость, с которой она бежала, расстояние между ними сокращалось.

В ее голове зародилось подозрение. Впервые за все время, что она провела в Билскосе, по ее щеке скатилась капля пота.

«Рассматривай это как предостережение», – сказал Гарион. Это был первый раскат грома, предвестник бури.

А что, если ее преследователь был разящей молнией? Быть может, он гнался за ней, чтобы привести в исполнение последнее наказание, которое подготовил для нее лорд Меркьюри?

Этому не бывать.

Сораса снова развернулась и ловко юркнула в другой переулок, облюбованный менее уважаемыми торговцами, которые продавали украденные вещи вперемешку с ненужным хламом. Она уклонялась от преград, словно танцовщица, перепрыгивая через корзины с наполовину сгнившими фруктами, пробиваясь сквозь свисающие отрезки ткани и огибая торговавшихся мужчин и женщин. Рыночный хаос смыкался за ее спиной как ни в чем не бывало, не потревоженный ее стремительным, искусным бегом. Сораса надеялась, что если толпа и не замедлит ее преследователя, то хотя бы поможет ей скрыться от его глаз.

Ни того ни другого не произошло.

Он неслся напролом, сбивая прилавки. Несколько вознегодовавших женщин попытались отвесить ему по удару, но их кулаки лишь соскользнули с его широкой груди и плеч. К удивлению Сорасы, он только посмотрел на них и недоуменно моргнул. Однако его растерянность длилась недолго.

Скользнув взглядом по людному переулку, он заметил Сорасу и сверкнул зубами, решительно сжимая челюсть.

В ее крови забурился адреналин. Для Сорасы это было сладостное ощущение. Несмотря на страх, ее сердце запело в предвкушении. С тех пор, как она в последний раз билась по настоящему, прошел целый год.

Она залезла на груду ящиков и принялась перепрыгивать с прилавка на прилавок, балансируя на столбиках и досках и не обращая внимания на возмущенные крики торговцев. Ее рост давал ей преимущество, которым она искусно пользовалась.

Но мужчина тоже вскочил на ящики, словно зверь, преследовавший ее след в след.

– Вот дерьмо, – выругалась она.

Мужчина его комплекции просто не может скакать с такой легкостью.

Сораса снова подпрыгнула, неуверенно опустившись на столб, тут же закачавшийся под ее ногами. Продавец, стоявший внизу у лотка с подгнившими фруктами, что-то закричал и погрозил ей кулаком. Сораса пропустила его слова мимо ушей, проклиная лорда Меркьюри, который, видимо, решил обеспечить ей мучительную смерть.

Быстрым движением она натянула капюшон обратно на голову, прикрывая волосы. Теперь от преследователя ее отделял всего один прилавок. Правой ногой мужчина стоял на узкой планке, а левой упирался в стену. В других обстоятельствах он выглядел бы комично, но здесь и сейчас он внушал ей ужас. В его зеленых глазах сверкало неистовство. На этом расстоянии Сораса смогла разглядеть его короткую бородку, столь же золотистую, как и ниспадавшие на плечи кудри. Он выглядел на тридцать лет и ни днем старше.

Но половина его лица была покрыта шрамами, как будто чьи-то когти изорвали ее в клочья. «Но чьи?» – подумала она, чувствуя, как к горлу подступает дурнота.

Меч и кинжал висели на поясе Сорасы, требуя ее внимания, словно дети, дергавшие мать за рукав. Но она нащупала свернутый кнут, сделанный из телячьей кожи и ярости.

– Я хотел бы поговорить с вами, – проревел ее преследователь на верховном. В его устах всеобщий язык звучал натужно и чересчур формально. Сораса попыталась определить его акцент, но не смогла.

Ее сердце по-прежнему колотилось, в то время как мужчина не выказывал никаких признаков физической перегрузки. У него даже не растрепались волосы.

– Ты уже со мной говоришь, – ответила она, поджав под себя обе ступни и выравнивая баланс. Пальцы на ее ногах задергались от нетерпения. Кнут разжал свои кольца, словно ядовитая змея.

Внизу продавец фруктов продолжал кричать что-то на тирийском, но, помимо него, люди не обращали на них ни малейшего внимания. На переулках Билскоса хватало дураков. Еще двумя глупцами никого не удивить.

Мужчина не моргал, наблюдая за каждым сокращением ее мышц.

– Я бы предпочел, чтобы наша беседа состоялась в ином месте.

Она пожала плечами и стиснула в руке плетеную рукоять кнута, натянув петлю на запястье.

– Что ж, очень жаль.

Мужчина протянул ей ладонь, размером напоминавшую обеденную тарелку. Бледную кожу испещряли мозоли и шрамы от тренировок. Он заработал их в цитадели, хотя я ни разу его там не видела. Возможно, он любимчик Меркьюри, получавший от него частные уроки? Домашний дракон, которого можно натравить на любого, кто пойдет наперекор воле лорда?

– Я здесь не для того, чтобы причинить вам вред, – произнес он.

Из горла Сорасы вырвалось хриплое фырканье.

– Я такое уже слышала.

Он сжал пальцы в кулак.

– Но причину, если вы меня заставите.

Порыв ветра качнул полу его мантии, и Сораса увидела на его поясе тяжелый удлинённый меч. Этот мужчина был совсем не таким бойцом, как Гарион. Его ужасный клинок предназначался не для показательных выступлений.

Однако даже самому искусному мечнику Варда было бы не под силу обнажить это оружие в таком положении, в котором сейчас находился ее преследователь.

Сораса оскалила зубы в мрачной улыбке.

– Ну так вперед.

– Как скажете.

Несмотря на то, что Сораса несколько десятилетий провела в постоянных тренировках, оттачивая свое тело до остроты лезвия, пес лорда Меркьюри каким-то непостижимым образом оказался быстрее ее. Он был подобен шторму, превосходя ее по рефлексам, реакциям и инстинктам. Она могла лишь пытаться предвидеть и предугадать его действия, чтобы совершить выпад первой.

Сораса зацепила кнут за бельевую веревку и соскочила со столба – в то же мгновение, когда ноги мужчины оторвались от планки. Он прыгнул вперед, намереваясь схватить ее за талию. Но вместо того, чтобы лететь ему навстречу, Сораса развернулась в воздухе, используя кнут и собственную инерцию, чтобы оттолкнуться ногами от стены. Этой смены направления оказалось достаточно, и Сораса уклонилась от него на несколько дюймов. Мужчина опустил на столб, на котором только что стояла она.

Под его весом деревянный брус треснул и раскололся. Продавец издал пронзительный вопль, когда исполинский убийца проломил его прилавок насквозь, раздавив груды подпорченных апельсинов.

Сораса разрежала бельевую веревку и, сжав в руке кнут, полетела вниз. Она подогнула ноги, чтобы смягчить удар от падения, и уверенно приземлилась, сопровождаемая развевающейся на бельевой веревке одеждой. Схватив залатанный зеленовато-голубой плащ, она накинула его на плечи.

Когда Сораса обернулась, выглядывая из-под нового капюшона, то увидела возвышавшуюся над толпой златовласую фигуру. Мужчина пытался протиснуться между прохожими, но они не пропускали его, отталкивая назад. Продавец фруктов даже начал забрасывать его испорченными апельсинами, но он не обращал внимания, вглядываясь в переулок словно охотничий пес, пытавшийся взять след.

Сораса не предоставила ему шанса и свернула обратно на главную дорогу. Она шла спокойным, размеренным шагом, превратившись в еще одну прохожую, прогуливающуюся по улицам Биллоса.

Продажа скота шла полным ходом; желающие принять участие в торгах останавливались, чтобы наблюдать за происходящим, собираясь в пеструю толпу, которая состояла как из людей, так и из животных. Сораса поменяла украденный плащ на длинный заляпанный дублет и шляпу, найденные в телеге какого-то фермера. Эти предметы одежды надежно прятали ее лицо и оружие, пусть в них она и выглядела хуже крестьянки. «Не говоря уже о запахе», – подумала она, с отвращением изогнув губу.

Один из первых и самых полезных уроков, которые она выучила в Гильдии, не имел отношения к оружию. Речь шла не о клинках и не о яде. Не об искусстве переодевания и не об иностранных языках. Разумеется, все эти вещи она тоже освоила превосходно, ведь для ее профессии они были необходимы, как дождь и солнечный свет для пшеничного поля. Но самым главным навыком, неотъемлемым для выполнения любого контракта, было умение найти удобную возможность.

То, что Сораса застала короля купцов крепко спящим в своей кровати, в то время как охранники медленно прогуливались по дальней части сада, не было удачей. Она выбрала этот момент осознанно. Сейчас ей предстояло сделать то же самое. Она понимала, что убийцу, подо-

сланного лордом Меркьюри, будет не так-то просто сбить со следа. Он обнаружит ее буквально через пару минут, а быть может, он уже следовал за ней по пятам. Продвигаясь вперед, она не спешила выдыхать с облегчением. Она не расслаблялась и не теряла бдительности. Сораса Сарн была вовсе не глупа.

В следующее мгновение ее сердцебиение замедлилось, мышцы расслабились, а голова прояснилась.

Она увидела удобную возможность.

Улыбнувшись, она подошла к загону, в котором было заперто стадо черных быков. Их спины блестели от пота; животные стояли так плотно друг к другу, как бочки в трюме торговой галеры. Они с трудом могли двигаться – у них едва ли получалось хотя бы отогнать гнус. Их загон находился недалеко от аукционной арены, и они были готовы пробежать по ней несколько кругов, чтобы покупатели могли их рассмотреть. Сораса неторопливо прислонилась к воротам загона, выходящим на земляную площадь. Они закрывались на обыкновенный деревянный засов. Взглянув на него, она сняла шляпу, так что ее лицо мог увидеть любой прохожий.

Наживка насажена на крючок.

Она засунула руку в мешочек и, достав оттуда персик, жадно впиалась зубами в его перезрелую мякоть.

Отыскать его взглядом не составляло труда. Убийца возвышался практически над всеми людьми, составлявшими рыночную толпу. Он превосходил ростом даже Гариона – равно как и белизной кожи. Сораса предположила, что он родом с далекого севера – из Калидона или, может быть, Джида. Его белое лицо, массивная фигура и золотистые волосы навевали мысли о налетчиках, рожденных в вечных снегах.

Сосредоточившись на единственной цели, он бросился бежать. Расстояние между ними стремительно сокращалось.

Сполна насладившись вкусом персика, Сораса выкинула остатки, отперла засов и настежь распахнула ворота загона. Стоявший неподалеку мужчина схватил ее за плечо, но Сорасе ничего не стоило вырваться из-под его руки и одним ударом повалить его в грязь, выбив некоторое количество зубов.

В десяти футах от нее убийца округлил глаза.

Сораса щелкнула кнутом по ограде.

Стадо помчалось вперед, словно грозовая туча, в то время как их копыта и рога напоминали удары молнии. Они неслись все вперед и вперед, ударяясь огромными боками и плечами о забор и грозя его сломать. Они хлынули в сторону убийцы, словно черная приливная волна, поднимаясь на дыбы и пуская пену изо рта с каждым ударом кнута. «Вот она, удобная возможность», – думала Сораса, весьма довольная собой.

Она ожидала, что он попытается убежать. Или отскочить в сторону. Или что его просто-напросто растопчет сотня грохочущих копыт, раздробив его кости на куски.

Однако убийца лишь крепче уперся ногами в землю и вытянул руки. Зрелище было поистине смехотворным, но Сораса, помимо своей воли, затаила дыхание.

Он схватил за рога первого быка, и костяшки его пальцев побелели от напряжения, а сапоги глубже погрузились в грязь. Взревев от напряжения, он откинул зверя прочь. Тело быка распростерлось на земле; его голова безвольно повисла на переломанной шее. Ошеломленная Сораса наблюдала, как остальные быки оббегают его с двух сторон, словно волна, расступающаяся перед скалой. Он крепко держался на ногах и не испытывал ни малейшего страха. Все это время он не сводил с Сорасы взгляда, в котором горело зеленое пламя.

«Древний!» – завопило ее сознание.

Бессмертный.

Она бросилась бежать так, как никогда раньше. Она петляла по переулкам, перепрыгивала через крыши и протискивалась между стен, куда не проникали даже солнечные лучи.

Плащи всевозможных цветов спадали с ее плеч один за другим. Она делала все, чтобы сбить его с толку, замедлить его бег, вырвать из его хватки хотя бы еще одно мгновение.

Она кружила по городу, пытаясь подобраться к гавани, но он преследовал ее, не давая приблизиться к нужному кораблю – да и вообще, к любому кораблю. В ее мешочке почти ничего не осталось, и теперь по улицам Билскоса стелился синий, белый и зеленый дым. Воспользоваться черным Сораса не рискнула.

Несгибаемые. Непобедимые. В ее памяти всплыли немногочисленные знания о Древних, которые она получила давным-давно на одном из уроков. Невероятные существа, рожденные в утраченном мире.

Ее тело горело от напряжения. Она ломала ногти, цепляясь за кирпич и дерево; из ее пальцев торчали занозы. Она почти не чувствовала боли: какие-то ощущения она перестала испытывать еще во время обучения, остальное поглощали адреналин и страх. Она карабкалась и прыгала, падала и крутилась. За ее спиной оставались обломки винных бочонков и телег, перевозивших фрукты. Жрецы осыпали ее проклятиями, когда она пробивалась сквозь их ряды. Она даже подумывала вернуться к дому убитого купца: стражники и дозорные могли послужить неплохим щитом между ней и бессмертным чудовищем.

Ни один человек, состоявший в Гильдии, ни разу не убивал бессмертного. Среди них не было глупцов, которые бы рискнули на это пойти. Мало кому приходилось хотя бы раз увидеть Древнего своими глазами. Как лорду Меркьюри удалось затащить одного из них себе на службу?

Она пыталась извлечь из памяти хоть что-нибудь, что могло бы ей сейчас пригодиться, вспоминая слухи, которые ей доводилось слышать о Древних, об их сильных и слабых сторонах. Преподаватели и преподавательницы, обучавшие их в Гильдии, уделяли мало внимания легендам и существам из утраченных миров. Ни один убийца ни разу не охотился на дракона. Они предпочитали не связываться с бессмертными привидениями, сохранившимися на просторах Варда.

«До тех пор, пока Меркьюри не подослал одного из них, чтобы меня убить», – мысленно усмехнулась Сораса.

Она превосходила Древнего по скорости; она была меньше и хорошо знала город. Но все это дало ей преимущество лишь в пару минут.

И эти минуты быстро истекали.

Наконец он догнал ее, неудержимый, словно горный обвал. Она успела обнажить меч раньше и тут же ударила им наотмашь. Когда она замахнулась в следующий раз, ее клинок ударился о его удлиненный меч.

Она с тоской подумала о Гарионе. Будь он сейчас рядом, она могла бы вытолкнуть его вперед, навстречу опасности.

Но я одна. Я сама избрала этот путь.

Он стоял недвижно, как скала, скрестив с ней мечи. Ее клинок упирался во вражеское лезвие почти у самой рукояти. Только так она и могла его удержать, ощущая, как руки и ноги стонут от напряжения. Она понимала, что у нее нет шансов победить его силой, поэтому даже не стала пытаться. Когда он открыл рот, чтобы заговорить, она плюнула ему в лицо.

– Треклятые Веретена! – выругался он, в отвращении попятившись. Ему хватило брезгливости и глупости, чтобы стереть слюну с лица.

Она ударила ногой по земле так, чтобы в глаза Древнего полетело облачко пыли, и, обвившись вокруг его тела, заползла ему на спину. В следующее мгновение она занесла кинжал и приготовилась ударить его в то место, где шея переходила в плечо. Так она смогла бы рассечь и мышцу, и вену. Нужно убить его, причем быстро. Второй рукой она обхватила его шею и сдавила ее изо всех сил. Сораса не могла сказать, скольких людей она задушила точно таким же образом. Она давно уже сбилась со счета.

К своей радости, она ощутила, как Древний хватает воздух ртом. Дышать нужно даже бессмертным.

Она нанесла удар, но мужчина дернулся, помешав ей попасть точно в цель. Кровь забила фонтаном, растекаясь по его плечу, но этого было недостаточно.

Он схватил ее за воротник и без труда сбросил со своей спины. Падая, она врезалась в стену и до крови ободрала лицо о кирпич. На соседних улицах эхом раздавались свистки дозорных и рев трубы. Они успели наделать много шума – от убийства до выпущенного на волю стада быков.

– Ну и натворили мы с тобой дел, – выдохнула Сораса, устало вглядываясь в другой конец улицы. Все ее тело выло от боли.

Ее голос отразился от стен переулка. Древний усмехнулся и взглянул на кровь, заливавшую его плечо.

– Вот же глупости, – проговорил он, сжав зубы. В его рту тоже была кровь.

Ощувив прилив гордости, Сораса шумно втянула в себя воздух.

– Обещаю, что не причиню вам вреда. – Древний снова протянул ей руку. – Пойдем, смертная.

Для Сорасы Сарн смерть была желанным другом. Они с богиней Лашрин провели много лет рука об руку. Одна следовала за другой, как ночь за сумерками. Но никогда раньше Сораса не ощущала ее дыхание настолько близко.

Перед ее глазами возник лорд Меркьюри, бледный и жуткий, с острыми зубами и отрешенным взглядом. Это было так на него похоже: подобрать для нее такую смерть, которую она не сможет ни обогнать, ни перехитрить.

Хорошо, что Сораса не верила в неизбежность. Она верила лишь в удобные возможности, а их можно было найти всегда.

– Пойдем, смертная, – повторил Древний. Его пальцы дернулись.

– Нет, – отрезала она и рассмеялась, убегая от него в последний раз.

Ее меч остался лежать в грязи.

Она с размаху опустилась на стул и, закинув ногу на столик, принялась нервно притоптывать по полу второй ногой. «Я выгляжу как пугало», – подумала она, заметив сомнение на лице разносчицы. Сораса была с ног до головы покрыта грязью и кровью; одна из ее кос расплелась и черной волной рассыпалась по плечу. Царапина на губе кровоточила, и Сораса слизнула красные капельки. Растянув губы в пугающей улыбке, она подняла два пальца, и девица поспешила за выпивкой.

Сораса была не единственным посетителем портовой таверны, казавшимся весьма потрепанным жизнью. Она заметила нескольких мужчин в синяках и ссадинах, которым, по всей видимости, не повезло столкнуться с ее быками. За остальными столиками сидели моряки, напившиеся эля до полусмерти. Среди них она разглядела нескольких помятых айбалийцев в темно-синей шелковой форме Штормовой флотилии. Они тоже ее увидели и взмахнули пальцами, приветствуя соотечественницу.

Она не ответила им тем же.

Разносчица поставила перед ней две оловянные кружки за мгновение до того, как дверь отворилась, впустив свет в темный обеденный зал. Моряки принялись морщиться и материться, но бессмертный не обратил на них никакого внимания. На секунду он застыл в ореоле света, отбрасывая на Сорасу свою тень.

Она не шевельнулась, пока он проходил по залу и усаживался на стул.

Не говоря ни слова, Сораса толкнула кружку на другую сторону шербогatego стола. Древний изумленно уставился на плескавшейся в ней эль, но все же поднес ее к губам и сделал глоток. Его жесты казались неестественными и напыщенными.

Сораса молчала, глядя на него ничего не выражающим взглядом. В ее ушах гремел пульс.

Древний снова опустил взгляд на кружку, вглядываясь в ее золотистое содержимое. На его лбу пролегла морщина. Затем он снова поднес кружку к губам и осушил ее до дна. В сердце Сорасы вспыхнуло торжество; однако оно погасло, как только немигающие глаза бессмертного уставились на нее. Его зрачки расширились в тусклом свете, поглощая зеленую радужку.

– Вы не знали, что на видэров не действует большинство разновидностей яда? – медленно произнес он.

На видэров. Она спрятала незнакомое слово в глубинах своей памяти и выдохнула последнюю надежду.

– Что ж, значит, я зря потратила мышьяк.

Какая-то часть Сорасы по-прежнему призывала ее схватиться за кинжал или плеть, рассыпать последние порошки, оставшиеся в мешочке. Еще один яд, еще один удар, еще одна возможность. Ее ум до сих пор хватался за любые соломинки, которые могли бы ее спасти. Сорасе казалось, что под ее ногами разверзлась пропасть.

Я должна выбрать: прыжок или падение.

Тело Сорасы нещадно ломило. Она сделала большой глоток дрянного эля, жалея, что это не айбарийский ликер. Она бы предпочла умереть с домашним, горько-сладким привкусом на губах. «Ведь мне предстоит умереть здесь и сейчас, от его руки и от руки Меркьюри», – едва ли не с облегчением призналась она себе.

Древний изучал ее лицо и татуировки, видневшиеся на шее. Сораса не возражала. В отличие от нее он вряд ли знал, какое значение и ценность каждая из них имела для Гильдии.

– За сегодня вы попытались убить меня три раза, – пробормотал он, как будто это его удивляло.

Она сделала еще один глоток.

– Я бы засчитала все три за одну долгую попытку.

– В таком случае вы троекратно подошли к успеху вплотную.

– Троекратно, – язвительно повторила она, подражая его интонации. Такое ощущение, что мы сидим в королевском дворце, а не в поганой таверне. – Итак, Древний, что теперь? Как ты это сделаешь?

Он моргнул, переваривая ее слова, хотя они были предельно просты. В этот момент он напомнил ей ребенка из Гильдии, сидящего на уроке, который он не мог понять, как ни старался. Он сжал зубы и откинулся на спинку стула. Сораса не удивилась бы, если бы стул сломался под его весом. А потом он медленно положил на стол обе руки ладонями вверх в знак того, что он не желает ей зла. «Он ведет себя так, словно я испуганное животное», – с яростью подумала она.

– Я уже говорил, что не намерен причинять вам вред.

Он потянулся к поясу и откинул мантию. Сораса приготовилась услышать песнь меча, покидающего ножны. Но Древний достал другой, хорошо знакомый ей клинок.

Ее собственный.

Меч был тонким и хорошо сбалансированным – обоюдоострая стальная лента с кованой бронзовой рукоятью. Выкованный в оружейной цитадели, он был дитем Гильдии – так же, как и она сама. На нем не виднелось ни эмблемы, ни символов, ни драгоценностей, ни выгравированных слов. Едва ли кто-нибудь мог бы назвать его сокровищем. Но он служил Сорасе верой и правдой.

Она взяла его уверенным движением, не отводя взгляда от Древнего, сидевшего напротив нее.

– Меня мало беспокоит ваше благополучие. Послужит ли это вам во зло или во благо, мне неизвестно.

Теперь, когда ее меч снова был при ней, Сорасу охватила удивительная легкость.

– Ты говоришь это всем смертным девчонкам или мне одной?

По его лицу пробежала сумрачная тень.

– Я редко разговариваю со смертными, – выдавил он.

– Это заметно.

Разносчица поставила перед ними еще по кружке эля, едва его не расплескав. Она глазела то на убийцу, то на бессмертного, напоминая овечку, окруженную волками. Сораса отмахнулась от нее серебряным пенни.

Увидев монету, Древний вздрогнул и извлек из мантии свой собственный кошель. Сораса замерла, тут же забыв об эле и смерти. Хотя кошель был небольшим, он едва ли не лопался от золота, весело подмигивавшего ей из своего кожаного ложа. Монеты мерцали даже в тусклом свете таверны.

– Мне нужна информация, и я готов за нее заплатить, – резко произнес Древний, доставая кусочек кованого золота. Идеально круглая монета была украшена изображением оленя. Сораса знала, что она не является валютой ни одного королевства, но это не имело значения: золото оставалось золотом.

– Этого будет достаточно?

К своему изумлению, Сораса услышала в голосе Древнего сомнение. Внезапно ее осенило, и она едва сдержалась, чтобы не рассмеяться вслух. Он понятия не имеет, что делает. Он не работает ни на лорда Меркьюри, ни на кого-либо еще. Пусть он силен, он не убийца. Треклятые Веретена, этому тупице просто повезло, что его не успел одурачить какой-нибудь уличный попрошайка.

В ее крови запело предчувствие удачной возможности, более родное, чем любая мать, которая у нее когда-либо была. Словно зеркало, Сораса отразила позу Древнего, положив локти на стол и слегка склонившись вперед. Потом она взяла монету в пальцы.

– Как я могу назначить цену, если не знаю, о чем ты меня просишь? – спросила она. Золото грубо обработано, но добыто из чистейшей руды. Качественной, ярко-желтое. Такое редко где встретишь.

Древний ответил не задумываясь.

– Я разыскиваю смертных, в чьих жилах течет кровь Древнего Кора, потомков старинной империи. Насколько мне известно, амхара знают о них либо могут их отыскать.

Не снимая с лица маску безразличия, она принялась отсчитывать монеты, вытягивая их из кошель на стол – одна, две, три. Древний наблюдал за ней, но не останавливал. Они даже не пытались спрятать деньги от чужих глаз. В таверне – а может быть, и во всем городе – не было существ, опаснее их.

Амхара. У Сорасы свело горло, но ее лицо по-прежнему ничего не выражало. Она прикусила монету, оценивая качество золота. Бессмертный брезгливо сморщил нос.

– Сыновья и дочери Древнего Кора малочисленны и разбросаны по всему Варду, – сказала она, не отнимая монеты ото рта. – Даже амхаре тяжело разыскать их след.

– Мне нужен определенный смертный.

Сораса вытянула из кошель еще три монеты.

– Это ребенок.

Еще монета.

– Незаконнорожденный ребенок принца Кортаэля и неизвестной женщины.

И еще одна.

– На памяти ныне живущих не существовало королевства, принцем которого он мог бы быть, – ответила она.

Это имя было ей известно. Очередной смертный, происходивший от Веретен, из древней империи и забытого мира. Принц лишь на словах, и то для очень немногих. Однако в Гильдию

приходили контракты на его убийство. Ни один из них не был выполнен. Она еще раз окинула Древнего воина взглядом. И теперь я понимаю почему.

Она усмехнулась и сложила монеты в аккуратную стопку.

– По крайней мере, на памяти ныне живущих смертных.

Древний вспыхнул от гнева, что, кажется, было для него нехарактерно.

– Меня не заботит то, что вы ничего не знаете о былых эпохах. Вы можете оказать мне помощь или нет?

В этот раз она погрузила в кошель всю руку, вытащив из него горсть монет.

Древний сердито нахмурился.

«Он беспокоится не о золоте, – думала она, наблюдая за его лицом. – Его гнев питает что-то иное».

– Отец этого ребенка погиб, – проговорил он сквозь сжатые зубы. Его голос звучал сдавленно и глухо.

«А, вот оно что, – подумала она. – Он скорбит по павшему принцу».

– С его стороны неприятностей не будет, – закончил он.

– Волноваться нужно не о ее отце, – пробормотала она. – А о контрабандистке.

– Значит, это девочка, – выдохнул Древний.

Он узнал от нее всего лишь малозначительный факт, но по его виду можно было подумать, что он добился невероятного успеха. Он потянулся за кошельком.

– Что ж, убийца. Вы уже взяли себе более чем достойную оплату.

– Тебе-то откуда знать, – фыркнула она. – Я могу найти для тебя девочку. И я готова назвать цену за свои услуги.

– Хорошо, – сказал он с нетерпеливой, полной отчаяния улыбкой.

Древние не так уж сильно отличались от смертных. Сораса без труда считывала эмоции с его лица. Несмотря на то, что он прожил не одно столетие, его улыбка была невинна, как у ребенка. Она вводила Сорасу в отчаяние.

По крайней мере, он будет ей полезен.

Улыбка схлынула с его лица, когда она назвала цену.

Но все же он согласился.

Глава 6. Наследие крови

– Корэйн –

Невероятная история Древнего и убийцы обрушилась на нее, как волна.

Пока бессмертный говорил, Корэйн мысленно разбивала его рассказ на совокупность фактов, как всегда поступала со своими списками и подсчетами. Она хотела взвесить его слова бесстрастно, отбросив в сторону смесь страха и восторга, которую вызывали в ней упоминания поселений Древних, далеких городов, невероятных деяний и магии Веретен. Только так эта информация могла улечься в ее голове.

Наконец она сформулировала для себя выводы, каждый из которых звучал абсурднее предыдущего.

Отец, которого я никогда не знала, погиб. Открылся портал в другой мир. Вард в страшной опасности. А эти двое безумцев почему-то считают, что я способна как-то это исправить.

Половину ее существа охватил страх. Вторая половина расхохоталась.

Корэйн окинула взглядом эту странную парочку, по-прежнему храня молчание. Домакриан все еще стоял на коленях, склонив золотовласую голову, а Сораса расхаживала туда-сюда, перекрывая путь обратно к порту. Корэйн пожалела, что не пошла домой в сопровождении Кастио. А еще лучше – своей матери. Она бы не стала выслушивать подобную ерунду ни из чьих уст. Пусть даже ее рассказывал нестареющий и загадочный Древний принц или убийца, одна из таинственных амхара, славившихся своим невероятным мастерством.

Но Кастио здесь нет. И матери тоже. Есть только я.

Ее сердце бешено колотилось, но она старалась не выдавать волнения ни движениями, ни выражением лица.

– Мы с Сорасой обсудили условия, – проговорил Домакриан, заканчивая свою историю. Он поднял голову и взглянул на Корэйн с таким отчаянием, что у нее начала зудеть кожа. – И она привела меня сюда, в Лемарту. К *вам* – единственному человеку, который способен нам помочь и спасти весь мир.

Корэйн растерянно моргала, глядя на каждого из них по очереди. Бессмертный и убийца моргали, смотря на нее.

– Приятного вам вечера и хорошего пути назад, – с подчеркнутой вежливостью произнесла она.

Ее пальцы дрожали, пока она разворачивалась на каблуках и сходила с дороги на тропу, которая вела к белому домику.

Но Древний уже поднялся на ноги и следовал за Корэйн по заросшей травой тропинке. Он не произнес ни слова, пока не поравнялся с ней на крыльце.

Она бросила на него недовольный, упрямый взгляд, пряча за гневом тревогу. Лучше проявить злость, чем страх или сомнение.

Месяц, сиявший над холмами, освещал изуродованную половину его лица так, что она бросалась в глаза.

Видимо, Древний ощутил этот свет кожей и тут же повернул голову, скрывая шрамы.

– Возможно, вы не поняли...

– Пусть я смертная, это не значит, что я глупа, – произнесла она стальным голосом.

– Я не называл вас глупой, – выпалил он.

Она нащупала засов на двери и с усилием его отодвинула.

– Какой бы дурацкий вопрос вы мне ни задали, мой ответ – нет.

Древний схватился за засов двумя пальцами и, нисколько не напрягаясь, снова его запер. Сияние месяца осветило его глаза, как до этого – шрамы.

– Вард падет, если вы не спасете его.

Нотки, звучавшие в его голосе, были знакомы Корэйн. Она неоднократно слышала их в Лемарте. Так разговаривали разорившиеся купцы, которые пытались продать подороже скудные остатки товаров. Подобным тоном бездомный пьяница выпрашивал в трактире еще одну кружку эля, а мечтавший попытать счастья за горизонтом мальчик умолял капитана взять его на борт. В этих интонациях звенела необходимость, а вовсе не желание. Голод, подгоняемый страхом.

– Вард падет, – прошептала она, не снимая руку с засова, – по вине человека с волшебным мечом и злодея из детской сказки? «Того, Кто Ждет?»

Корэйн покачала головой и хрипло рассмеялась.

– Вам стоит вернуться в Лемарту и отыскать там глупца, который верит в подобные рассказы.

Убийца, по-прежнему стоявшая на дороге, рассмеялась.

– Если честно, я ему тоже не особенно-то верю.

Оскалив зубы, Дом бросил через плечо сердитый взгляд.

– Я и не рассчитывал, что смертные поверят мне, хотя для нас, видэров, это – неоспоримая истина. Древнее зло, о котором идет речь, появилось слишком давно, чтобы вы могли осознать его опасность. Расколотый Король поглотит этот мир, если мы предоставим ему такую возможность. Ожидание Того, Кто Ждет окончено.

Он прижал к груди широкую белую ладонь. На его пальце сияло изящное серебряное кольцо.

– Я готов поклясться Айоной, миледи.

Корэйн сжала рукой засов, но не стала снова пытаться его открыть. Что-то в этой истории затронуло струны ее души; что-то волновало ее, не давая пошевелиться.

– Я не леди, – отрывисто проговорила она.

К ее смятению, изумрудные глаза Дома наполнились печалью. Древний смотрел на нее со смесью жалости и сожаления. Корэйн захотелось отвесить ему пощечину, чтобы выбить из его взгляда и то и другое.

– Я не знаю, что рассказывала вам мать, юная дама, – неуверенно начал он. От упоминания матери в крови Корэйн закипела ярость. – Но вы и в самом деле леди. Ваш отец был...

Ее глаза заволокла красная пелена, и она выпустила из ладони гладкий металлический засов. Словно со стороны, она наблюдала за тем, как поднимает руку с вытянутым указательным пальцем и принимается грубо тыкать им в каменную грудь Древнего. Тот ошарашенно округлил глаза, будто новорожденный котенок.

– Мне прекрасно известно, кем был мой отец, – крикнула она, перестав беспокоиться за себя и забыв о вежливости. – Он был Кортаэлем, сыном Древнего Кора, наследником старинного рода. Его предки – дети Веретен, пришедшие из ныне утраченного мира. В его жилах текла Веретенная кровь, кровь Древнего Кора – так же, как она течет и в моих!

Веретенная кровь. Дети Веретен. Никогда раньше Корэйн не произносила этих слов вслух. Она лишь слышала их от матери, лишь ощущала их в своих костях, в своем сердце и в глухой тоске по несбыточному, которая жила внутри нее. И вот теперь с ее губ сорвались имя отца и его происхождение. Она сказала, кем являлся он и кем это делало ее. Корэйн казалось, что она совершила нечто плохое; предала себя, а особенно – мать. Ту, которая была единственным близким ей человеком, имевшим право влиять на ее будущее. Но все это – часть меня, хочу я того или нет. У нее перехватило дыхание, а щеки запылали, несмотря на ночную прохладу.

– Только все это не делает меня ни его дочерью, ни леди, – яростно закончила она.

Ни принцессой, ни волшебной королевой и никакой другой героиней из легенд, в которые верят лишь дети и глупцы.

– Я не думал, что вы так много о нем знаете.

Печаль во взгляде Дома была сопоставима разве что с его растущим отчаянием. Корэйн захотелось выбить из него и эти эмоции тоже. У нее не было никакого желания наблюдать их в глазах незнакомца, стоявшего на ее пороге.

«Мать рассказала мне, как только я начала осознавать мир. По крайней мере, ей хватило благородства не лгать мне о нем», – подумала она. Все это было правдой.

– У меня нет ни иллюзий, ни ложных надежд, а ваш друг представлял собой и то и другое, – произнесла она. Это тоже было горькой истиной, о которой она не забывала ни на один день. – Что ж, отдавайте мне золото и уходите прочь.

Дом нахмурил лоб.

– Золото? – Он снова обернулся к Сорасе, на этот раз в растерянности. – Вы, смертные, постоянно просите денег.

Женщина хрипло фыркнула.

– Мы, смертные, живем в реальном мире.

Сораса стояла на том же месте, не спеша преодолевать разделявшее их расстояние в несколько ярдов.

– Очевидно, что принц снабжал свою незаконнорожденную дочь деньгами, – медленно пояснила она.

Древний одновременно покраснел и нахмурился.

– Мне нечего дать вам, миледи.

Корэйн лишь пожала плечами.

Она уже собиралась снова отпереть засов, но вздрогнула и замерла, когда убийца прищурила подведенные сурьмой глаза. Сораса обернулась на Лемарту. Городские огни отражались в воде золотыми пятнами, очерчивая темные силуэты стоявших на якоре кораблей. «Бурерожденная» выделялась на фоне рыбацких суденышек, словно морское чудовище.

– Неудивительно, что на просторах Долгого моря не найти корабля лучше, чем у капитана ан-Амарат, – задумчиво произнесла убийца. – Удерживаться на плаву ей помогало золото Древнего Кора.

Страх снова оплел Корэйн своими щупальцами.

– Вы знакомы с моей матерью?

– Я о ней слышана, – ответила Сораса. – У нее ужасающая репутация.

– Я могу отвести вас к ней. Вас обоих, – выпалила Корэйн, одновременно предлагая и угрожая. – Она знала вашего принца лучше, чем я. По крайней мере, она видела его своими глазами. В отличие от меня, она сможет вам помочь.

Поможет уплыть отсюда и никогда больше не возвращаться.

Дом покачал головой.

– Нам нужны именно вы.

– «Нам»? – пробормотала Сораса себе под нос.

Древний пропустил ее вопрос мимо ушей.

– Это наследие вашей крови, Корэйн, независимо от того, известно вам о нем или нет, – проговорил он.

«Возможно, он умелый воин, но вот сообразительностью похвастаться не может», – раздраженно подумала Корэйн.

– Мне не интересны ни вы, ни ваши искания, ни поражение моего отца, – прошипела она. – Я не желаю иметь со всем этим ничего общего.

В этот раз Дом ничего не ответил, и все трое погрузились в тишину, нарушаемую лишь плеском прибрежных волн и шумом ветра в холмах. Дом опустил взгляд к земле. Его ясные глаза заволокла влага – или, может быть, это была лишь игра лунного света.

Несмотря на свое негодование, Корэйн растрогалась. От Дома исходили волны скорби, настолько явные, что она едва ли не ощущала их на вкус.

– Соболезную вашей утрате, – мягко добавила она и нехотя дотронулась до его руки.

Окончательно потеряв самообладание, он начал оседать под ее прикосновением. «Умеют ли бессмертные скорбеть?» – подумала Корэйн и еще раз взглянула на его громадную фигуру. Дом склонил голову; его поза была полна боли и отчаяния. Мне кажется, что нет.

– Мне очень жаль, – повторила она, переводя взгляд в сторону Сорасы.

Женщина, смотревшая на дорогу непроницаемым взглядом, лишь отмахнулась от ее слов.

– Вся эта драма меня не касается.

Когда Корэйн снова потянулась к засову, Дом ее не остановил. Дверь распахнулась, и из проема хлынула темнота. Девушка сделала шаг вперед; Древний следил за ней с задумчивой решимостью.

– Вы говорите, что не желаете иметь ничего общего ни с нами, ни со своим отцом, – тихо и хрипло произнес он. – Только не делайте вид, что вы хотите и дальше вести такую жизнь.

Помимо своей воли Корэйн застыла на пороге. Она смотрела вперед, во тьму знакомого старого дома, но краем глаза видела, как Древний накидывает на голову капюшон, скрывая в его тени покрытое шрамами лицо и изумрудный взгляд.

– В ваших жилах течет кровь Веретен, далеких миров и утерянных звезд. Вы хотите дотянуться до горизонта, Корэйн из Древнего Кора. Это желание сидит глубоко в ваших костях, – проговорил он, зашагав по тропинке в сторону убийцы, дожидавшейся его на дороге. – Только вот она никогда не позволит вам это сделать.

Корэйн прерывисто вздохнула. Дюжина язвительных ответов была готова сорваться с ее губ, но все они потеряли смысл перед лицом суровой правды.

– Ваш отец был таким же, как и вы.

«Тебе не хватит характера».

Эти четыре слова накрыли Корэйн, словно волна, стремившаяся затянуть ее в морскую глубь.

Но Корэйн не собиралась идти ко дну. Ни на мгновение дольше она не останется в этой клетке. Она была птицей, рожденной для полета, а не для того, чтобы гнить на прибрежных скалах в компании одного лишь ветра.

Всего лишь на мгновение она оглянулась через плечо. Дом тоже обернулся, и их взгляды встретились. Лицо Древнего озаряла несмелая, болезненная надежда. Корэйн ощущала нечто похожее – надежду, которую, казалось бы, убил отказ капитана ан-Амарат. Теперь она распустилась вновь. Дикая и колючая, она кровоточила по краям, но упрямо цеплялась за жизнь.

– Дайте мне три дня, – выпалила Корэйн, захлопывая дверь.

Наступил третий день.

Корэйн занималась делами, с непроницаемым лицом согнувшись над кухонным столом. Под ее глазами залегли глубокие тени – свидетельство еще одной беспокойной ночи. Она допоздна занималась приготовлениями к новому плаванью «Бурерожденной», а потом крутилась в кровати, терзаемая снами, которые под утро едва ли могла вспомнить.

Она застыла, вглядываясь в измятую, испещренную подписями карту Варда, которую она прижала к столу своей тетрадью и компасом. Долгое море рассекало мир пополам, петляющей синей лентой протянувшись между северным и южным континентами. На западе оно переходило

дило в Полуночный океан, а на юго-востоке – в Рассветный. Ночь и заря служили пределами известного им мира.

Она провела запачканным чернилами пальцем по Вардийским горам, которые, подобно грозному войску, отделяли зеленые поля Галланда от северных земель и бескрайних степей. Ее взгляд остановился на гряде холмов неподалеку от Зеленого Льва – реки, помеченной на карте тонкой линией. Хотя рядом с ней не было других символов, она знала, разумеется, с *чужих* слов, – что там стоит заброшенный храм. Распахнутый храм, в котором горит распахнутое Веретено. Разве в такое возможно поверить? Она прижала палец к той точке, где погиб ее отец.

Возможно, в этой точке начал разрушаться весь мир.

Только вот я в это не верю.

Мелиза проснулась и чем-то загрохотала в своей спальне. Вскоре она показалась в центральной комнате, покачиваясь на привыкших к морю ногах и врезаясь в мебель. Затем она принялась бесцельно ходить по кухне: заглянула в несколько шкафчиков, поправила шторы, сунула нос в медный горшок, стоявший на огне.

«Словно ребенок, требующий к себе внимания», – подумала Корэйн.

Не собираясь идти на поводу у Мелизы, она продолжила перепроверять бумаги.

– Кастио опаздывает, – коротко произнесла ее мать, снимая горшок с очага. В нем плескалась горячая вода, в которой плавали дольки лимона. Мелиза налила настой в чашку, а затем добавила щепотку ярко-оранжевого порошка. Это был тертый корень раширского растения, редкий товар, ценившийся на вес золота.

Видимо, вчера она превзошла саму себя, раз сегодня ей приходится обращаться к такому лекарству.

Корэйн бросила взгляд на чашку, которую стремительно осушала ее мать.

– У него есть еще несколько минут, – ответила она и выглянула в окно. У стены их дома приютилась крошечная хижина, уже больше десяти лет служившая Кастио жилищем.

– Держись к нему поближе, пока меня не будет.

Мелиза допила отвар.

– В последнее время даже здесь, в Лемарте, на дорогах стало опасно, – продолжила она, причмокнув губами. – Джидийские баркасы исчезают, словно их никогда и не было, а в Сапфировом заливе бушуют штормы. – Она покачала головой. – Мир словно выворачивается наизнанку.

Даже в нашем забытом богами краю. До Корэйн долетали слухи о странных происшествиях по всему миру; какие-то из них вредили торговле, другие шли ей на пользу. Простые совпадения – или начало катастрофы?

– Все готово, – хрипло произнесла Корэйн, убирая бумаги.

Три дня непрерывной работы и огромная груда монет не были потрачены впустую. На «Бурерожденную» погрузили бочки с пресной водой и запасы провизии, которых должно было хватить на долгий путь до Рашира. Корэйн добыла разрешение, необходимое для того, чтобы инспекторы айбалийского патруля позволили кораблю пересечь Пролив. Она разослала письма союзникам Адской Мэл по всем прибрежным странам и посулила золото тем, кто мог стать преградой на ее пути. Приготовления были завершены.

Оставалось лишь одно-единственное дело.

– Возьми меня с собой, – выпалила Корэйн, цепляясь за последнюю надежду.

«Если не возьмешь, то потеряешь меня навсегда, – хотелось сказать ей. – Ведь тогда я стану на полный неизвестности путь, который развернулся передо мной».

У Мелизы ан-Амарат были медово-карие глаза с прожилками цвета янтаря и бронзы. Чаще всего в них сияло летнее тепло. Однако сейчас они напоминали стылую воду, припорошенную снегом, в которой царили холод и тьма.

Когда она заговорила, в ее голосе звучала ледяная сталь.

– Этому не бывать.

Дорога стелилась вперед, к Лемарте. Разгорался рассвет, окрашивая воды Долгого моря в оттенки розового и золотого. Мелиза ушла вперед, оставив Кастию и Корэйн шагать за своей спиной. Старик зевал, пытаясь избавиться от липких клочьев сна; его колени хрустели. Этим утром Корэйн надела поверх штанов привычную свободную юбку и обулась в мягкие разношенные сапоги. Стояла теплая погода, поэтому можно было обойтись без плаща, но все же она накинула его на плечи. Перчатки, которые она не использовала с прошлой зимы, были спрятаны в глубоких карманах.

Она завтракала на ходу, яростно вгрызаясь в лепешку, натертую маслом, чесноком и томатной пастой. Ее длинная черная коса, толстая, как корабельный канат, была переброшена через плечо. Она смотрела перед собой сосредоточенным, цепким взглядом. Ей хотелось запомнить этот день.

«Ведь сегодня я покину единственный дом, который у меня когда-либо был».

Яркие блики солнечного света скользили по водной глади; Корэйн казалось, что они распространяются слишком быстро. Дул попутный ветер, небо было безоблачным, а течения – благоприятными. Удачный день, чтобы начать путешествие. При взгляде в эту ослепительную голубизну у Корэйн разрывалось сердце.

Мелиза ан-Амарат спустилась на причал, оставив портовый город позади и представ лицом перед волнами. Она шла с пустыми руками. Ее крепко сбитую фигуру охватывал длинный потрепанный плащ с вырезами по бокам, сквозь которые виднелись обтягивающие штаны и сапоги. Вся ее одежда была пропитана солью, накопившейся за дюжину десятков плаваний по морям Варда. На ее висках проступала седина – всего несколько прядей, сверкавших на свету, словно серебряные нити. На ней не было шляпы, и она щурилась, глядя на восходящее солнце. Она выглядела так же, как и перед любым другим плаванием – невесомой и свободной от всех забот. Она сбросила с плеч груз ответственности и любые обязательства, оставаясь преданной одному лишь морю.

Любому ребенку было бы непросто наблюдать за подобным преображением собственной матери. Корэйн созерцала его бессчетное множество раз.

Она поравнялась с Мелизой слишком быстро. Ей вдруг захотелось спрыгнуть с причала и броситься в воду, но она лишь остановилась, выпрямив спину.

Капитан ан-Амарат повернула к дочери гладкое лицо, золотисто-бронзовое от загара.

– Я вернусь домой через несколько месяцев, как ты и говорила. После этого плавания у нас будет столько денег и сокровищ, что хватит на сотню лет.

– Они у нас уже есть, – с горечью произнесла Корэйн.

Она знала, сколько золота было закопано в их саду, сколько лежало в банковском хранилище, а сколько было спрятано на берегах и островах Долгого моря. Монеты, награбленные матерью; монеты, которыми отец пытался откупиться от своего стыда. Сейчас «Бурерожденная» отправлялась в плавание вовсе не ради денег.

– Твоим желаниям и амбициям нет предела. Ты любишь жизнь, которую избрала, и никогда не изменишь ее ради другого человека. Даже ради меня.

Корэйн не обвиняла мать, а просто констатировала факт.

Мелиза сжала челюсть.

– Это не означает, что я хочу, чтобы ты тоже вела подобную жизнь.

– Но не тебе решать, чего желаю я и кем мне предстоит стать, – сказала Корэйн.

Списки и перечни аргументов испарились, оставив за собой лишь предельно простую правду.

– Ты знаешь, что я не такая, как ты. – «Тебе не хватит характера». – И ты права, но не в том смысле, в каком тебе кажется. В моем сердце и в моей крови есть что-то, что не дает мне

сидеть на месте. – Веретенная кровь, кровь Древнего Кора. Независимо от того, хочу я этого или нет. – Тебе известно, о чем я говорю.

В глазах ее матери вспыхнул огонь. Она сделала глубокий, печальный вдох.

– Ты решила поговорить об отце именно сейчас? – всплеснула руками она.

Мелиза не была наследницей Веретенной крови и не представляла, что это значит. Но в ней тоже жил беспокойный дух странствий. Она знала, каково это – жажда перемен и новых дорог, смотреть вперед и никогда не оглядываться в прошлое.

– Меня не будет всего несколько месяцев. Я тебе обещаю, – наконец произнесла Мелиза, и где-то внутри Корэйн захлопнулась дверь. Разразилась буря. Оборвался мост. Расплелась тонкая нить.

Но впереди уже распахнулась совсем иная дверь.

– Прощай, – выдавила Корэйн сквозь сжатые зубы, стараясь не расплакаться.

Мелиза уже прижимала ее к груди, заточив в клетку своих объятий.

– Прощай, девочка моя, – сказала она, целуя дочь в висок. – Крепко стой на берегу, но обращай лицо к морю.

Корэйн сделала глубокий вдох, чтобы в последний раз ощутить запах матери.

– Благосклонны ли нынче ветра? – прошептала она, прижимаясь лбом к пиратскому плащу.

Ее мать чуть слышно вздохнула.

– Да, ведь они приводят меня домой.

Солнечный свет поглотил паруса «Бурерожденной», и она окончательно исчезла за горизонтом. Корэйн смотрела ей вслед, заслонив глаза от ярких лучей. С каждой минутой становилось все жарче. Капля пота стекла по шее Корэйн и исчезла за воротником ее длинного плаща.

– Кастио, – отрывисто проговорила девушка, закусив губу от волнения.

Старый моряк, стоявший рядом, повернул к ней голову.

– А?

Она махнула рукой в сторону склона холма, по которому тянулись городские улицы. Несмотря на ранний час, Лемарта уже ревела и грохотала.

– Я слышала, что Дома Мартия совсем недавно получила пару бочек отличного тирийского вина.

– Сейчас еще рановато пробовать вино Мартии, – отозвался Кастио. – Даже для меня.

Между пальцами Корэйн сверкнула холодная серебряная монетка, за которую можно было купить немало стаканов крепкой выпивки. Корэйн протянула пенни своему опекуну.

– Обязательно Расскажи, понравится ли оно тебе.

Кастио смерил монету подозрительным взглядом, но все-таки ее взял.

– Это ведь подкуп.

Она выдавила слабую улыбку.

– Пожалуйста, дай мне всего несколько часов. Мне нужно побыть одной.

Когда-то старик служил помощником капитана на сискарийском военном корабле. Прежде чем им стать, он был гребцом, а еще раньше – юнгой, хотя Корэйн едва ли могла представить его без морщин и седины. Она помнила истории, которые он рассказывал. О великих морских сражениях во время войн между Галландом и Тириотом. О том, как ярко светят звезды, когда вокруг тебя одно лишь море. О том, каким безграничным кажется мир, когда отплываешь от берега. Корэйн хотелось все это испытать – как и многое другое.

Опекун всматривался в лицо Корэйн несколько долгих секунд, заставляя ее нервничать. Сколь бы пьян или стар он ни был, никто не назвал бы его глупцом. Не зря мать оставляла Корэйн под его надзором.

– Она неправильно поступила, когда не взяла тебя с собой, Корри, – тихонько произнес он, сжав ее плечо.

Корэйн глядела, как он, пошатываясь, уходит прочь. Она не спускала с него глаз, пока он покидал гавань, пробиваясь сквозь растущую толпу, и брел по направлению к «Морской королеве» и винному погребу Мартии. Лишь когда он исчез за углом, Корэйн выдохнула и обвела гавань взглядом.

«Ни один капитан не возьмет меня на борт, потому что не захочет переходить дорогу моей упрямой, как мул, матери».

Ее тяжелые шаги эхом отражались от досок, выстилавших причал. Плащ оттягивал плечи; он был совершенно не по погоде, зато прекрасно подходил для долгого пути.

Она не оставила мне выбора.

Деревянные доски сменились булыжником, когда Корэйн ступила на длинную площадь, примыкавшую к гавани. Она вглядывалась в знакомые лица горожан, занимавшихся повседневными делами. Ее сердце колотилось, отбивая бешеный ритм.

Корэйн ан-Амарат любила действовать по плану. Увы, ее основной план уплыл прочь, даже не обернувшись на прощание. К счастью, у нее был запасной.

– Три дня, – внезапно шепнул ей в ухо нежный женский голос.

Не вздрогнув, Корэйн обернулась лицом к Сорасе Сарн. За ее спиной – в скрытом в тени углублении на углу площади – мелькнула золотисто-зеленая мантия.

– Три дня, – отозвалась Корэйн.

Этим утром убийца сняла с головы капюшон, и у Корэйн впервые появилась возможность ее разглядеть. Она окинула взглядом поджарую фигуру Сорасы; легкий плащ песочного цвета не мог скрыть ее ловкости и проворства. Корэйн не дала бы женщине-амхара больше тридцати лет. У нее были черные, как вороново крыло, волосы, а кожа напоминала сияющий насыщенно-золотистый топаз. Хотя она носила закрытую одежду, Корэйн все равно заметила несколько татуировок: черные полосы на пальцах, змею за ухом, крыло, явно принадлежавшее орлу, и жало скорпиона, видневшееся на ее шее. Каждая из них была чернильным произведением искусства, свидетельством того, что Сораса прошла обучение убийцы-амхара и отличалась непревзойденными навыками. Они приковывали взгляд сильнее, чем кинжал и меч.

Сораса фыркнула.

– Еще успеешь на меня наглядеться, Веретенное отродье. Мы ведь не хотим заставлять нашего бессмертного надоеду ждать?

Она указала большим пальцем себе за плечо. Стоявший в углублении Дом нетерпеливо переступил с одной громадной ноги на другую.

– Разумеется, нет, – ответила Корэйн. – А ты собираешься называть меня «Веретенным отродьем» на протяжении всего пути или только сегодня?

– Я еще не решила.

Убийца зашагала по площади стремительным шагом, и Корэйн последовала за ней, стараясь не отставать и не переходить на бег. Ее сердце колотилось – одновременно от волнения и от радости. Кастио поймет, что я сбежала. Матери не будет дома несколько месяцев. И даже если она узнает, что я сделала, она не вернется. Только не ради меня.

– Хорошо, что она тебя не взяла, – проговорила Сораса, застав ее врасплох. – Так для тебя будет лучше.

Корэйн вздрогнула всем телом.

– Почему же?

– Раширские гражданские войны – это та еще нудятина, – протянула Сораса.

Корэйн побледнела, следуя за убийцей в темный уголок рыночной площади.

Тень плохо скрывала то, как неуместно смотрелся Дом в солнечной, яркой Сискарии. Он низко поклонился, взмахнув своей зеленой мантией с вышитыми оленьими рогами. Меч,

висевший у него на поясе, выглядел еще смехотворнее, чем он сам. Слишком громоздкий, слишком тяжелый и совершенно не похожий на легкие сабли и ножи, которым отдавали предпочтение местные моряки.

– Миледи Корэйн, – проговорил Дом, и она раздраженно поморщилась. – Прошу прощения, – быстро добавил он.

– Я встречала вас всего дважды, Домакриан из Айоны, но вы успели извиниться передо мной столько раз, что я уже сбилась со счета, – сказала Корэйн, сложив руки на груди. Уголкем глаза она заметила, как губы Сорасы дернулись в усмешке.

Дом ничего не ответил. На его величественном лице крупными буквами было написано желание попросить у нее прощения еще раз.

– Что ж, – вздохнула Корэйн. – Вы говорили, я нужна вам, чтобы спасти мир.

Он поднял глаза и встретился с ней взглядом.

– Да.

Одна половина сознания Корэйн считала эту затею несусветной глупостью, а вторая была убеждена, что их попытки обречены на провал. Но обе половины сходились в одном: это лучший способ вырваться отсюда. Отправиться к горизонту, а потом и за его пределы. Обрести настоящую себя – ту Корэйн, которая запрятана где-то глубоко в моих костях.

– И как же мы будем... спасать мир? – спросила она.

Произнесенные вслух, эти слова звучали смехотворно.

Губы Дома расплылись в широкой улыбке. Она оказалась силой, с которой нельзя было не считаться: широкая и белая, с идеально ровными зубами. Корэйн стало интересно, все ли Древние отличались такой оскорбительной красотой. Это противоречило законам природы.

– Чтобы сорвать Веретено, необходимы два компонента, и они же нужны, чтобы его закрыть, – проговорил он, демонстрируя два длинных пальца. – Веретенная кровь... и Веретенный клинок.

– Полагаю, что я отвечаю за кровь. – Корэйн окинула взглядом свой поношенный плащ и старые сапоги. Она не знала, как именно должна была выглядеть спасительница мира, но определенно как-то иначе. – Но где мы возьмем клинок?

Дом ответил не задумываясь:

– В королевском замке Аскала.

Глава 7. Королева Львов

— Эрида —

Список имен неуклонно рос. Эрида жалела, что не может сжечь его или изорвать на части, однако ей оставалось лишь сидеть, сохраняя видимость спокойствия и мысленно проклиная каждого претендента на ее руку. «Этого следовало ожидать», – говорила она себе. Она была девятнадцатилетней девушкой – богатой, красивой, хорошо воспитанной, образованной – и к тому же обладала всеми талантами настоящей аристократки. «Хотя мои достижения все равно ничего для них не значат. Им нужна моя корона, она одна привлекает их. Им плевать на мои прекрасные синие глаза и острый ум. Будь я даже замшелым пнем, это ничего бы не изменило».

Королева Галланда правила страной уже четыре года, будучи коронована в возрасте пятнадцати лет. Она привыкла ко всем обязательствам и условностям, которые сопровождали ее сан. «Но от этого не становится легче», – подумала она, удобнее устраиваясь на сиденье.

Хотя они провели в зале заседаний всего час, ее уже терзала боль: все это время ей приходилось держать спину идеально ровно, сидя на резном стуле, в зеленом бархатном платье, туго стянутом шнуровкой. Низкий потолок круглого башенного зала усугублял ситуацию: жаркий полуденный воздух казался настолько спертым, что было почти невозможно дышать. Но, по крайней мере, в этот день ей не нужно было надевать корону и терпеть давящую тяжесть золота или серебра на голове; пепельно-русые волосы волнами ниспадали по ее бледным плечам. За спиной Эриды стояли два рыцаря Львиной гвардии в церемониальных позолоченных доспехах и ярко-зеленых мантиях. Она не представляла, как им удавалось переносить жару.

Даже в самый разгар лета Эрида проводила собрания королевского совета в одной из высоких башен крепости, представлявшей собой сердце Нового дворца. Этот круглый зал казался строгим и серым, напоминая старого седовласого стражника. Окна были распахнуты настежь, чтобы комнату освежал ветерок, поднимающийся от воды. Дворец стоял на острове в дельте Большого Льва и был со всех сторон окружен устьем и речными каналами. Благодаря воротам вода вокруг замка оставалась чистой, но остальная часть дельты была запружена галерами, торговыми лодками, купеческими кораблями, баржами и судами королевского флота, которые беспрерывно заходили в громадную столицу и покидали ее.

Советники расположились за столом, во главе которого восседала Эрида, и внимали лорду Ардату. Старик стоял, тяжело опершись на крышку стола, и сдавленным, посвистывающим голосом зачитывал очередное письмо. Каждые несколько секунд он останавливался, чтобы откашляться в носовой платок. Лорд Ардат давно забрался на утес смерти и жил на нем вот уже больше десятилетия. В какой-то момент Эрида перестала опасаться за его здоровье.

– Таким образом, я смиренно... – Он снова закашлялся. Эрида поморщилась, чувствуя, как начинает саднить ее собственное горло. – ...Предлагаю Вашему Величеству руку и сердце, дабы мы могли объединить наши судьбы. Я молю вас принять мое предложение. Пусть песнь, посвященная нам, разлетится от Трекийских врат до славных садов Аскала. Ваш до конца своих дней, Осковко Трековик, лорд Пограничья, кровный принц Трека... – Далее перечисляются все титулы, которыми любит хвастаться этот грязный тролль, – закончил Ардат, опуская письмо на стол.

«Какое точное описание», – подумала Эрида. Она встречала принца Осковко лишь однажды, но этого было более чем достаточно. Тогда, в военном лагере, он был с ног до головы

покрыт отходами, потому что напился до бесчувствия и упал в выгребную яму. Слой зловонной грязи и винный смрад помешали ей понять, красив он или нет.

Лорд Торнуолл стремительным движением потянулся за письмом. Он был худ и невысок – даже Эрида превосходила его ростом; волосы мужчины уже тронула седина, но борода по-прежнему оставалась такой рыжей, что, казалось, не уступала по свирепости воинам, которыми он командовал. Он не снимал доспехов даже в зале заседаний, как будто ожидал, что сидевшие за столом советники вдруг начнут нападать друг на друга. Прищурившись, он изучил письмо, написанное неаккуратным почерком, а затем – печать и подпись, оставленные на бумаге.

Даже не вставая со стула, Эрида могла с легкостью разглядеть отпечаток белого волка с короной на голове – герб королевской семьи Трека. Кроме того, на листке виднелись многочисленные ошибки и зачеркивания, а также несколько чернильных пятен, оставленных грязными пальцами.

– Это письмо написано рукой принца, – заключила Эрида, поджав губы.

– Сей факт не подлежит сомнению, – угрюмо подтвердил Торнуолл.

Он передал письмо леди Харрсинг, опытной придворной даме, которая едва ли не всю свою жизнь провела в королевском замке. Она усмехнулась, и морщинки на ее лбу пролегли глубже. Белла Харрсинг дожила до тех же преклонных лет, что и Ардат, но гораздо лучше сохранила внешность и здоровье.

Она хотя бы может дышать, не рискуя, что ее легкие взорвутся.

– Даже не утруждайте себя тем, чтобы вносить его имя в список, – заключила она, отказываясь прикасаться к письму.

Громадный, словно крепость, лорд Деррик, сидевший напротив, презрительно фыркнул.

– Вы настаиваете на кандидатуре желторотого юнца из Сапфирового залива, который никак не выучит алфавит, но отказываете королевскому наследнику, который стучится к нам в дверь?

Леди Харрсинг окинула его круглое красное лицо презрительным взглядом.

– Бьюсь об заклад, что Андализ ан-Амсир знает алфавит лучше, чем этот докучливый трекийский олух. Рискну предположить, что в своих знаниях он превзойдет даже вас, милорд. Более того, он тоже принц крови, причем союз с его государством был бы для нас гораздо полезнее.

Их пререкания были до боли знакомы и могли продолжаться вечно. Хотя Эриде казалось, что ее череп протыкают копьем, она не стала прерывать Деррика и Харрсинг, которые препирались, словно брат и сестра, соперничающие за внимание. «Чем дольше они спорят, тем позднее наступит то тошнотворное мгновение, когда мне придется продать себя, словно породистую корову, – думала она. – И тем больше времени на размышления у меня будет».

Несколько недель минуло с тех пор, как Эндри Трелланд в одиночестве вернулся в Аскал и поведал ей о сорванном Веретене и завоевателе, пришедшем из ниоткуда. Таристан из Древнего Кора. Наследник Веретеной крови и владелец клинка, спрятавший в горах неистовую армию ужасающих существ, которые подчиняются его воле.

Она хранила молчание, натянув на лицо непроницаемую маску спокойствия. Но мысленно она взвешивала слова оруженосца, как делала это каждое утро и каждый вечер со дня его возвращения. Говорил ли Трелланд правду? Действительно ли на горизонте появился демон, которому суждено поглотить нас всех?

Она не могла знать наверняка.

Ложь – это лучшее решение, единственно правильный выбор. Для меня и всего моего государства.

Харрсинг и Деррик не успокаивались, перечисляя достоинства женихов, которых они решили поддержать. По правде говоря, Эрида презирала как Осковко, так и айбалийского принца – равно как и всех остальных кандидатов, входивших в злокозненный список.

Лорд Кониджин, сидевший справа от королевы, тоже не участвовал в обсуждении. Он приходился кузеном отцу Эриды; по королевской линии он унаследовал вдумчивость и пронизательные синие глаза. «А также честолюбие», – подумала Эрида. В то время как другие члены совета были избраны за их заслуги, чтобы наставлять и направлять королеву, Кониджен попал в их число, потому что Эрида хотела лично присматривать за тем, кто может посягнуть на ее трон.

Он следил за Харрсинг и Дерриком, словно за игроками в бадминтон, переводя взгляд с одного спорщика на другого, пока они обменивались колкостями. Светлые волосы Кониджина, а также его пронзительный взгляд, выступающая челюсть и густая борода делали его похожим на отца Эриды. Его одежда тоже напоминала о покойном короле: он носил простой, но изящный зеленый шелк и цепь из золота и серебра, перекинутую с одного плеча на другое, по всей длине которой ревели кованные львы. При взгляде на него у Эриды сжималось сердце от тоски по человеку, которого не стало четыре года назад.

– Внесите его имя в список, – наконец произнес Кониджин тоном, не терпящим возражений.

Деррик тут же замолчал, и Эрида мысленно отметила эту деталь. Но Харрсинг продолжила спорить, что было неразумно, если в разговор вмешался Кониджин.

– Сделайте, как говорит кузен, – неохотно прервала ее Эрида.

Исполнительный Ардат окунул перо в чернильницу и нацарапал имя трекийского принца на длинном пергаменте, которому предстояло решить ее судьбу. Эриде казалось, что каждая буква врезается в ее кожу.

– Пусть он лишь второй сын, но союз с ним поможет нам обезопасить северные границы, – начал Торнуолл. Он всегда носил с собой тактические карты, и сейчас быстро развернул одну из них и указал на Трекийские врата – небольшой отрезок земли, где расступались Вардийские горы, делившие континент пополам.

Эрида едва удержалась, чтобы не сказать своему военачальнику, что знает географию лучше его. Вместо этого она поднялась со стула и медленно подошла к изумительной карте Оллварда, занимавшей всю стену. Она остановилась перед Галландом, так, чтобы видеть только его – страну, которая принадлежала ей по праву рождения и была ее единственной судьбой. Она вглядывалась в знакомые реки и города, изящно выгравированные на карте. В центре располагался Аскал, и его желтая кирпичная стена состояла из сусального золота и кусочков янтаря. Даже деревья великих лесов Варда были тщательно прорисованы. Эта карта стала плодом кропотливого труда неподражаемого картографа и художника, которому удалось с помощью мазков краски и покрошенных камешков воссоздать Оллвард во всем великолепии.

– Наша армия по самым скромным подсчетам пятикратно превосходит их войска. Если трекийские головорезы рискнут напасть со стороны Врат, пусть попробуют. Но я не стану связывать себя узами брака с наследником королевства, которому я нужна в большей степени, чем он мне. И прошу заметить, – продолжила она, проводя пальцами по карте, – что Трек сам не может похвастаться удачным расположением. Он зажат между славным Галландом и джидийскими волками, не говоря уже о Темурийской империи. – Она указала на северные ледяные пустоши, а затем на западную степь.

Торнуолл с задумчивым видом откинулся на спинку стула.

– Император Бхар отказался от новых завоеваний два десятилетия назад. Темуриджен процветает, а его воины лишь охраняют установленные границы.

Но это не значит, что так будет всегда. Легендарный мир, воцарившийся на западе благодаря могуществу Темуриджена, длился уже несколько десятков лет. «За него уплачено кровью, – думала Эрида. – Но такова цена спокойствия и процветания».

– Император не будет жить вечно, а я гораздо младше его, – ответила королева, снова опускаясь на стул. – Я не желаю делать ставку на миролюбие его сыновей, ведь в их сердцах

может проснуться жажда завоеваний, которая горела в душе их отца, когда тот был молод. И я не стану заключать союз, если из-за него мне придется переправлять своих солдат на другую сторону Вардийских гор, чтобы они сражались и умирали за чужой трон и спасали трекийские глотки от темурийских клинков.

Харрсинг вскинула подбородок. На ее щеке сверкнул изумруд размером с яблоко. Леди Харрсинг была не только проницательной советницей, но и самой богатой женщиной в Галланде. Разумеется, не считая королевы.

– Хорошо сказано, Ваше Величество.

– В самом деле, вы умеете зреть в корень большинства моих генералов, – произнес Торнуолл, задержавшись взглядом на маленькой карте, которую по-прежнему держал в руке. – Хотя, должен признаться, мне хотелось испытать рыцарей Галланда в бою с Бессчетным войском Темуриджена. Какая получилась бы война!

В его голосе звучало что-то наподобие мечтательного сожаления.

– Какая была бы война, – эхом откликнулась Эрида.

Эта картина в красках предстала перед внутренним взором королевы. Бессчетное войско Темурийских степей во главе с императором Бхаром ни разу не терпело поражения в бою. Но за последние десятилетия никто не смел бросить ему вызов. Эрида задумалась, были ли их конные лучники столь же грозны, как и раньше. Ей хотелось бы знать, смогут ли галлийские крепости и галлийская сталь выдержать подобный шторм, если он когда-нибудь разразится. А еще она думала о том, какая империя могла бы возникнуть из такого столкновения. Я бы возглавила ее, возвысившись над всеми остальными. Тогда мне больше никто не был бы нужен.

– Наши войска всегда готовы к войне и могут разгромить любую армию в мире, – резко произнес Кониджин. – В любом случае, в ближайшее время вооруженных конфликтов с Темуридженом не предвидится, поэтому обсуждать этот вопрос сейчас бессмысленно. Перед нами стоит более неотложная задача.

– Спасибо, что не даете нам отклониться от темы, кузен, – пробормотала Эрида, испытывая противоположные чувства. Он ответил ей фальшивой улыбкой. – Оставьте Осковко в списке. Нужно ли добавить других претендентов? Или, быть может, вычеркнуть какие-то имена?

Она тщательно следила за своим голосом, чтобы в нем не звенели нотки надежды.

– Герцог Рекцио из Сискарии предлагает кандидатуру своего сына и шлет вам его портрет, – прохрипел Ардат. – Я знаю, вы не хотели бы выходить замуж за близкого родственника, но его имя я все-таки тоже вписал. Кроме того, глава джидийского клана отправила вам медвежью шкуру и письмо, в котором выражает надежду на брачный союз.

Он извлек потрепанную страничку из лежавшего перед ним фолианта и передал ее королеве.

– Отправила? – изумленно переспросил лорд Торнуолл.

Эрида не была удивлена. Почти во всех королевствах люди незнатного происхождения имели право вступать в брак с кем пожелают – будь то мужчина, или женщина, или те, кто относили себя к иному полу, или же те, кто не относили себя ни к какому полу вообще. Однако у правящей королевы выбора не было, поскольку перед ней стоял вопрос о продолжении династии.

– Она не первая женщина, выражающая подобную надежду. Тем более правитель Джиды не наследует престол, а избирается народом. В моем случае все иначе.

Письмо представляло собой не пергамент, а кусок дубленой кожи. Надеюсь, она принадлежала животному, а не человеку. Послание состояло из трех вытисненных слов: ты, я, вместе.

– Я и не знала, что слово «письмо» можно трактовать так широко, – пробормотала она, прежде чем отложить его в сторону. За столом раздались негромкие смешки. – Напишите благодарственную записку и отправьте ее в Джид, а шкуру – в мою резиденцию в Каслвуде.

– По крайней мере наследный принц Мадренции распрощался со своими надеждами, – сообщила Харрсинг, поднося руку к ожерелью. Голубые ниточки вен просвечивали сквозь ее тонкую, как бумага, почти прозрачную кожу. – В конце этого месяца Орлеон женится на сискарийской принцессе. Его имя мы можем вычеркнуть.

Эта маленькая победа оказалась горькой на вкус. Эрида сжала зубы, готовясь озвучить то, что ей очень не хотелось произносить вслух.

– Можем ли мы потянуть время? Я бы хотела дать воинам возможность собраться у мадрентийской границы. Как только мы объявим, что свадьбы не будет, то начнем наступление, чтобы получить доступ к океану. И, если возможно, я бы предпочла не вступать в войну с Сискарией, чтобы не сражаться на два фронта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.